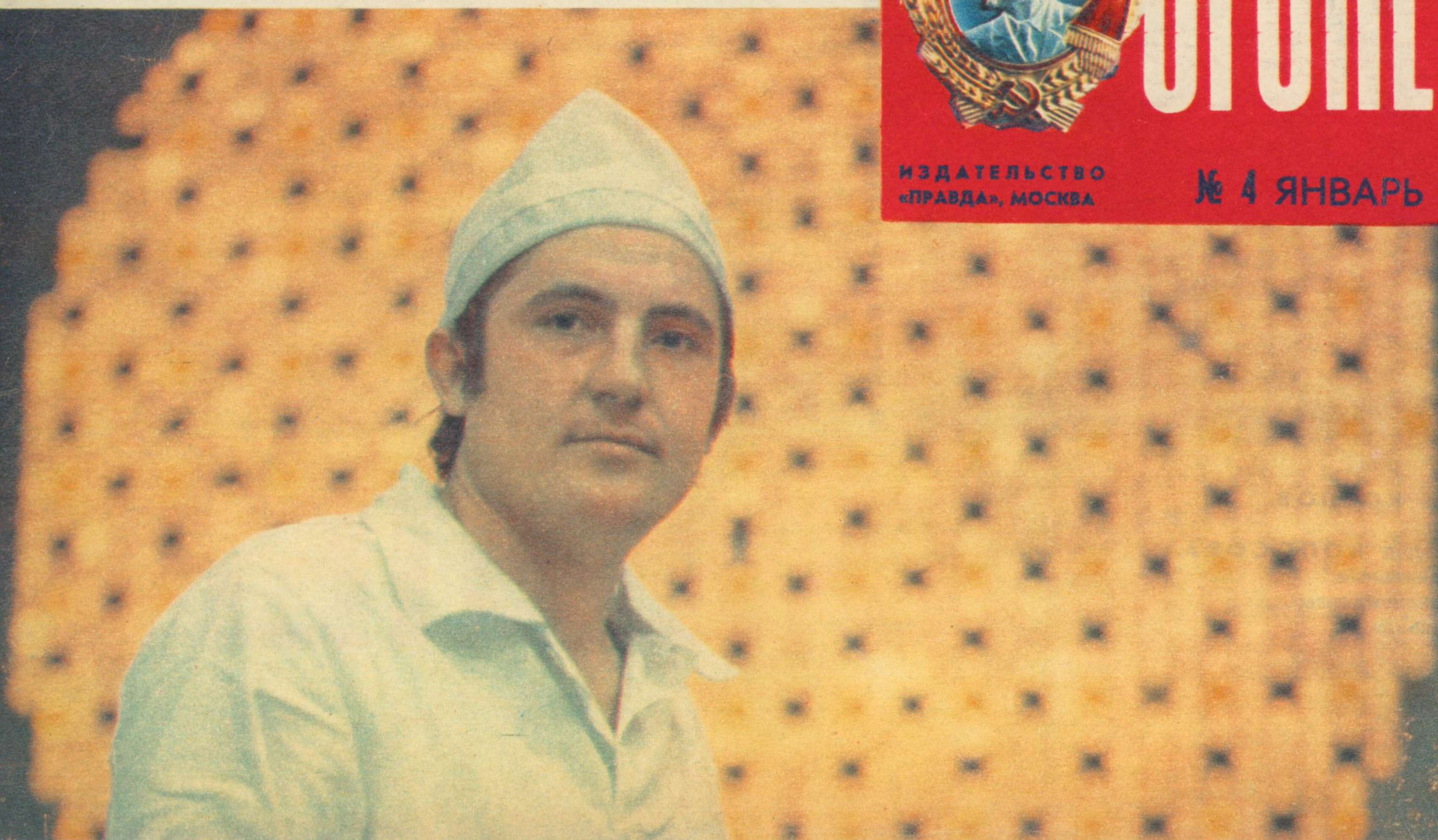
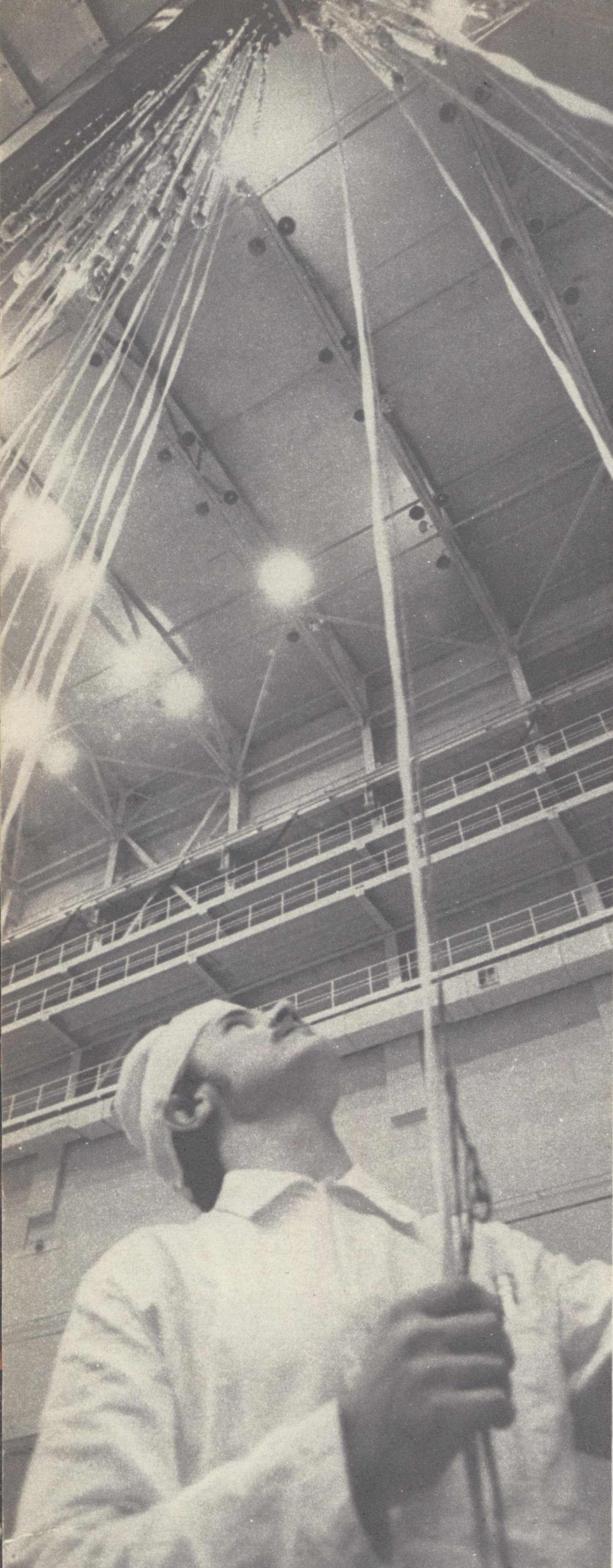

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 4 ЯНВАРЬ 1983

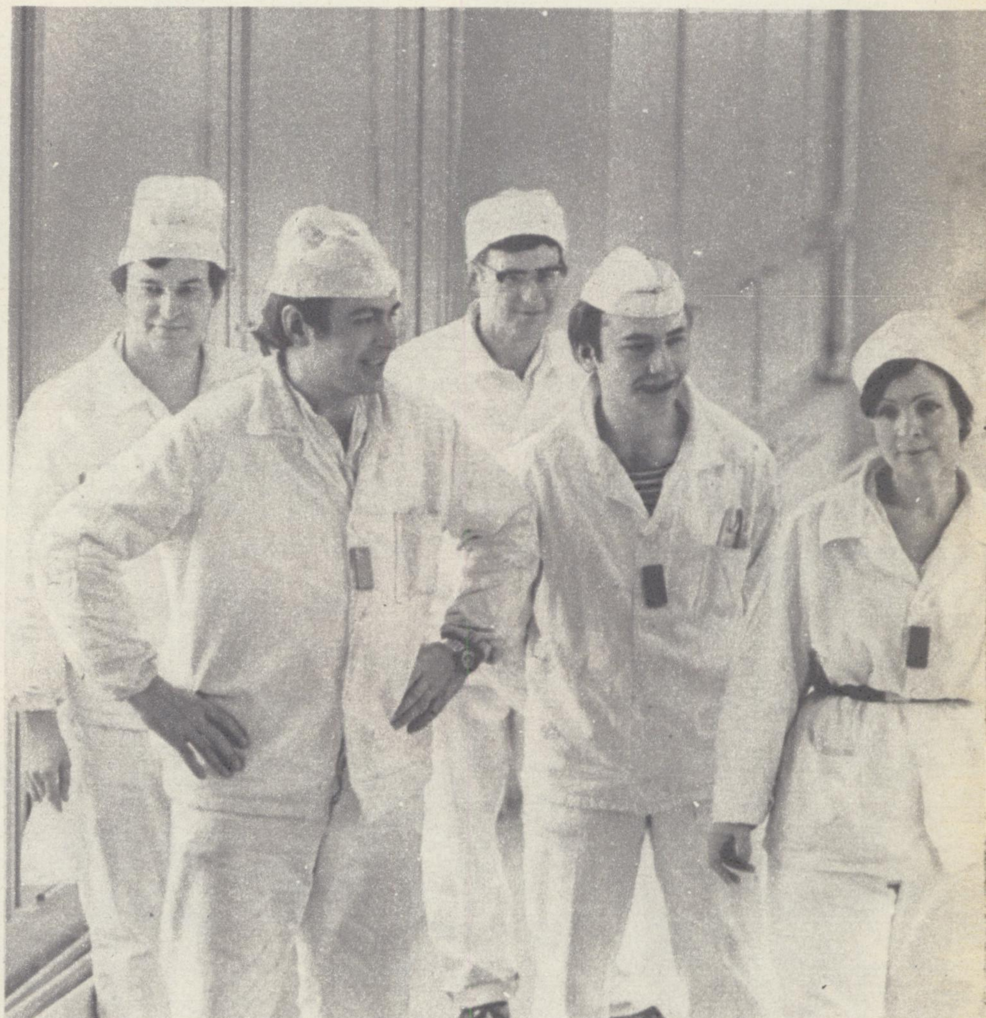

В реакторном зале станции.

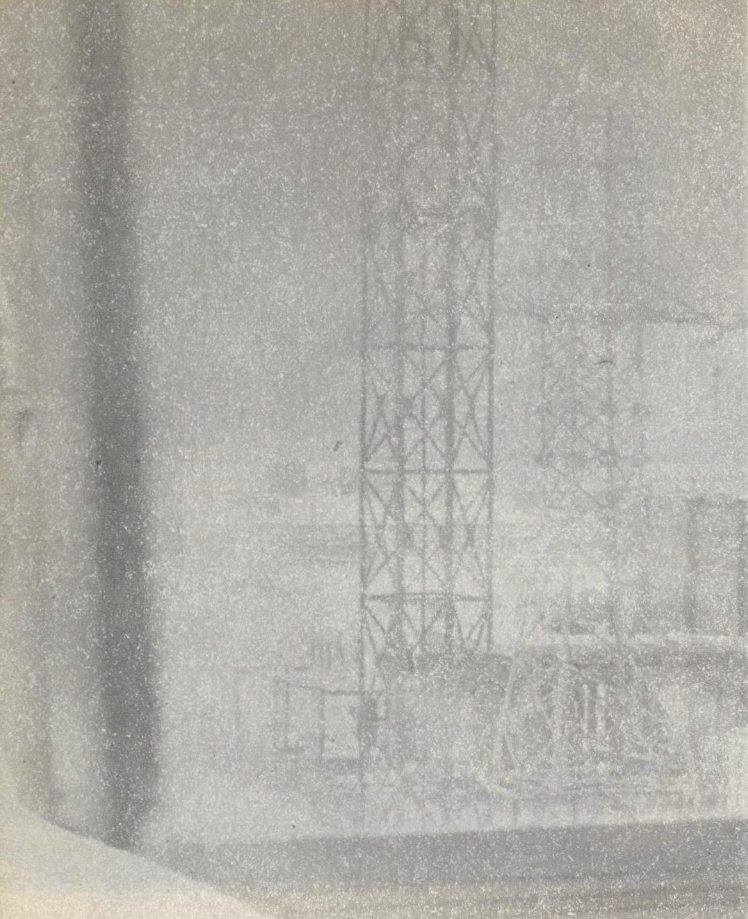
Старший начальник смены Д. Д. Кривой.

адреса великих свершений

СМОЛЕНС

Юрий КОЗЛОВ,
фото
Геннадия КОПОСОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

— Мы работаем на Смоленской атомной.

Центральный зал. Разгрузочно-загрузочная машина.

КАЯ АТОМНАЯ

См. стр. 3.

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО

12 января в Кремле под председательством кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецова состоялось очередное заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Президиум рассмотрел вопрос об итогах деятельности Верховного Совета СССР в 1982 году и о плане мероприятий, намечаемых для проведения в 1983 году.

На заседании по сообщению секретаря Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили рассмотрен вопрос о работе Советов народных депутатов по дальнейшему развитию дружбы и сотрудничества народов СССР и по интернациональному воспитанию трудящихся.

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР С. Н. Имашев и член Президиума Н. Г. Басов рассказали о получивших дальнейшее развитие традиционных интернациональных связях союзных и автономных республик, областей, городов, районов, трудовых коллективов, о расширившемся и обогатившемся взаимном обмене передовым производственным опытом, достижениями в области идейного воспитания и культуры.

Выступая по этому вопросу, Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов остановился на богатой и многообразной практике работы Советов народных депутатов в юбилейном году по дальнейшему развитию дружбы и сотрудничества народов нашей страны. Он обратил внимание на задачу Советов при решении ими вопросов государственного и социально-культурного строительства конкретнее и глубже учитывать национальную специфику, проявлять больше заботы о всестороннем развитии всех наций и народностей, особенно малых народов. Подчеркнута необходимость настойчиво устранять из практики любые отклонения от ленинской национальной политики, последовательно обеспечивать полное равенство советских людей всех национальностей.

В принятом постановлении Президиум Верховного Совета СССР поручил Советам народных депутатов, руководствуясь решениями XXVI съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС, положениями, содержащимися в материалах торжественного заседания, посвященного 60-летию образования СССР, уделять постоянное внимание развитию и углублению дружбы и сотрудничества народов СССР, успешному решению общенародных задач развития экономики, повышения благосостояния и культуры трудящихся при тщательном учете особенностей каждой союзной республики, интересов всех наций и народностей страны.

Внимание Советов народных депутатов и подчиненных им органов сосредоточено на всемерном содействии обеспечению более полного использования материально-технических, природных и трудовых ресурсов. Особое внимание должно уделяться практической реализации Продовольственной программы СССР и тех конкретных задач, которые определены в ней для всех союзных республик.

Затем Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел вопрос о деятельности Прокуратуры СССР, с сообщением по которому выступил Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков.

В выступлениях по этому вопросу членов Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, Д. А. Кунаева, Г. В. Романова, В. В. Щербицкого, Ш. Р. Рашидова, Н. А. Новосело-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2897)

22 ЯНВАРЯ 1983

Перед началом переговоров.
Фото А. Гостева

Заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова [ТАСС]

СОВЕТА СССР

вой, заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР Т. Х. Кошоева и И. Г. Кэбина отмечалась необходимость дальнейшей активизации деятельности прокуратуры по надзору за соблюдением законодательства, требований государственной дисциплины, по выявлению и пресечению хищений социалистической собственности, борьбе с должностными злоупотреблениями, взяточничеством, расточительством, бесхозяйственностью, по предупреждению правонарушений, обеспечению надежной защиты прав и интересов советского гражданина. Ряд вопросов улучшения работы милиции, координации деятельности всех правоохранительных органов в борьбе с преступностью поставил в своем выступлении министр внутренних дел СССР В. В. Федорчук.

В принятом постановлении Президиум Верховного Совета СССР предложил Генеральному прокурору СССР и подчиненным ему прокурорам принять меры к более полному использованию предоставленных Конституцией и законодательством СССР полномочий по осуществлению высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов на всей территории страны вопреки каким бы то ни было местным и ведомственным влияниям.

Затем была рассмотрена информация о письмах трудящихся, поступивших в Президиум Верховного Совета СССР и в редакцию газеты «Известия», по вопросам бережного отношения к хлебу. Президиум Верховного Совета СССР поручил соответствующим государственным органам и организациям принять дополнительные меры к обеспечению выполнения ранее принятых решений о рациональном использовании хлеба и других пищевых продуктов.

Рассмотрены также некоторые другие вопросы государственной жизни.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

11—13 января 1983 года в Советском Союзе с официальным деловым визитом находилась делегация Организации освобождения Палестины во главе с Председателем Исполкома ООП Я. Арафатом.

12 января в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с делегацией Организации освобождения Палестины.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, был проведен углубленный обмен мнениями о положении на Ближнем Востоке.

Участники переговоров решительно осудили продолжающуюся агрессию Израиля против палестинского и других арабских народов, осуществляемые им террор и репрессии на оккупированных арабских землях, его попытки путем военного шантажа навязать Ливану капитулянтские условия и тем самым закрепить результаты своего разбойничьего нападения на это арабское государство.

Было подчеркнуто, что ответственность за преступные агрессивные действия против арабов, чинимые Израилем, в полной мере несут также США, которые поощряют агрессора и оказывают ему всевозможную помощь и поддержку.

Во встрече приняли участие со стороны ООП — председатель Национального совета Палестины Х. Фахум, члены Исполкома ООП Ф. Каддуми, Я. абд Раббу и А. аль-Ямани. С советской стороны участвовали также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л. М. Замятин, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенц, член коллегии МИД СССР О. А. Гриневский.

По окончании визита было принято совместное советско-палестинское коммюнике.

СМОЛЕНСКАЯ АТОМНАЯ

См. 2-ю стр. обложки.

Она красива, Смоленская атомная электростанция. Снаружи серо-голубые корпуса разной высоты, очертаниями своими напоминающие корабль — он словно с неба опустился на заснеженные поля Смоленщины. Внутри просторные, залитые светом залы, серьезные люди, одетые в белое,— они заняты в общем-то обычным для нашего времени делом: заставляют атом работать на человека... В декабре прошлого года атомная электростанция дала первый ток, включилась в энергосистему страны.

— Почему именно в Смоленской области строится АЭС?— спросил я у Дмитрия Денисовича Кривого, старшего начальника смены станции.

Дмитрий Денисович — человек, бесконечно преданный энергетике, всю жизнь проработал на атомных станциях.

— Во-первых,— ответил он,— Смоленская область — центр России, здесь острый дефицит электроэнергии. Во-вторых, рядом река Десна, то есть нет проблем с водохранилищем. В-третьих, электроэнергия Смоленской АЭС в первую очередь необходима для поднятия Нечерноземья.

Начальник смены несет ответственность за работу станции в течение смены, то есть восьми часов. Станция работает круглосуточно. Дмитрий Денисович и повел нас по станции, по обитым пластиком коридорам и лестницам — сначала в машинный или турбинный зал, потом показал блочный щит управления («сердце блока»— так он выразился), потом систему центрального контроля всех параметров — она сама собирает, рассчитывает, передает обратно оператору данные,— потом центральный щит управления, и наконец, центральный, реакторный зал.

Невольно вспомнился разговор с главным инженером АЭС Юрием Парфеньевичем Сараевым. Он особенно подробно остановился на мероприятиях, связанных с безопасностью работы персонала и охраны окружающей среды. «Все технологические выбросы локализованы в пределах блока. Это заложено в проекте»,— сказал Сараев.

На станции нам встречались большей частью молодые люди — подчеркнуто корректные, внимательные, они говорили о своей работе как об обычном деле, но все равно чувствовалось: они прекрасно понимают, какая лежит на них ответственность. Вот, например, Владимир Пашичев — старший инженер управления реактором. Окончил Горьковский политехнический институт, Смоленская — его первая атомная станция. Володе двадцать восемь лет, у него жена, сын, квартира в Десногорске—этот город растет вместе со станцией. «Станция совсем недавно введена в строй,— сказал Володя,— оборудование как бы еще «обкатывается». Я здесь затем, чтобы ничего не случилось, чтобы принять в случае необходимости верное решение». Или Александр Войлошников, тоже молодой человек, дежурный старший инженер по вычислительной технике. Он родом из Читы, учился в Томске, работал в Пскове, а вот осел прочно здесь, в Десногорске. Запомнился еще совсем молодой — ему двадцать два года — Сергей Куликов. Он дозиметрист, работает на станции полгода. Не удержался я и спросил у Сергея насчет радиации. Он ответил, что она всегда гораздо ниже допустимой нормы и совершенно — он подчеркнул это слово,— совершенно неопасна для окружающих. И щелкнул датчиком. Действительно, оказалось ниже...

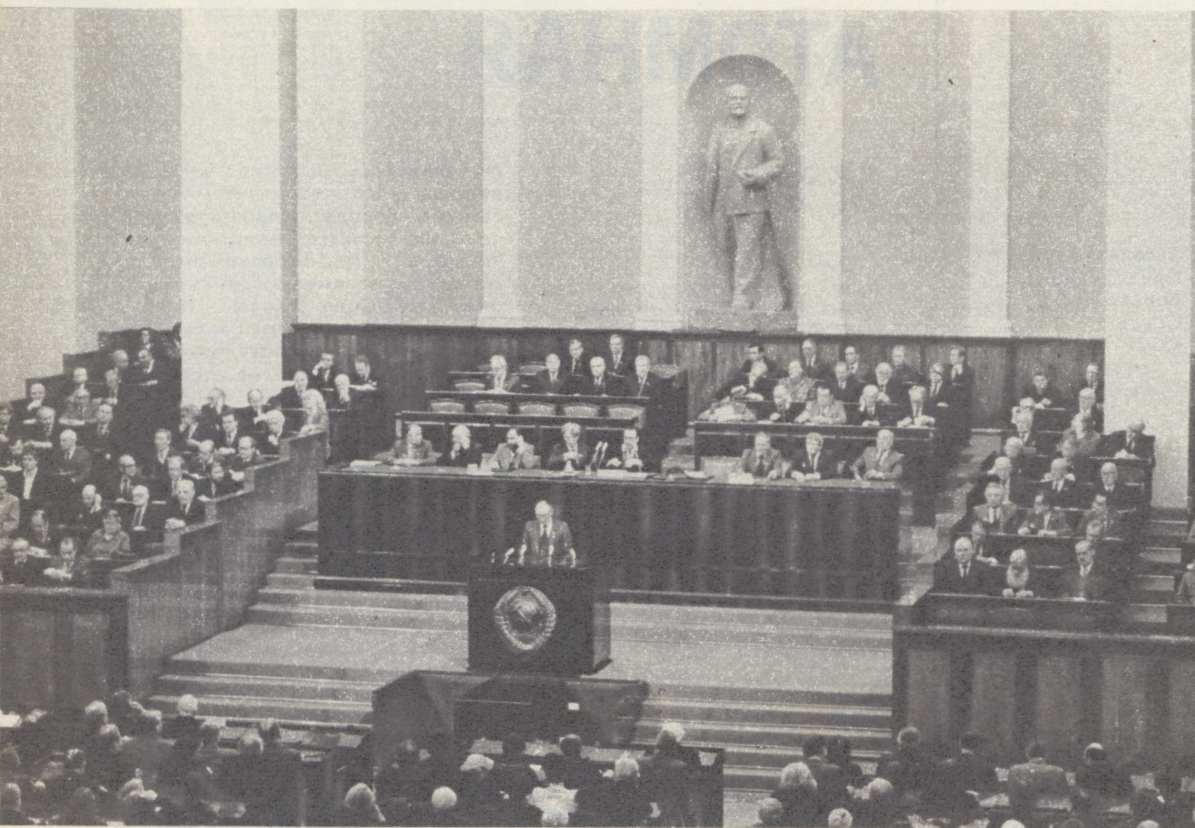
Все электрики, ремонтники, слесари, диспетчеры—весь обслуживающий персонал прошел стажировку на действующих атомных станциях. Настоящей школой стало для многих и участие в пусконаладочных работах. И все-таки говорить о том, что все проблемы на станции решены, рано. Отчасти это объясняется тем, что строительство станции продолжается, оно рассчитано на годы вперед... Только ток станция дает уже сейчас!

— По штатному расписанию,— говорил главный инженер,— нам нужно иметь пять смен и еще одну, резервную, на случай отпусков, болезней и так далее... Но нужным числом людей мы не располагаем, потому что управление строительства сорвало план по жилью. У нас лежат сотни заявлений с просьбой принять на работу, среди них от людей подготовленных, крайне необходимых. Но мы не можем их принять, уже работающие — и те размещены кое-как.

...Уезжали со станции вечером. Снег растаял, над водохранилищем, над полями поднимался туман. И серо-голубые корпуса становились неотличимыми от полей, и неожиданно подумалось: они, наверное, тоже поле, только особенное, атомное, где люди выращивают особенную энергию — атомную, так нужную и обыкновенным смоленским полям, лежащим сейчас в тумане, и городам и селам всего Нечерноземья, и всем живущим в нашей стране людям...

Смоленск — Рославль — Десногорск.

ЛЕТОПИСЦЫ ЭПОХИ

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялся VI съезд художников СССР.

Вместе с делегатами съезда в зале заседания собрались представители трудовых коллективов, руководители творческих союзов, деятели культуры и науки, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники. В форуме участвуют представители Союзов художников социалистических стран, а также Финляндии.

Аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Г. А. Алиева, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова.

С большим воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ленинского Центрального Комитета КПСС.

С отчетным докладом правления Союза художников СССР «За высокое общественное призвание художника» выступил председатель правления Н. А. Пономарев.

Художники страны, отметил он, представители разных поколений и национальных школ, вместе со всем советским народом прилагают все силы для претворения в жизнь исторических решений XXVI съезда КПСС, положений и выводов ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, для успешного выполнения заданий третьего года пятилетки.

От имени советских художников докладчик выразил искреннюю благодарность Коммунистической партии, ее Центральному Комитету и Политбюро за постоянную заботу о творческом труде мастеров искусства.

Великим достижением нашего общества стала социалистическая многонациональная культура — органичный сплав революционных идей и замечательных художественных традиций. Мы — интернационалисты, подчеркнул докладчик, и это лежит в основе наиболее ярких творческих достижений мастеров изобразительного искусства. Мы — реалисты, и верность методу социалистического реализма объединяет нас, дает возможность новых художественных открытий.

Художник призван многое сделать для осуществления поставленной партией задачи максимального удовлетворения потребностей народа в красоте. В этой деятельности видим мы ответ на решения XXVI съезда партии, в этом — высокая гражданская миссия художника Страны Советов.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ЛИВАН: ПОЖАР

Владимир КОВНАТ, корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке

Утром 22 декабря над Бейрутом разнесся тревожный вой сирен машин «Скорой помощи». Полиция перекрыла движение в районе улицы Верден, чтобы скорее пропустить автомобили спасателей, санитаров и пожарных, спешивших к продовольственно-вещевым складам Детского фонда ООН.

Колоссальный столб оранжевого огня и черного дыма поднимался к небу. Языки пламени, раздуваемого холодным зимним ветром, взлетали выше окружающих многоэтажных домов. Пожар был настолько силен, что возникла непосредственная угроза целому жилому району. Лишь благодаря отчаянным усилиям опытных бейрутских пожарных и сильному дождю огонь был приглушен. Но еще в течение двух часов в огромном складском помещении снова занималось пламя, окончательно уничтожая запасы одежды, одеял и других вещей, предназначенных в качестве международной помощи оставшимся без крова и имущества палестинским беженцам. Объявленная официальная версия причины пожара — неисправность электропроводки...

Склады Детского фонда ООН находятся в пяти минутах езды от нашего корреспондентского бюро, и когда мы выскочили из машины, пожар только начинали тушить.

Гул и треск пламени заглушал крики и команды руководителей спасательно-пожарных отрядов. Несмотря на сильный дождь, в радиусе тридцати метров от пылающего здания асфальт был сухим. Струи воды из брандспойтов били в бушующий огонь, вырывающийся из окон. Вот так же горело множество бейрутских зданий во время недавней войны. Но теперь, к счастью, в городе работал водопровод, и пожарные, в своих огнезащитных костюмах, пробивались к центру загорания, заливая огонь тоннами воды...

Крыша склада была выбита внутренним давлением и прогорела полностью в первые же минуты пожара.

Огонь начал затихать, и мы спросили у одного из спасателей, в чем причина несчастья.

— Когда я увидел, как все это горело, у меня не осталось никаких сомнений. Причина пожара — взрыв, диверсия,— ответил спасатель.

За несколько дней до этого мы побывали в бейрутских лагерях беженцев и видели, как сотрудники Детского фонда ООН выдают неимущим палестинцам и ливанцам грубошерстные одеяла и другие зимние вещи. Ведь когда нет крыши над головой, нет топлива в полуразрушенном доме, войлочное теплое одеяло — настоящее спасение. Теперь то, что не успели раздать, сгорело или безнадежно испорчено. Кто был в этом заинтересован?

Еще в начале декабря, когда на Хамре — главной улице Бейрута прогрохотал взрыв и небо над городом заволокло клубами дыма, бейрутцы были уверены в том, что это очередная диверсия. Приехав на место, мы увидели знакомую картину — разрушенные и обгоревшие здания, искореженные взрывом остовы автомашин.

Это было покушение на председателя Центрального политического совета Национально-патриотических сил Ливана Валида Джумблата, а то, что неизбежно пострадает множество людей, идущих по улице или едущих в автомашинах, организаторов покушения, как всегда, ничуть не волновало. Джумблат и его жена были ранены и остались живы лишь по чистой случайности. Один из бойцов охраны погиб на месте, многие совершенно посторонние люди получили тяжелые ранения и ожоги, шесть человек убито.

Кто устроил покушение, кто был в этом заинтересован?

На этот вопрос нам ответил очевидец взрыва, легко раненный осколками стекол, вылетевших из окон жилого здания:

— В первую очередь израильская агентура, она, несомненно, замешана в этом черном деле. Вспомните, как еще до начала израильской оккупации премьер-министр Ливана Ваззан заявил прессе, что Израиль прямо или косвенно замешан в каждом террористическом акте на территории Ливана. Вот кому это нужно, вот кому это выгодно...

Лишь крайне правые силы, а их в Ливане ничтожное меньшинство, выступают за безоговорочное подписание мирного договора с Израилем.

Израильская пропаганда подвергает ливанское правительство грубым нападкам, а министр обороны Израиля Ариэл Шарон публично договорился до прямой угрозы, что если президент Ливана Амин Жмайель не подпишет мирный договор, то останется президентом лишь в своем собственном дворце.

ТИХОН ЯКОВЛЕВИЧ КИСЕЛЕВ

11 января 1983 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета Компартии Белоруссии, член Президиума Верховного Совета СССР Тихон Яковлевич Киселев. Ушел от нас видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, жизнь которого без остатка отдана великому делу строительства коммунизма.

Тихон Яковлевич Киселев родился 12 августа 1917 г. в деревне Огородня ныне Добрушского района Гомельской области в бедной крестьянской семье. Член КПСС с 1940 года. Окончил Гомельский педагогический институт и ВПШ при ЦК КПСС. Длительное время работал учителем, заведующим учебной частью семилетней, директором средней школы. С 1944 года Тихон Яковлевич Киселев на партийной работе. Был инструктором Гомельского обкома партии, руководителем лекторской группы Брестского обкома, заместителем заведующего, заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Белоруссии. С 1952 года Т. Я. Киселев являлся первым секретарем Брестского обкома партии, затем секретарем и вторым секретарем Центрального Комитета Компартии Белоруссии. В течение почти двадцати лет он работал Председателем Совета Министров Белорусской ССР. Здесь ярко раскрылись присущие Тихону Яковлевичу Киселеву замечательные качества талантливого партийного и советского руководителя. Им многое сделано по мобилизации трудящихся на восстановление разрушенных в годы войны городов, сел, промышленных предприятий, колхозов, совхозов, по дальнейшему развитию производительных сил республики. За эти годы в Белоруссии созданы новые отрасли экономики, на высокие рубежи вышло сельское хозяйство, осуществлены большие социальные преобразования.

С 1978 года Т. Я. Киселев работал заместителем Председателя Совета Министров СССР. В октябре 1980 г. Тихон Яковлевич Киселев был избран первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Он с XXII съезда партии являлся членом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. С октября 1980 г. Т. Я. Киселев кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР четвертого и последующих созывов, с июня 1981 г. — член Президиума Верховного Совета СССР.

Тихон Яковлевич Киселев на всех участках, куда его направляла партия, проявлял творчество и инициативу в претворении в жизнь политики КПСС. Его отличали высокая компетентность и эрудиция, принципиальность и деловитость, внимание и чуткость к людям, личное обаяние и скромность. Все это снискало Тихону Яковлевичу широкое признание и авторитет.

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством Т. Я. Киселеву в 1977 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден пятью орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, «Знак Почета» и многими медалями.

Светлая память о Тихоне Яковлевиче Киселеве, верном сыне ленинской партии и советского народа, пламенном патриоте и коммунисте, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Т. Н. Ментешашвили, А. Н. Аксенов, В. Г. Балуев, В. И. Бровиков, Н. И. Дементей, Е. Ф. Ивановский, Ю. Б. Колоколов, А. Т. Кузьмин, М. И. Лагир, В. А. Микулич, В. Ф. Мицкевич, Н. Н. Полозов, И. Е. Поляков, Л. С. Фирисанов, Ю. М. Хусаинов, И. Ф. Якушев, В. Е. Лобанок, Н. Л. Снежкова, В. П. Шаплыко, Л. Г. Клецков, А. А. Малофеев, В. В. Прищепчик, Е. Е. Соколов, С. М. Шабашов, Г. Г. Бартошевич, Н. А. Борисевич, Л. Д. Брызга, Е. И. Климченко, В. Л. Бедуля, Е. И. Скурко (Максим Танк).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Что ж, такую угрозу израильской армии выполнить нетрудно — Ливану сегодня нечего противопоставить военной силе интервентов, поддерживаемой всей мощью американской военно-экономической машины. Не так давно правительство Рональда Рейгана приняло новые обязательства по оказанию финансовой помощи Израилю на сумму — ни много ни мало — в два с половиной миллиарда долларов. Заметим, что именно в эту сумму оценивается материальный ущерб, нанесенный Ливану израильскими интервентами в ходе войны. Но деньги получает, естественно, не Ливан, а Израиль.

Сегодня, оккупировав южную часть Ливана, израильтяне провоцируют и разжигают новую гражданскую войну. Сионисты твердят, что они воюют исключительно против палестинцев, а коренному населению Ливана израильская армия — лучший друг. Но на территории, подвластной оккупантам, давно уже нет палестинских боевых отрядов. А военные действия продолжаются. «Кто-то» постоянно провоцирует стычки между христианскими и мусульманскими общинами. Так называемые «неизвестные» открывают автоматный огонь по мирному населению из мчащихся автомашин. Все это делается с точным учетом характерных особенностей ливанских арабов, полуфеодального уклада в общинах, сохранившегося до наших дней обычая кровной мести. Здесь малозначащая уличная стычка может быстро перерасти в настоящие бои с применением крупных орудий и фугасных ракет. Уже длительное время, то слегка затухая, то снова разгораясь, бушует в окружающих Бейрут горах междоусобная война. Арабы убивают арабов, и это очень устраивает израильских лидеров. С большим удовлетворением оккупационная армия наблюдает за всем этим, не позволяя армии Ливана остановить братоубийство и навести порядок. Израильтяне иногда вмешиваются в эти стычки, но лишь в том случае, когда снаряды начинают угрожать «священной безопасности» самих оккупантов.

На днях тысячи людей, находившихся в районе международного аэропорта, с горечью и гневом наблюдали за артиллерийской перестрелкой, происходившей на окраине Большого Бейрута. Множество ливанцев приехало в аэропорт встретить своих близких и друзей, возвращающихся домой, как они думали, в мирный Ливан. И что же увидели все эти люди?

Примерно в полумиле от берега дремали на якорях десантные и боевые корабли 6-го флота США. У середины взлетно-посадочной полосы на берегу моря и у здания аэропорта со стороны города расположились американские укрепленные пункты. В воздухе висели американские боевые вертолеты. Между поселком Хальде и аэродромом окопались бронетанковые подразделения израильтян, контролирующие южное шоссе.

И вот вся эта военная сила и пальцем не шевельнула, когда в непосредственной близости снаряды громили здания, убивали и калечили мирных жителей. Столбы огня и дыма взлетали над бейрутским пригородом Шоурифат, за минуту падало до десятка тяжелых снарядов.

А ведь и американцы и израильтяне могли остановить все это в считанные секунды — если бы захотели. Точно так же, как если бы американская администрация этого захотела, израильская армия в течение нескольких часов убралась бы за пределы ливанской земли.

— В чем же роль международных сил,— обратился к нам в аэропорту молодой ливанец с ребенком на руках,— если они ничего не делают для поддержания мира?!

Действительно, определенные слои населения Ливана, измученного бесконечной войной, лелеяли химерическую надежду, что когда морская пехота под звездно-полосатым флагом высадится на ливанское побережье, то все несчастья тут же и кончатся. Как бы не так... Теперь даже самые аполитичные граждане понимают, что американские «маринеры», выполняя приказ своего командования, служат в первую очередь интересам сионистского правительства Израиля. Это и неудивительно — у правительств Бегина и Рейгана общая политика, общие интересы.

Массовые аресты, проведенные израильской охранкой и ее пособниками, вызвали в стране гневный протест. На улицы Бейрута и других городов вышли матери, жены и дочери тех ливанцев и палестинцев, что томятся в израильском концентрационном лагере Ансар, созданном захватчиками на земле Ливана. Женщины требовали освободить их сыновей, мужей и отцов. Когда демонстрация двигалась по главной магистрали столицы, в сотнях женских глаз можно было увидеть боль, горе и слезы — но не было в них духовной сломленности или страха. Ни недавняя страшная война, ни террор, ни аресты не смогли подавить поразительную жизнеспособность населения этой маленькой страны.

Каждый вечер радио сообщает о новых и новых нападениях патриотов на солдат и офицеров оккупационной армии. С каждым днем захватчики чувствуют себя все более неуютно. Десятки интервентов были убиты при взрыве израильского штаба в Тире.

Нет мира под ливанскими кедрами, да и не может быть, пока оккупация страны продолжается, пока Ливан охвачен незатухающим пожаром многолетней войны.

Бейрут.

ЛЖИВАЯ СТРЯПНЯ

Серафим СЕВЕРНЯК, главный редактор журнала «Отечество» (Народная Республика Болгария)

На фронте «холодной войны» без перемен... Об этом говорит организованная сейчас на Западе провокационная пропагандистская кампания. Объектом нападок избрана Болгария, которая обвиняется в «причастности» к покушению на папу римского Иоанна Павла II в мае позапрошлого года. Пылая ненавистью, не скрывая крайней раздраженности, враги социалистической Болгарии стремятся всячески очернить наше государство. Ради этого выискиваются несуществующие «факты» и стряпаются немыслимые «доказательства». Западные идеологические центры, не брезгуя ничем, стараются облить потоками грязи болгарский национальный характер, утверждая, что ему свойственно стремление к... насилию! В океане лжи утонули достоверные факты, а провокационный шум заглушил разумные голоса. Меня, как каждого болгарина, всякого честного человека, охватывают гнев и возмущение.

Понятно раздражение современных «рыцарей холодной войны»: ведь доказательств соучастия болгарского гражданина Сергея Антонова в покушении на папу нет никаких. Адвокаты уже располагают алиби для невинно задержанного и требуют его немедленного освобождения. Все вместе это есть не что иное, как полный провал замысла сценаристов и аранжировщиков очередного антикоммунистического шоу.

Кому же понадобилось именно сейчас избрать объектом грязных нападок наш народ, ценой страданий и последовательной борьбы завоевавший свою независимость?

Следствию в Риме приводились как будто «неопровержимые факты», а поводом ко всему стало «открытие» американской журналистки Клер Стерлинг, связанной с ЦРУ, будто следы террориста Агджи ведут к... болгарину. В кармане самого Агджи в момент ареста после покушения обнаружили листок с номером телефона болгарского посольства. Дело представлялось так, как будто речь идет о слабоумном, а не поднаторевшем в подобных акциях международном террористе. Утверждается, что и сам Агджа якобы признался и подтвердил «открытие» Стерлинг.

Почему-то никто не вспомнил, что еще в процессе по делу убийства редактора турецкой газеты «Миллиет» Абди Ипекчи было доказано: преступление совершил все тот же Агджа — член организации «серые волки», которая специализируется на политическом терроризме. Печать всего мира, и прежде всего Италии и Турции, привела тогда изобличительные факты и признания подсудимого и свидетелей. Режиссеры антикоммунистического спектакля «забыли», что полтора года назад солидные западные агентства передавали: «Как показывает следствие, подсудимый поддерживал тесные связи с крайне правыми кругами в Турции. С помощью неофашистов ему удалось избежать тюрьмы (за убийство редактора «Миллиет».— С. С.)». Цитат таких можно приводить множество. Но сегодня о них «забыли»... Истину решено подменить фальшивкой, следы которой умышленно направили к гражданину Народной Республики Болгарии. Цель — заставить непосвященных поверить в козни социалистической страны!

За самую большую улику выдается встреча Агджи с «болгарскими тайными службами»... Факты? Все та же попавшая в руки полиции бумажка с телефонным номером. Чтобы «восстановить истину», Клер Стерлинг отложила в сторону свою журналистскую работу и занялась следствием. Видимо, не без помощи ЦРУ.

Кому-то, видать, неугодно, что граждане социалистических стран нормально трудятся и производят блага, а не устраивают забастовки и демонстрации против социалистического строя. Вот и раздувается версия, будто Агджа связан с Софией. Смотрите, католики Западной Европы, кто поднял руку на наместника бога! Защита от происков коммунистов, ясное дело, одна — размещение в ваших странах новых американских ракет.

Как тут не вспомнить Ван дер Люббе! Неужто его дух «вселился» в Агджу? Но на календаре 1983 год. Полвека отделяет нас от другого обвинения и от другого процесса — Лейпцигского. Не буду проводить формальные сравнения, хочу только напомнить, что коммуниста Георгия Димитрова, одного из наисветлейших умов человечества, фашисты обвинили в поджоге. Чего только не писала фашистская пресса о «темном болгарском субъекте»! Но именно правду о поджоге рейхстага мир узнал из уст болгарина. Его речь на процессе стала гневным обвинением фашистам и всем, кто за ними стоял.

Безответственные люди хотят извращенно представить наш национальный характер. Да, болгарский народ всегда был на стороне прогресса и свободы, а не на стороне реакции и террора. Руководитель болгарского национально-освободительного движения Васил Левский ратовал не за братство со всеми без разбора, но призывал подать руку всякому, кто готов вместе с нами сражаться за жизнь и свободу человеческую. Эти мысли принадлежат борцу, который нес над головой знамя с вышитым девизом гарибальдийцев «Свобода или смерть!».

Каким будет конец сфабрикованного врагами социализма фарса о покушении на папу римского, известно: его организаторы будут изобличены. Кто громче всех кричит: «Держи вора!» — сам вор.

София.

О. ТИМОФЕЕВ

БЛОКАДНЫ

Слава пришла к нему неожиданно — в пятнадцать мальчишеских лет. Было в нем тогда росточку, что называется, метр с кепкой, и, похоже, именно это столь досаждавшее Васе Иванову обстоятельство и привлекло внимание художника Алексея Федоровича Пахомова, заглянувшего к ним в цех. Он долго наблюдал за его работой, потом шутливо заметил подошедшему мастеру: «Да он у вас не метр — мэтр с кепкой!» И, пристроив рядом со станком мольберт, тоже взялся за дело. Так рождался знаменитый плакат «Все для фронта». Под рисунком художник уважительно указал героя — Василий Васильевич. А вскоре защитники Ленинграда сложили про него песню:

На острове Аптекарском,
За вспененной Невой
Стоит, гудит, работает
Заводик номерной.
Туда Василь Васильевич
Приходит чуть заря
И весело командует:
«За дело, токаря!»

Песня полюбилась: она часто звучала на концертах, передавалась по радио. Для страны парнишка с плаката стал символом отваги и стойкости ленинградских ребят — маленьких героев невероятно трудного времени, отмеченного в истории человеческого мужества страшным словом «блокада».

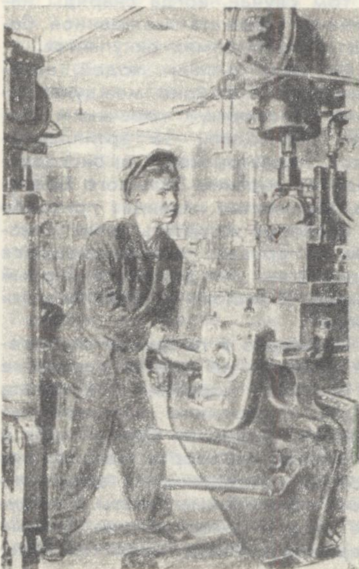
До войны Вася Иванов успел окончить лишь первый из четырех полагавшихся по программе курсов ремесленного училища. А когда началась война, он должен был отправиться в эвакуацию на Урал. Паренек сопротивлялся всеми доступными ему средствами. Самым надежным оказалась его отличная учеба: когда решался вопрос о том, кого из ребят можно временно оставить на заводе, чтобы заменить ушедших на фронт квалифицированных рабочих, справедливость восторжествовала — Иванова назвали в числе самых достойных.

Нельзя сказать, чтобы такое пополнение сильно обрадовало цехового мастера. Волею военных обстоятельств мирному заводу, выпускавшему полиграфическое оборудование, предстояло в кратчайшие сроки освоить производство оружия. «А с кем осваивать?— печалился мастер.— С этим, что ли, пацаном, который до рукояток управления дотянуться не может?» Впрочем, печалился он, как выяснилось, зря. Сбегал парнишка во двор, отыскал ящик под ноги, забрался на него да и не слезал, пока всю норму не откатал. И с качеством не оплошал. Вот тогда-то впервые и назвал его мастер уважительно — Василь Васильевичем. И, конечно, не за рост — за ударную работу порекомендовал впоследствии художнику обратить внимание на паренька в широком, с мужского плеча, пиджаке, в лихо сдвинутой на затылок кепке.

К тому времени авторитет Василь Васильевич заслужил непререкаемый. Левофланговый в шеренге сверстников, он тем не менее всегда был в числе правофланговых лидеров соревнования за досрочное выполнение заказов фронта. А их с каждой неделей становилось все больше.

— Мальчишки — известное дело, хлебом их не корми, а дай повозиться с оружием,— вспоминает В. Иванов.— И мы до войны такими были — мастерили свои игрушечные винтовки, пистолеты из деревяшек, в Испанию мечтали удрать. Ну а тут посыпались на нас эти самые винтовки, пулеметы с поля боя тоннами. Наша задача — рассортировать, отобрать годные части, выточить недостающие и вновь превратить этот металлолом в исправное оружие.

В Указе Президиума Верховно-

Плакат работы А. Ф. Пахомова.

В. В. Иванов.

Фото Ю. Щенникова

Й ПЛАКАТ

го Совета СССР, регламентировавшем режим рабочего времени в те военные годы, строго оговаривалось, что «лица, не достигшие 16 лет, могут быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более двух часов в день». Пожалуй, это был единственный из законов военного времени, регулярно нарушавшийся. По шестнадцать — двадцать часов не уходили ребята из цеха. Здесь погибали от голода, обстрелов, здесь честно исполняли свой рабочий долг даже в те безнадежные, казалось, дни, когда завод оставался без электричества. Как галчата, по нескольку человек окружали станок — один вытачивал нужную деталь, остальные вместо мотора вал крутили.

«Великий труд охраны и спасения города, обслуживания и спасения семьи выпал на долю ленинградских мальчиков и девочек. Они потушили десятки тысяч зажигалок, сброшенных с самолетов, они потушили не один пожар в городе, они дежурили морозными ночами на вышках, они носили воду из проруби на Неве, стояли в очередях за хлебом, ловили шпионов и диверсантов. И они были равными со своими отцами и матерями в том поединке благородства, когда старшие старались незаметно отдать свою долю пищи младшим, а младшие делали то же самое по отношению к старшим. И трудно сказать, кого больше погибло в этом поединке». Эти волнующие строки Александра Фадеева можно дополнить перечнем еще многих десятков обязанностей, которые добровольно взвалили на свои хрупкие плечи юные защитники Ленинграда: ослабевшие артисты-пионеры, большинству из которых в пору самим было занимать места на больничных койках, давали концерты в госпиталях; голодные ребята разносили по домам еду для тех, кто уже не мог самостоятельно сходить за ней; тысячи малышей спасли тимуровцы, отыскав их в опустевших, вымерших квартирах...

И все же главным их подвигом была работа, крепившая боеспособность города, страны. Оружие, выкованное слабыми руками мальчишек и девчонок Ленинграда, защищало Москву, участвовало в разгроме гитлеровских полчищ на других фронтах. У станков стояли насмерть — как на передовой!

Вплотную подобралась костлявая и к Василию Васильевичу. Однажды после двух напряженнейших смен подряд он еле добрался до койки и... «лег спать, а проснуться забыл» — горько шутили в таких случаях блокадники. Он проснулся. Но встать уже не смог. И не встал бы, если б не помощь товарищей да поразительная в столь хрупком теле воля к жизни, выносливость. Чем отпаивали, откармливали в заводском стационаре — не помнит, но на ноги все же поставили. А дальше уж сам, передвигая одну ногу за другой, добрел до родного цеха.

Здесь его вскоре назначили бригадиром над двенадцатью совсем неумелыми мальчишками. Но программу и на них определили будь здоров, да и самого Василия Иванова нежданное бригадирство от нормы не освобождало. А тут еще забота: заводу поручили выпуск новых пулеметов, заслуживших впоследствии известность под именем «максим-ленинградский». Однако до известности той было еще немало трудов и бессонных ночей. Василий Васильевич и вовсе переселился в цех, чтобы не терять драгоценного времени на дорогу, успевать и свое задание выполнить и за ребятами присматривать. Это было, наверное, самое трудное время его военной биографии.

— Самое трудное?—усмехается Василий Васильевич, не соглашаясь.— Самое трудное было вот здесь, весной сорок второго года.

Мы идем по ярко залитому вечерними огнями Большому проспекту Петроградской стороны, и я несколько недоуменно оглядываюсь по сторонам — где именно?

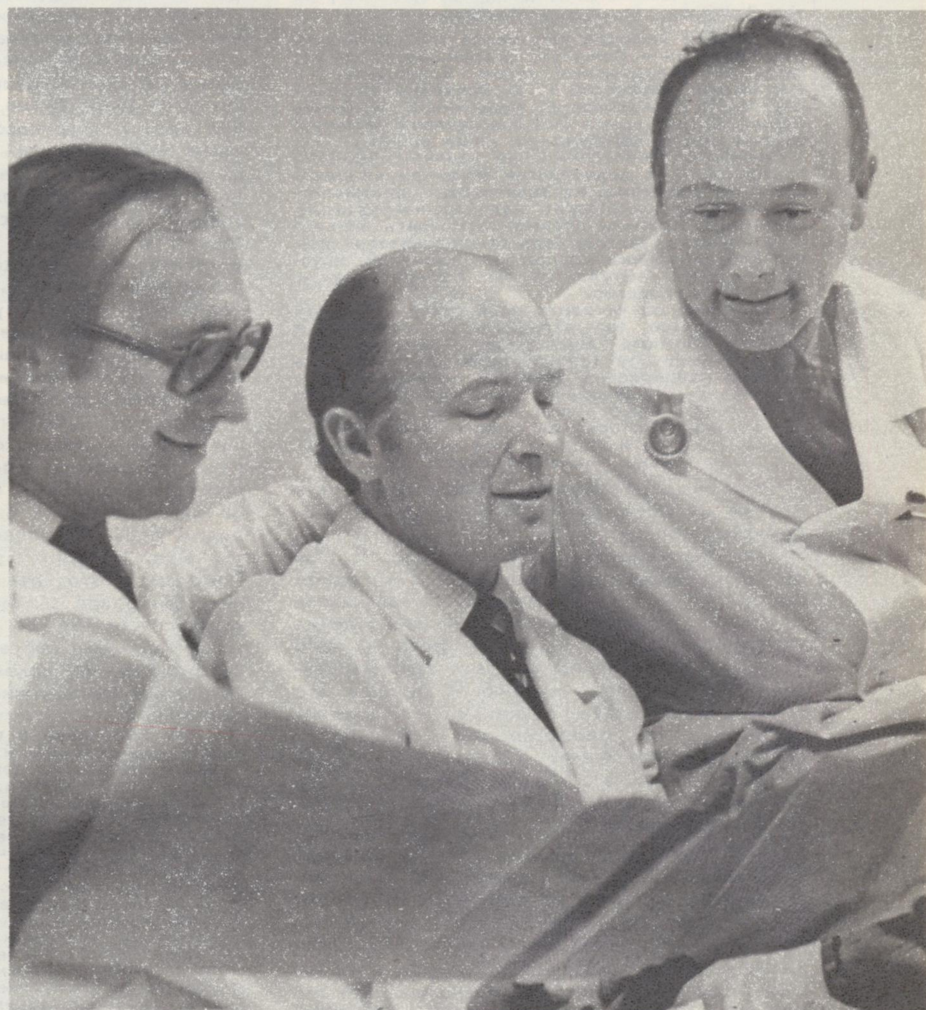
— Здесь был наш участок уборки — от площади Льва Толстого до Тучкова моста. Фашист ведь на что рассчитывал: не взял измором зимой — голыми руками возьмет летом, после того, как нас разные эпидемии доконают. По логике-то правильно рассчитал, где уж там больным, ослабевшим людям с уборкой такого громадного города справиться. Но у нас логика своя была, покрепче, мы и это выдюжили. Чуть солнышко пригрело — все трупы, весь мусор убрали, город как стеклышко блестел. И не допустили заразы. Ну, а я самое главное сражение тогда выиграл—обыкновенным дворницким ломом, которым лед скалывал. Лом-то тяжелее меня был...

Про лом в заводской истории не сказано ничего. Зато многие ветераны помнят, что именно Василий Васильевич отличился при создании «максима-ленинградского», и даже несколько раз командировали Васю с ним на передовую, чтобы показать бойцам машину в действии. Действовал пулемет как хорошие часы. С его помощью 18 января 1943 года солдаты пробили первую брешь в плотном вражеском кольце, окружившем город. И когда художник Пахомов пришел в цех, на груди его будущего героя уже ярко сверкала медаль «За оборону Ленинграда». Между нею и орденом Трудового Красного Знамени, которым Иванов награжден за нынешние успехи, пролегла жизнь. Честная рабочая жизнь, отданная родному «Полиграфмашу».

Подрастают у Василия Васильевича трое внуков, десятки его учеников стали отличными, под стать наставнику, фрезеровщиками. Все, в общем, идет как надо. Не умолкает и телефон в новой квартире. Иванов — частый, желанный гость во Дворце пионеров, школах города. Тема бесед неисчерпаема: «Расскажите, как это было?»

ЧИТАТЕЛЬ ПРОСИТ РАССКАЗАТЬ

ТРОЕ С ОДНОЙ КАФЕДРЫ

Кардиограмма стала лучше. В. А. Сулимов, В. И. Маколкин, А. Л. Сыркин результатом довольны.

Фото А. Бочинина

На операцию она решилась не сразу: знала, что сложна и опасна. Знала, и что опыт не велик: во всем мире их сделано около пятисот. ...И что другого выхода нет.

Спасти Валентину У. от изматывающей аритмии могла только операция на сердце — остановленном, открытом сердце. Тончайшая, ювелирная операция на проводящей системе. Поясним, что по проводящей системе распространяются электрические импульсы, которые

заставляют работать наше сердце в нужном ритме. С частотой 60—80 ударов в минуту.

Хирурги начали бороться с аритмией недавно. Сошлюсь на слова академика В. И. Бураковского: «Если взять даже самые современные учебники по кардиологии и терапии, а также хирургии сердца и сосудов, там не найти даже упоминаний о радикальном лечении такого тяжелого страдания, как нарушение ритма сердца». Впервые в нашей стране операции на проводящей системе сердца были разработаны в Каунасе членом-корреспондентом АМН СССР Ю. Ю. Бредикисом. Валентину У. готовили к операции врачи Института сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева вместе с кардиологами 1-го медицинского.

Она трижды приезжала из маленького городка к московским ученым-медикам. На консультацию, на обследование, для подтверждения диагноза. Сюда, в новое 12-этажное здание на Большой Пироговской, где разместилась «служба сердца» 1-го медицинского института имени И. М. Сеченова,— на кафедру факультетской терапии. Руководит кафедрой и клиникой доктор медицинских наук, профессор Владимир Иванович Маколкин.

— Нашей кафедре уже более 135 лет,— рассказывает он.— Пожалуй, старейшая среди московских медицинских вузов. Вслушайтесь в эти имена: профессор Г. А. Захарьин, профессор М. П. Кончаловский, академик В. Н. Виноградов. В свое время они возглавляли кафедру. От них пошла сегодняшняя наша школа...

Спокойно побеседовать не удалось. Звонили постоянно — из редколлегии журнала «Кардиология» и парткома, из Зеленограда, оказывается, кафедра шефствует над зеленоградскими медиками. Просили срочно посмотреть больного в клинике. Заглядывали преподаватели, врачи. Две черноокие красавицы принесли историю болезни. «Студентки из Афганистана»,— поясняет профессор.

Буквально за четверть часа стало ясно, какое непростое это «хозяйство» — кафедра и клиника. Помимо занятий со студентами, еще научная работа в лабораториях. Да в клинике не одна кардиология, еще три отделения. Прислушиваясь к деловым, лаконичным ответам Маколкина, я все время помнила горделивую интонацию, с которой он говорил о «сегодняшней школе». Да и заранее уже знала о некоторых талантливых ученых кафедры.

Например, о докторе медицинских наук Абраме Львовиче Сыркине, однокашнике Владимира Ивановича.

Они начали дорогу в науке вместе. В студенческих аудиториях того же 1-го медицинского, ставшего их альма-матер. Мальчишки, у которых годы возмужания и становления характера пришлись на войну, решили стать врачами. Безошибочно выбрали свое направление в медицине — терапию. И прошли все основные ступеньки науки: от клинических ординаторов до профессоров. Более десяти лет проработали с академиком В. Н. Виноградовым. «Может, это и есть самая большая удача в жизни. Остальное обычно, как у всех»,— говорил мне А. Л. Сыркин.

Уже тридцать с лишним отдано клинике, кафедре, кардиологии. Правда, проблемы, которыми они занимаются, разные. В. И. Маколкин работает над изучением заболеваний, известных в науке как некоронарогенные поражения миокарда.

— Поясните, Владимир Иванович, что же означает столь сложное медицинское название?

— Трудно сказать в нескольких словах, но постараюсь. Это заболевания, связанные с нарушением нервной регуляции деятельности сердца. Наверно, многим знаком диагноз — нейроциркуляторная, или вегетососудистая, дистония. Часто ее относят к несерьезным болезням. Вероятно, потому, что она не угрожает жизни человека. Но от болей в области сердца, от общего недомогания появляется раздражительность, вялость, плохой сон... Словом, в 30—40 лет человек не может нормально работать. Я уже не говорю о старшем возрасте. А поставить диагноз порой бывает трудно, потому что дистония принимает формы других болезней, например, стенокардии, миокардита. Прямо-таки настоящий хамелеон... Нам на кафедре удалось разработать методику ее распознавания. Появилась возможность точнее и быстрее поставить диагноз.

Владимир Иванович на миг задумывается, как бы решая, выдать или нет читателям свой рецепт. Выяснилось, что лечение болезни простое и в то же время сложное. Почему? Потому что никогда в истории медицины человек не принимал такого количества таблеток, как сейчас. Принял пилюлю и ждет мгновенного выздоровления. А в лечении дистонии первое слово не за ними. Здоровый образ жизни, режим труда и отдыха, движение, особенно движение — вот что поможет больному в первую очередь. Но, увы, отказаться от привычек гораздо сложнее, чем проглотить таблетку.

С выполнения этих, казалось бы, прописных истин и начинается профилактика сердечно-сосудистых заболеваний. Профессор глубоко убежден, что многие из них можно предупредить, даже ишемию и инфаркт миокарда.

Совсем недавно, каких-то лет двадцать назад, заболевшим инфарктом миокарда помощь оказывалась только на дому, даже при самых тяжелых осложнениях: перевозить в больницу боялись. Практически человек оставался один на один с бедой. Врачи знали, что три недели неподвижного лежания были своего рода платой за чрезмерную работу сердечной мышцы, за ее «усталость». Дать ей максимальный покой означало дать возможность восстановить работу сердца. Это с одной стороны. А с другой — возникали нарушения ритма, сердечная недостаточность... И прочие серьезные ожиданные и самые неожиданные осложнения. Короче, катастрофа могла наступить в любую минуту.

Но вот что рассказывал мне А. Л. Сыркин:

— Уже в начале шестидесятых годов одними из первых в стране стали перевозить больных инфарктом врачи нашей факультетской клиники. На самой обыкновенной машине «Скорой помощи». Среди них был и я, тогда еще совсем молодой врач.

Конечно, за словами «стали перевозить» был не только наш энтузиазм. В первую очередь — резкий скачок в науке и технике. Изменение теоретических концепций. Новые методы лечения, разработанные, в частности, и на нашей кафедре под руководством замечательного врача Виталия Григорьевича Попова, ныне профессора, Героя Социалистического Труда. Тогда в клинике рождалось, что сейчас называется кардиологической реанимацией и интенсивной терапией, что вошло в практику других клиник,— продолжал А. Л. Сыркин, называя имена известных кардиологов, вспоминая клинику и кафедру тех лет. Терапевты клиники доказывали правоту своего метода, требуя, чтобы перевозили больных с самыми тяжелыми осложнениями: в стационаре все подготовлено для спасения больного.

До сегодняшней организации «службы сердца» в 1-м медицинском тогда было еще далеко. Профессор вспоминал, в каких муках рождалась шоковая палата — предшественница реанимации. Не бывает праздников, когда рядом больной человек, горе. Но в клинике, той еще, в старом здании около памятника Пирогову, в этот день был настоящий праздник: благодаря шоковой появилась возможность спасти хотя бы часть обреченных. Ведь тогда погибало восемь из десяти больных с кардиогенным шоком, оставленных дома вылечиваться неподвижностью от самой опасной болезни.

С тех пор лечение выстраивается таким образом: реанимация и отделение интенсивной терапии, потом отделение ишемической болезни сердца. И, наконец, кардиологический санаторий для дальнейшей реабилитации. Верная, оправдавшая себя с годами схема. Но, по словам А. Л. Сыркина, ее нужно еще усовершенствовать. Сегодня врачи клиники считают, что в структуре поэтапного лечения больных инфарктом не хватает одного звена — промежуточного, между отделением реанимации и палатами отделения ишемической болезни сердца. Поэтому и залеживаются иногда больные на очень дорогих «реанимационных» койках, оборудованных сложной аппаратурой, среди мониторов с кнопками, лампочками, цветными сигналами. Очень дорогих койках. А нуждаются они уже не столько в интенсивном лечении, сколько в тщательном уходе. Правда, здесь есть еще одно «но»: оказать его в обычных палатах нелегко. Санитарки на вес золота, да и сестер нужно больше... Еще проблема: тесновато становится и в новом здании.

Сегодня благодаря новейшим средствам диагностики появилась возможность исследовать в клинике то, что вчера еще было недоступно: давление крови в легочной артерии, тонкие механизмы аритмий, обмен веществ в мышце сердца. А отсюда и новое в лечении сердечно-сосудистых заболеваний.

В. И. Маколкин показывает авторское свидетельство о лечении аритмий. Выдано оно Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий нескольким ученым. В их числе заведующий отделением реанимации клиники, старший научный сотрудник Виталий Андреевич Сулимов.

Аритмии серьезны и очень коварны. Известно около двухсот их разновидностей. Встречаются они довольно часто еще и потому, что любое сердечно-сосудистое заболевание, будь то порок, инфаркт или невроз, может сопровождаться нарушением ритма. Сказать, что у человека аритмия,— почти ничего не сказать. Каждый конкретный случай требует изучения. А для этого надо провести тонкую диагностику — электрофизиологическое исследование сердца, зондирование, как его называют врачи в обиходе. Именно этим и занимается В. А. Сулимов.

Острым опытом, острым клиническим экспериментом считает В. И. Маколкин это исследование:

— Врач, который проводит его, должен иметь широкий профессиональный кругозор. Это обязательное условие. Вообще терапевт в кардиореанимации одновременно и хирург, анестезиолог и токсиколог. Даже невропатолог, если возникнут нарушения мозгового кровообращения. Нагрузки в реанимации, прямо скажем, не из легких.

Может быть, поэтому в отделении, как и во всей клинике, работает много молодежи. Да и сам Виталий Андреевич возглавил его в двадцать семь лет, ровно четыре года назад. Пригодился и прежний опыт, когда Сулимов работал на «Скорой» в неотложной кардиологии. Кстати, «Скорой» он верен и сейчас: руководит специальной консультативной бригадой. Одной из тех, что летит на самый сложный вызов,— кардиореанимационной.

Учился он здесь же, в 1-м медицинском, у Маколкина и Сыркина. Виталий Андреевич добавляет: «И сейчас учусь...» — это уже после защиты кандидатской диссертации.

Я наблюдала за Сулимовым, когда в течение восьми часов он проводил зондирование. Внимателен, в то же время спокоен и напряжен: внутрь различных отделов сердца введены четыре тоненьких электрода. Они, эти изящные электродики-зонды, помогают исследовать проводящую систему сердца, характер аритмий. Реакция на ситуацию должна быть быстрой, часто приходится принимать решения мгновенно.

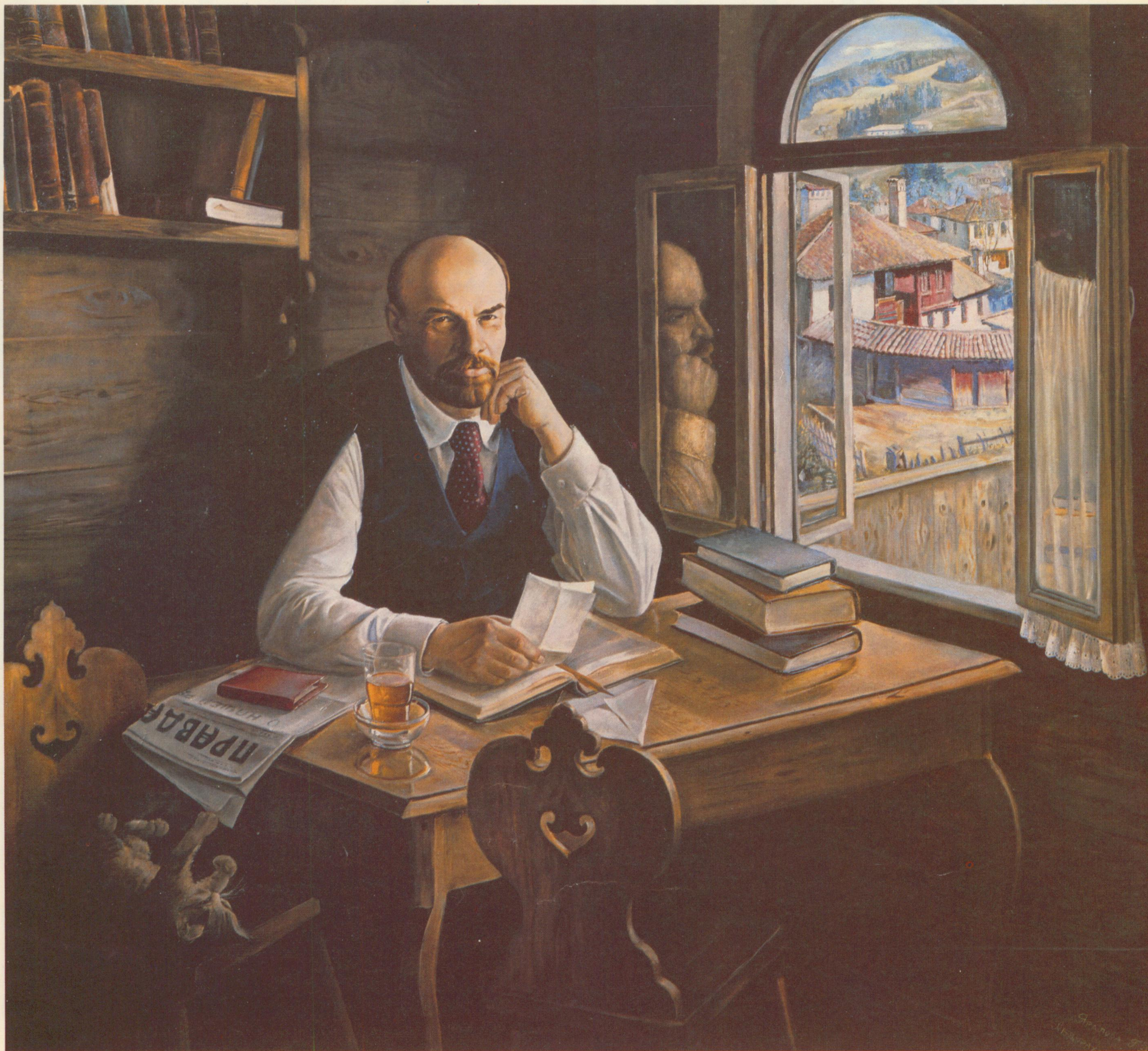
Одновременно во время зондирования подбираются лекарственные препараты, способные предупредить аритмию. Говорят, на всякую хворь найдется лекарство. И врачи ищут его годами. А тут всего за один рабочий день! Ну, а если аритмия упорная и не поддается лекарствам? Тогда есть второй путь, уже освоенный в медицине,— искусственный водитель ритма, кардиостимулятор. Наконец, третий, о котором мы говорили вначале,— операция.

Зондирование — исследование сложное, трудоемкое, дорогостоящее. Пожалуй, самое дорогостоящее и у нас и за рубежом. Не знаю, подсчитали ли экономию, которую оно дает в рублях, человеко-койках и т. д. Но эту великую экономию, когда за короткий срок ставится диагноз, благодаря которому возвращается к нормальной трудовой жизни еще вчера обреченный человек, ни подсчитать, ни измерить невозможно.

Так, в частности, случилось и у Валентины У. Именно по ее просьбе мы рассказали о врачах одной кафедры. Ее письмо, присланное в нашу редакцию, я не показывала ни Сыркину, ни Сулимову. Но сейчас, прощаясь, даю Владимиру Ивановичу Маколкину.

«Только что вернулась из путешествия по Карачаево-Черкесии и поэтому задержала ответ. Боюсь, что мои слова покажутся слишком громкими, но я отвечаю за них полностью. Открою секрет: с первым моим доктором как-то не сложился контакт, я ему не поверила. И тогда профессор Сыркин вместе с Виталием Андреевичем Сулимовым после зондирования, после других сложных исследований смогли убедить меня, что спасет только операция. Сейчас, когда все позади, я постоянно думаю, как же они, бесконечно занятые, находили время подготовить меня еще и психологически. Мне в 27 лет жить не хотелось, а на операцию я шла уверенная, что смогу победить болезнь. И хотя эта сложнейшая операция была сделана «золотыми» руками бакулевских хирургов Л. А. Бокерия и А. Д. Леванта и они выхаживали меня дни и ночи, первые мои слова были: позвоните Сулимову и Сыркину. Когда я узнала, что Виталий Андреевич был на операции, что Абраму Львовичу известны все ее детали... Теперь вы понимаете, почему эти люди для меня самый большой авторитет в медицине. Не попади в клинику, писала бы я сейчас?..»

З. ЗОЛОТОВА

Г. Яралова. Род. 1938, М. Абдурахманов. Род. 1934. ЛЕНИН В ЗАКОПАНЕ. 1980.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

Э. Козлов. Род. 1926. О ЖИЗНИ, О ЗЕМЛЕ. 1982.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ.

ПОВЕСТЬ

5

В одиннадцать тридцать Кирилл Владимирович принял Грущина; машина уже сработала, кадровик побывал здесь перед ним; его подтолкнул к этому Игорь Ветлугин, друг Грущина, задействованный им вчера, словно «болван в польском преферансе»; он и вправду считал, что его звонок в кадры должен помочь Грущину протолкнуть Писарева; лучше если про огрех скажут свои, доброжелательно, чем недруги — зло.

Похвальные грамоты редко хранят в личных делах; выговоры, однако, из личных дел не изымают, даже после того, как они сняты.

Не будучи человеком творческим, Грущин тем не менее обостренно, как-то даже сладостно чувствовал душу художника, видел ее — пульсирующей, сокращающейся, живой. Мешавшая ему в творчестве изначальная логика (в истинном искусстве логика возникает лишь после рождения замысла, который обычно внезапен) спасла Грущина от жизненной катастрофы после того, как он, окончив институт, провалился с выпускным спектаклем. Другой бы на его месте отчаялся, запил, обрушился, но Грущину нельзя было отказать в мужестве и выдержке; он, что называется, «лег на грунт», начал оглядываться. И во время этого своего затаенного оглядывания он сумел увидеть и просчитать те линии связей людских, которые незримо, но постоянно (на какой-то отрезок времени, понятно) определяют те или иные секторы общества.

Грущин разбил на составные части такие понятия, как «сострадание», «благородство», «жалость», «ответственность», «долг», «честность»; особо тщательно он анализировал суть отношений старших к младшим, выделяя при этом, конечно же, мир театра; мужчин — к женщинам и наоборот; он просчитывал для себя допустимые границы выражения обиды, отчаяния, странности, счастья.

Он легко защитил диссертацию по искусствоведению, взяв темой творчество профессоров своего института, одним из которых был Самсоньев, художественный руководитель их курса.

Его статьи были посвящены лишь тем, кто уже был на вершине.

Он знал, что похвалу с н е с е т каждый.

Он готовил свои позиции загодя.

Он сумел доказать свою нужность. «Он доброжелателен,— говорили о нем.— Да, не режиссер, но другой бы озлобился, а этот нашел себя в новом качестве; он живет по закону открытого забрала».

Именно поэтому, перед тем как ехать в управление, Грущин позвонил народному артисту профессору Самсоньеву и попросил уделить ему десять минут.

— Алексей Алексеич,— сказал он, когда мастер пригласил его на кухню (гордился тем, что вся была отделана обожженной вагонкой; чисто деревенская атмосфера; над электрической плитой была устроена стилизованная под старину вытяжка, сковородки висели медные, подарили ученики с Кавказа).— Надо выручать Саню Писарева.

— А что, та сказа, случилось? По-моему, он на коне...

— Это по-вашему. Его, бедолагу, конь может с минуты на минуту растоптать... Я бы хотел, чтоб пронесло, но сие не от меня в настоящий момент зависит...

— Бутерброд хотите?

— Спасибо, я завтракал, с удовольствием выпью стакан чая.

— Крепко заварить?

— Нет, не надо, спасибо, я пью шиповник.

— Что случилось, рассказывайте...

— Вчера мне поручили готовить на него приказ: открываем театр, то есть придаем коллективу титул театра, он ведь уже состоялся, и состоялся здорово, талантливо...

— Вы не писали о нем? Я смотрел его выездные представления, здорово... Но вы не писали, та сказа?

— Еще не опубликовал, но уже написал. Не в этом сейчас суть. Саня снова попал в какую-то грязь, что-то там связано с бриллиантами, его жена занялась куплей или продажей... Но он об этом вроде бы не знает, поэтому я и приехал к вам, как к мастеру...

— Ну? — нетерпеливо спросил Самсоньев.— Куда надо звонить?

— Пока никому. Я надеюсь успеть провести приказ сегодня, но если докатится до верха, Саню надо прикрыть...

— А что это за история с бриллиантами? Откуда это у него?

— Не у него, у жены...

— Ах, какая незадача... Уголовщина?

— Нет, нет, спаси бог! Разве он на это пойдет? Но вы же знаете, как у нас все обрастает слухами! Словом, я боюсь, что мой шеф решит переиграть, отступит, скажет, что сейчас не время открывать его театр, все-таки Саня заявил свою труппу как коллектив политического действа... Вот штука-то какая... А если отложат открытие, то это надолго...

Самсоньев намазал сухой хлебец творогом, алчно и хрустко откусил большой кусок, проследил маленькими глазами, не упали ли крошки на стол (был опрятен до болезненного), спросил, прожевав:

— А как ваши отношения с Писаревым?

— Никак.

— То есть?

— Вы же знаете его не хуже меня. Я им восхищаюсь, но ведь он наверху теперь, что ему до меня, бюрократа?

— Я скажу ему, как вы по-рыцарски себя вели...

Грущин пожал плечами:

— Не ради этого приехал... Я думаю, что если мне удастся уговорить шефа — в случае, если до него уже докатилось...

— От кого докатилось?

— От кадров... Я вчера совершенно случайно узнал об этой бриллиантовой истории, когда был у кадровика, понимаете? Я сидел у него, а тут стали звонить из угрозыска...

— Ну, дальше...

— Есть один только способ спасти и Саню и его театр... Вы должны согласиться стать председателем художественного совета, худруком нового коллектива...

— То есть?

— То есть ваш авторитет не позволит зарубить все дело на корню.

— А Писарев?

— Будет ставить свои спектакли! Не станете же вы отбирать у него эти двести рублей...

— Погодите, погодите, но ведь на афише будет стоять мое имя, а не его... А он придумал и затеял все это предприятие... Да, нет, погодите, так нельзя, Вася... Надо позвонить Писареву и спросить его, что он думает об этом.

Грущин знал, что мастер скажет именно так; он ждал этого вопроса, точнее говоря, вел к нему, ибо ответ его был готов и слажен, выверен до самой последней мелочи.

— Вы тогда заодно позвоните моему шефу Кириллу Владимировичу и расскажите ему, как я занимаюсь разглашением служебных тайн...

Самсоньев аж крякнул, дожевал свой хрустящий хлебец и сказал:

— Если вы думаете, что мое согласие спасет писаревский театр, то придумайте, как отбить для него имя в афише...

— Сначала надо открыть театр... Повторяю, может быть, до Кирилла Владимировича еще и не дошло, давай-то господь...

— Хорошо, держите меня в курсе дела...

— Надо, чтобы вы побыли дома хотя бы до часу.

— Не могу. У меня репетиция со студийцами в двенадцать.

— Я должен быть у шефа в двенадцать. Но вы же знаете, его могут задержать, вызвать... Пожертвуйте для дела репетицией, вы ж нас к себе домой приглашали работать...

— Моложе был, потому и приглашал,— вздохнул Самсоньев.

— И последнее, мастер.— Грущин вел свою роль точно, выверив все до малости, ибо знал, как Самсоньев чувствует фальшь.— Теперь уж обо мне... Я закончил докторскую... Если вы не станете моим оппонентом — удавлюсь...

По тому, как Самсоньев поднял на него глаза, Грущин сразу же понял, что тот подумал. Он обязан был подумать, что Грущин пришел к нему с просьбой о Писареве лишь для того, чтобы получить свой навар с этого неожиданного визита. Пусть он думает про меня, как про мелкого торговца, я же знаю, он не очень-то меня жалует, потому что я никогда не открывался с ним, как Санька, пусть он даже побрезгует мною или пожалеет меня, пусть, только бы он ответил Кириллу Владимировичу «да», когда тот позвонит, а уж то, что тот позвонит, сомнения нет, я знаю, как там сыграть легче, чем здесь.

...Самсоньев подумал именно так, как понудил его к этому Грущин.

...Месть — это наслаждение бездарей, и сколь же оно им сладостно!

...Выйдя от профессора, Грущин сел в свой старенький, битый «Москвичок» и поехал в центр через Ленинские горы. Там, затормозив напротив маленькой церквушки с синими куполами, он, включив стоп-сигналы и моргалку, вышел из машины и внимательно оглядел колеса (ему сделали предохранительные колпачки, потому что постоянно боялся, как бы кто не ослабил винты; до ужаса явственно представлял себе катастрофу, когда машина летит в кювет и взрывается; так же мучительно близко ему виделся взрыв в самолете при наборе высоты, в момент отрыва от земли, поэтому никогда не летал, даже на конференцию во Владивосток ездил поездом, мотивируя это необходимостью посетить театральные труппы Восточной Сибири, Бурятии и БАМа).

Колпачки были на месте.

Грущин перебежал дорогу, остановился на краю обрыва, долго смотрел на прекрасную панораму утренней Москвы, потом достал из кармана старую трубку — с ее именно помощью пять лет назад бросил курить,— сунул в рот, представил себе, что набита она хорошим, медовым «глэнном», пыхнул «по будто бы» и сказал себе: давай-ка, Вася, перепроверим еще раз расстановку фигур на доске. Сначала давай, милый, проанализируем изначалие моего решения поступить именно так, как я поступил. Почему я решил ударить? Вспомнил второй курс? То, как он оскорбил меня при всей профессуре, а я не смог ему ответить, не ударил его, и с той поры был отброшен со своей позиции раз и навсегда? Можно, ко-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

нечно, начать отсчет оттуда. Но ведь я могу сказать себе, что Писарев просто-напросто занесся, он счастливчик в искусстве, его не били, он входил в театр, как нож входит в масло; человек, который не страдал, не может быть по-настоящему великим художником, только боль рождает новое качество в творчестве; оно добреет, делается глубоким, открывает новые, дотоле неведомые пласты жизни. Значит, получив этот удар, Писарев поднимется на новую ступень, и общество будет благодарно тому, кто помог случившемуся. Почему я не вправе выстроить такого рода партию? Грущин услышал в себе вопрос: «Ты строишь партию защиты?» Нет, возразил он тому, кто позволил этому вопросу, неприятному и чужому, возникнуть в нем самом, я не намерен защищаться, ибо я не нападал. Я лишь корректировал происходящее. Жизнь определяется вероятиями. Разве я не вправе допустить мысль, что кадровик сам бы пошел к шефу? Наверняка пошел бы, это его долг; мы централизованы, и это целесообразно при наших размерах, иначе все разъедется, по швам разойдется; информация необходима, ибо живем в век информации; разве кто-то оклеветал кого-то? Написал донос? Я не виноват в том, что милиция запросила на него характеристику. Так получилось, что именно я узнал об этом первым. Случайность? Но ведь всякая случайность есть выявление закономерности. Другой бы на моем месте легко мог сделать так, чтобы вся идея Писарева оказалась битой, ни о каком театре не могло бы быть и речи. Действительно, и его директор Киреев с левыми концертами, и институтские еще дела, когда он участвовал в драке и было возбуждено дело, а его спасло лишь то, что изменилось в его пользу время, а сейчас эта афера с бриллиантами... «Какая афера?» — снова услыхал он в себе вопрос и понял, что ему неприятно то, что вне его воли в мозгу возникают ч у ж и е вопросы.— У его жены украли колье жулики... Это колье ее деда, в чем же афера?»

Он вдруг ощутил поднявшуюся в нем волну теплой радости, но он заставил себя подавить ее, эту слепую, родную ему радость, и ответил кому-то другому, что Пушкин только потому смог написать и Моцарта и Сальери, что рядом с ним жил Кукольник, и купался в лучах славы, и государь любил его... Да, каждый человек рожден из «я» и «анти-я», ничего не попишешь. Пушкин умел быть Моцартом, но ведь смог примыслить Сальери.

И снова в нем родилась мысль, неподвластная ему, какая-то сторонняя и холодная: «Ты мог бы гениально поставить Бомарше, никто еще не мог точно прочесть образ Дона Базилио; во всех трактовках он стращал, играл порок, а надо все делать наоборот; Дон Базилио — обескоженная добродетель, искатель высшей правды; он разоблачает клевету, вскрывает ее механизм ко всеобщему сведению, предупреждает человечество об опасности...»

А что, верно, подумал Грущин. Но, к сожалению, в ближайшее обозримое будущее мне нет смысла ставить Бомарше, во всяком случае, пока жив Самсоньев...

Он скажет «да» шефу. Он обязательно скажет «да», потому что последние десять лет его преследовали неудачи и на телевидении и в театре. Его постановки хвалили, но на них никто не ходил. Он потерял темп, а может, не понял стилистики нового времени. Оно очень сложно, наше время. Как у каждого времени, у него есть свои законы, которые станут понятны лишь потомкам. «Лицом к лицу — лица не увидать». Именно так. А Лену он любит, а ей тридцать четыре; он старше ее на сорок лет. Как это говорят, «ночная кукушка дневную перекукует»? Так, кажется. Он может куковать только днем. А этого Лене мало, чтобы удержать ее, он обязан вновь стать объектом общественного интереса. Памяти сострадают, привязаны лишь к живому. Афиши с его именем по всему городу — это живое, это привяжет к нему Лену, она человек деловой, у нее в мозгу компьютер, просчитывает на пять ходов вперед... Саня так бы себе не ответил, впрочем... Он бы наверняка пошел к Ботвиннику и дотошно его выспросил, насколько ходов вперед думает большой мастер... А вот мне кажется, что просчитывают именно на пять ходов вперед. И я навяжу это мнение тем, кому хочу его навязать. Вот так-то...

Самсоньев, конечно, выдвинет какие-то условия, и я, в общем, чувствую, какими они будут, я подготовлю к разговору шефа. Саня после случившегося не станет звонить, узнавать, писать... Если бы речь шла о Митьке или Кочаряне, он бы, конечно, полез в драку. А за себя не станет... Да и потом он в углу... «Неужели творчество вам не дорого, но лишь тщеславие? Побольше б скромности, товарищ Писарев... Станиславский не думал об афише, когда создавал театр... Мейерхольд был счастлив тому, что мог ставить свои вещи и после того, как перестал быть главным режиссером... Для любого художника честь работать вместе с профессором Самсоньевым, разве нет? Он выпестовал вас, за ним знание, опыт, имя, наконец... Или вы не хотите работать с прославленным мастером сцены?»

Пусть поносит в себе обиду... Как я ее носил всю жизнь... Неотмщенную обиду... Пусть поворочается всю ночь напролет в кровати, пусть покусает костяшки пальцев, как я кусал... Ничего, если переживет, то поднимется еще на одну ступень... И сделает такое, что потрясет людей...

«И тебе это будет приятно?»— Он снова услыхал чужой голос.

Грущин отчего-то заставил себя усмехнуться; он потом так и не смог понять, зачем он понудил себя к этому, но он улыбнулся.

Хорошо, а как на все это посмотрит Назаров? Он с завтрашнего дня в отпуску, радость, защита у дочки, поездка на юг и все такое прочее... Хорошо, а ежели шеф все-таки не станет подписывать без согласования с Назаровым? Писарев ведь был именно у Назарова, и тот дал добро театру... Надо проработать вопрос о «мелочах»... Верно говорят, мелочей нет... Тезис и антитезис... «Зачем, Кирилл Владимирович, идти с этим частным вопросом к большому шефу? Стоит ли вообще ворошить грязное белье? Обернется-то против нас, работа с кадрами и так далее... А Писарев будет рад, что к нему пришел его мастер, он обожает Самсоньева... А еще лучше дать дополнительную единицу для режиссера, это вообще гениально... Все соблюдено... Ради престижа нового дела во главе становится народный артист, лауреат, профессор, а режиссер Писарев... Театр публицистики, яркая современность, стоит ли подставлять большое, новое дело? У Писарева множество завистников; слухи об этом несчастном колье не удержишь; не вода за плотиной — слухи, все равно пойдут, а если во главе стоит Самсоньев, то и дело с концом... Уверяю вас, Писарев будет по-настоящему рад такого рода решению шарады... Пройдет время, улягутся разговоры, которые неминуемы, можно будет пересмотреть афишу, да и Самсоньев не вечен... Стоп, про это не надо... Есть национальная корпоративность, есть классовая, но и возрастная тоже довольно сильна... Уверяю вас, Кирилл Владимирович, мы нашли оптимальный вариант, что ж по каждому пустяку согласовывать, в конце концов инициатива решает все. «Судьба таланта не пустяк, товарищ Грущин, талантом надобно дорожить...» Может и так ответить, верно...» «Видите ли, Кирилл Владимирович, Писарев в письме на имя товарища Назарова ставил вопрос о театре, и этот главный вопрос решен положительно. Смотрите, Писарев просил пять штатных единиц: главрежа, директора, дирижера, главного художника, механика... А мы даем ему дополнительную единицу «режиссера». Можно, конечно, и подождать с приказом, время терпит, но, вы говорили, Назаров просил провести все за два дня, снова на нас все шишки посыплются. Поверьте мне, все-таки я вырос в театральной среде, предлагаемое решение — оптимально... Вспомните, наконец, кино... Посмотрите титры... Ученик — в качестве режиссера-постановщика, и отдельный титр для мастера, художественного руководителя... Ближайший друг Писарева, помню, Левон Кочарян был счастлив, когда известный режиссер согласился быть его художественным руководителем...» А потом можно подбросить на закуску: «Пригласите к себе Писарева, поговорите с ним начистоту». Ага, конечно же, поежится, кому охота? И к Назарову идти не с руки; в конечном счете именно Кирилл Владимирович санкционировал начало работы Писарева, когда тот стал катать со своим табором по клубам и дворцам культуры... «Ах, Кирилл Владимирович, Кирилл Владимирович, думаете, не найдутся и в нашем коллективе люди, которые с радостью бросят в нас камень: «Вы ж первыми поддержали опыты Писарева, когда тот начинал два года назад!» Еще как бросят! А чем мы с вами будем крыть?» Именно так, надо постоянно связывать его с собою, не бояться ответственности, да, виноват, промолчал, ибо хорошо знал грешки Писарева поры его юности, но какой талант безгрешен?! Это я, чиновник, должен быть на просвет, чистеньким, а Писарев — человек особый, ищущий, на что-то приходилось закрывать глаза, да и потом меня бы не преминули упрекнуть в зависти, как-никак, окончил театральный, в дипломе стоит профессия «режиссер»... Нет, об этом не надо, начнет задавать вопросы, когда, где, у кого, с кем... Можно и дальше поднажать, что, мол, юного хирурга — надо уточнить, кого — даже судили, дали два года, зарезал на столе больного, а потом Героем стал, академиком... Или Рамзин? Первый лауреат Государственной премии, а ведь был обвиняемым на шахтинском процессе, искупил вину талантом своим... Нет, опасно, Кирилл Владимирович может сказать, что и Писарев искупил... Хотя есть ответ, там шахты или больница, здесь — театр... Нет, не надо, перебор во всем хуже, не только в картах... Впрочем, держать про запас надобно все, кто знает, глядишь, пригодится, главное — оглоушить, вызвать растерянность, заставить прийти к решению подумать еще раз, пообождать...

В одиннадцать сорок Кирилл Владимирович позвонил Самсоньеву.

Тот репетицией со студийцами пожертвовал, звонка ждал...

6

...В бассейне «Москва» седьмой павильон сделался своего рода литературно-театральным клубом.

Два раза в неделю, по утрам, здесь собирались актеры театров и кино, плавали; однако большую часть времени проводили в парной, сгоняя лишний вес; мазались солью или медом и, чтобы не скучно было потеть, предавались беседам об искусстве.

Именно здесь-то и нашел Писарев своего друга.

— Знакомься, твой коллега из Питера,— сказал Степанов, кивнув на пепельноволосого гиганта с римским профилем.— Лаемся второй день, в пору печатать коммюнике: «Переговоры проходят в духе сердечности и откровенности».

— Удалов.— Гигант протянул длинную ладонь.

— Писарев.

Степанов вздохнул, потянулся по-кошачьи, зевнул:

— Слушай, Удалов, а где ваш Пикассо?

— Он любит плавать,— ответил Удалов.— Соли разгоняет.

— Наш художник,— пояснил Степанов.— Он традиционалист, поэтому мы зовем его Пикассо. Ведь Пикассо был так же традиционалистом в своей манере, нет?

Писарев понял, что Степанов зол; он не ошибся.

— Мы спорим, Саня,— вздохнул Степанов.— Второй день спорим. Удалов, пригласим Писарева в арбитры?

— А я, честно говоря, не считаю себя поклонником манеры Александра Писарева,— ответил тот.— Меня интересует маленький человек в его каждодневных заботах; я, Дмитрий Юрьевич, Чехова чту.

— Ба-альшой оригинал,— заметил Степанов.— Скажи на милость, как храбр, Сань, а?! Он Чехова не боится чтить!

— Я не совсем понимаю происходящее,— сказал Удалов, поднимаясь с подоконника, на котором они сидели у входа в парную.— Если у вас есть претензии к снятому материалу, давайте их обсуждать, а так... Я не понимаю предмета... Вы ж подписали мой режиссерский сценарий? Подписали. А теперь то не нравится, это не годится...

— Подписал — не подписал, дорогой Удалов,— это из другой сферы жизнедеятельности. Я ж не протокол задержания подписывал, а режиссерский сценарий. Вы изложили свое

видение моего сочинения... Я ведь обязан верить вам, старина! Нельзя начинать предприятие и не верить в того, кому надлежит вести дело до конца! Я полагал, что когда появится третье измерение, то есть его величество актер, то заиграют новые краски, родится интонация... А вы мои слова пробрасываете, купируете, вам важно, как актер сидит, ходит, закуривает... Понимаю, без этого нельзя, но я знаю свои слабые стороны и сильные тоже знаю... Вы не даете актерам говорить мои слова, вы торопите их, у них нет времени думать, и в результате получается не моя вещь... Так, рюшечки, грусть, тоска, маленький человек... Премьер-министр может быть маленьким человеком, а сельский учитель — великим мыслителем. Если отсчет «маленького человека» в российской литературе начинать от пушкинского Евгения из «Медного всадника», так он царю грозился, когда его беда настигла, царю, да еще какому! Чеховские маленькие люди тоже, кстати говоря, большую опасность в себе несли, порох в бочке, поднеси фитиль — жахнет! А у вас оборочки... В сцене говорят о политической ситуации, зрителю должно быть все ясно, как дважды два, а вы велите актерам разыгрывать упражнения из режиссерских задачек для второго курса, когда обязательные предметы проходят... Я заранее знаю, куда вы поведете: плохой у вас — очень плохой; хороший — обязательно молчалив и скорбно улыбается... А мои герои не такие... Плохой обязан быть и хорошим, очень хорошим, только тогда он станет страшным, то есть по-настоящему плохим! А хороший пусть в чем-то будет сукиным сыном, пусть болтает, задирается, жене изменяет!

— Это не пропустит худсовет...

Степанов изумленно посмотрел на Писарева:

— Да при чем здесь худсовет? Я ж не рецепты даю и не пишу реплику! Я рассуждаю вместе с вами! Я пытаюсь обговорить концепцию, Удалов, хороший вы мой! Ладно, плавайте, потом договорим...

Посмотрев вослед картинно удалившемуся Удалову, Писарев покачал головой:

— Митя, ты ни о чем не договоришься с ним. Он — другой, понимаешь? Есть люди, мы с тобою, наши друзья, а есть другие... Так вот он — другой. Он говорит на другом языке, у него другие мысли... В нем нет неожиданности, он «селф мэйд мэн», «самосделанный человек», только в дурном выражении... «Он неожидан, как фишка, ветренен, словно март, нет у поэта финиша, творчество — это старт...» А разве в нем может быть хоть какая-то неожиданность?

Степанов неожиданно спросил:

Ты Ахматову любишь?

— Очень.

— А я только вчера полюбил, вот дуралей-то, а? «Один идет прямым путем, другой идет по кругу и ждет возврата в отчий дом, ждет прежнюю подругу. А я иду — за мной беда, не прямо и не косо, а в никуда и в никогда, как поезда с откоса». Поразительно, а? По стилистике — Анна Каренина в рифме, да?

— Ты ее раньше не знал?

— Наверное... Пытался читать, но не входило... Надо ведь, чтобы в о ш л о, тогда только поэзия станет твоею... Я бы в пропагандисты принимал, как в члены творческого союза, со всеми вытекающими отсюда льготами и наградами, честное слово... «Бу-бу-бу», сам не понимает, что говорит... А мне женщина вчера читала... Хотя нет, сегодня уже... Знаешь, есть стихи утренние, а есть вечерние...

— Точно. Особенно у Ахматовой.

«Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой».

— Слушай, давай сбежим, а?— сказал Степанов.— Поедем в «Арагви», мы там вечность не были. Едем, Сань?

— А ты мне триста дублонов одолжишь?

— Конечно.

— Только я верну не раньше чем через три месяца.

— С главрежской зарплаты! Сколько тебе положили?

— Постучи по дереву.

— В данном случае по дереву можно не стучать, дело верное...

— Заедем тогда на телеграф, я переведу в Гагру...

О своих домашних делах они старались не говорить — и тому и другому это было больно; когда в компании малознакомых людей Степанова начинали выспрашивать, где Надя, отчего не пришла, чем сейчас занимается, Писарев, глядя на друга, испытывал острое чувство тоски, даже под ложечкой холодело. И он всегда горделиво поражался выдержке друга: тот отвечал рассеянно, улыбался при этом, умело уходил от слишком уж назойливых вопросов, ловко переводил разговор на другие темы, захватывая при этом инициативу; только Писарев замечал, как потом менялось его лицо; он старился, делались заметными сеточки морщин под глазами, на висках проявлялась нездоровая желтизна, и весь он делался как фотопортрет, выполненный на крупнозернистой пленке.

Окончание следует.

ЛЮБИМАЯ! КОГДА Б ОНИ СМОГЛИ...

А. аль-ХАМИСИ

Стихотворение написано поэтом в Бейруте 26 июня 1980 года. На этот день было назначено чествование Абдаррахмана аль-Хамиси в связи с присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Незадолго до начала митинга два египетских товарища аль-Хамиси, спутники и друзья его жизни, были схвачены на улице Бейрута и бесследно исчезли. Черные силы выслеживали и аль-Хамиси, что вынудило его арабских друзей окружить поэта усиленной охраной. В сопровождении этой охраны поэт и прибыл на торжественное собрание представителей прогрессивных сил арабского мира, ливанцев и палестинцев, посланников Сирии и Иордании, Ливии и Туниса. Много теплых слов признания и благодарности в адрес аль-Хамиси было сказано Председателем Исполкома ООП Ясиром Арафатом, Генеральным секретарем ЦК Ливанской компартии Жоржем Хауи, представителями коммунистических партий Египта, Судана, других прогрессивных организаций арабских стран.

Врагам не удалось сорвать этот праздник. И в эту же ночь родились стихи...

Любимая!
Узнал я, что они
По следу моему все ближе кружат.
Награда ждет того, кто, обнаружив,
Убьет меня...
Загонщикам сродни,
Они во тьме на тропах, мне знакомых,
Смертельные готовят западни.
Я опускаюсь в ночь аэродромов
Под именем чужим...
Судьбой влекомый,
Не знаю, где, лицо свое тая,
Меня подстерегает смерть моя.

Любимая!
Когда б они смогли
Загнать меня в расставленные сети,
Они бы это тело рассекли
И бросили его на грудь земли,
И я бы смерть
В ее объятьях встретил.
Что ж, я не первый
В длинном списке том
Погибших за идею, что лишала
Сердца покоя...
Если б только знал он —
Покорный раб, дрожащий под кнутом,
Палач безликий, ждущий за углом,—
Как он мне жалок
Со своим кинжалом!
Чтобы не стать убийству ремеслом,
Чтоб голод не толкал на преступленья,
Я шел тропой тернистою сраженья,
Израненный, изрешеченный злом.
Я воевал во имя чистоты,
Что нас глубинным светом озаряет,
Той чистоты,
Которую швыряют
Насильники в провалы немоты,
В слепые ямы ужаса и боли,
На дно страданьем выстуженных душ,
Огонь любви спасительной задув,
Позвавшей нас на поиск лучшей доли.
Я защищал в сраженьях чистоту,
Взращенную в борцах
Стремленьем к бою,
Ту чистоту, что защитит собою
Правдиво нам светившую мечту,
Растоптанную ныне сапогами
Агрессоров, бесчинствующих в храме.
Я защищал в сраженьях чистоту,
Что озаряет нас глубинным светом
И дарит непростое счастье это —
Быть с собственною совестью в ладу:
Ведь за мечту, манящую вдали,
Мы наши жизни
В жертву принесли.
Владей хоть всеми землями окрест,
В чертогах от народа обособясь,
Она тебя раскаяньем заест —
Нечистая твоя,
Больная совесть!
Я знамени не отдал,
Не склонил
И совести своей не уронил,
Идя тропой оскаленной
Без страха.
Штурмуя зло, я жизни не щадил
И кровь мою свободную пролил
На камни бед,
Суровые, как плаха.

* * *

Любимая!
Когда б смогли они
Загнать меня в расставленные сети,
То ведал бы палач,
Кого казнил?
Кого на части рвали звери эти?
Какую песнь
С мечтою, жившей в ней,
Какое сердце пуля пробивала?
В какие грезы,
Словно в голубей,
Вонзал он смертоносные кинжалы?
О, знал бы тот,
Кто нанят ими, чтобы
Меня убить, что я лицом к лицу,
Столкнувшись с ним,
Не испытаю злобы,
Шагнув навстречу подлому свинцу.
Ведь суть не в нем —
А в тех, кто за спиной,
Кто пистолет в ладонь ему вложили,
В тех, кто, решив расправиться со мной,
Его последней совести лишили.
Случись лицом к лицу
Столкнуться с ним,
Я взял бы у него отсрочку на день,
Чтоб взор мой
Над простором водной глади
Понесся к дальним гаваням родным.
К тем гаваням тоски,
Где в вышине
Воспоминаний звезды тихо светят,
К тем пристаням,
Которые приветят
И вихри страсти усмирят во мне.
Я в небеса смотрю:
В лазурной мгле
Плывут легко моих мечтаний птицы,
В них юность будет жить
И сердце биться,
И я кричу им:
— Я пришел проститься!..
Коленопреклоненный на земле,
Я их полет глазами провожаю,
Они крылами машут надо мной,
И медленному ритму я внимаю,
Как плачу похоронному весной
Над гробом, отрицающим цветенье...
И слышу я
Прощальное их пенье:
«О мире,
В коем ненависти нет,
О птице счастья на ветвях свободы
Мечтал ты,
Отдавая жизни годы
За то, чтоб людям
Через все невзгоды
Зажгла любовь зари лучистой свет.
Ты ради этой цели жил, и пел,
И пролил кровь
На жертвенной тропе.
Мечтал ты,
Чтоб в трущобах бедноты
Голодным детям
Было пищи вдоволь,
Чтоб радость озарила их черты
И лица матерей,
Чтоб в каждом доме,
Где нищета гнездо свила,
Хватило всем и хлеба и тепла.
Ты грудью шел
Навстречу волчьей стае,
Живое сердце превратив в мишень,
Покой садов спасительных оставив
Без капли сожаления в душе.
Ты вылетел из теплого гнезда —
И пламя, отнимающее силы,
Жжет все больнее,
Все невыносимей,
И пропасть бесконечного труда
Остаток дней бесследно пожирает,
И каждый миг
Меж завтра и вчера —
С утра до ночи,
С ночи до утра
Дотла в гудящем пламени сгорает.
Сегодня тело
Обретет покой...
Оно кровоточит, ножом разъято,—
Как будто Сет[1]
Из жути вековой
Вернулся и безжалостной рукой
Вновь умертвил
Единственного брата
И плоть его по свету раскидал,
Чтоб на земле во прахе истлевало
То, что когда-то
Пело, и дышало,
И бесконечный мир переполняло
Движеньем без границ и без начал.
Вот небо
Край одежд подобрало,
Чтоб отереть заплаканные очи,
И складки сжав, на землю пролило
Слезинки..
В них мерцанье дня и ночи,
В них растворились темнота и свет,
Скорбя о том,
Кого отныне нет,
Скорбя о том,
Кто прославлял всегда
Жизнь на просторах голубой планеты,
Кто верил в человека,
Кем воспеты
Моря и горы — суша и вода,
О том, чья жизнь наполнена была
Борьбой со злом
И стала жертвой зла.
Сегодня тело
Обретет покой...
Но из семян, посеянных тобой,
Поднимутся цветы весною снова,
И человека воля закалит,
И даст ему решимость,
И велит
Пойти на бой со злом,
Порвав оковы!»

* * *

Я опускаюсь в ночь аэродромов
Под именем чужим...
Судьбой влекомый,
Не знаю, где, лицо свое тая,
Меня подстерегает смерть моя.

Перевел с арабского Сергей ГОЛУБЕВ.

[1] Сет — в древнеегипетской мифологии бог пустыни и чужеземных стран, брат и убийца Озириса, бога умирающей и воскресающей природы, брата и супруга Изиды.

Феликс АНДРЕЕВ

РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА

Случилось так, что с «Красными колоколами»— четырехсерийной кинодилогией Сергея Бондарчука — мне довелось встретиться в Ташкенте, на VII международном кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки, где многонациональная аудитория с громадным интересом ожидала первого фильма дилогии — «Мексика в огне».

Интерес к совместной работе советских, мексиканских и итальянских кинематографистов был понятен... Вспоминается беседа с колумбийским кинорежиссером Паскуалем Герреро. С горечью говорил латиноамериканский кинематографист о чрезвычайно малом количестве художественных работ, которые обращались бы всерьез к узловым проблемам истории и современности.

— Зачастую история становится лишь сюжетной канвой для пошлых лент, искажающих события, представляющих моих земляков людьми примитивными, убогими... И дело не только в том, что могущественные североамериканские монополии душат в государствах Южной Америки любые устремления самостоятельности национального кинематографа. Идет массированное идеологическое наступление — самая настоящая война за то, чтобы привить миллионам людей угодные США привязанности, идеалы, представления. Если же и удается — с неимоверными финансовыми трудностями — создать картину, авторы которой придерживаются передовых политических и социальных взглядов, она вряд ли встретится с широким зрителем. Ведь не только киностудии, но и прокатные кинокомпании находятся под полным контролем голливудских суперколоссов. Потому-то все мы с чувством радости готовимся к серьезному и глубокому разговору о проблемах, волнующих прогрессивных художников планеты.

Чувство радостного ожидания оправдалось. На протяжении почти трех часов экранного времени многотысячная и многонациональная аудитория участников фестиваля не раз взрывалась аплодисментами, выражая одобрение режиссерскому таланту Сергея Бондарчука, который создал гигантскую кинофреску, вместившую в себя и раздумье о судьбах народа, поднявшегося на борьбу с вековым гнетом, и эпические батальные сцены, и жизненные эпизоды, проникнутые тонким лиризмом... История молодого американского журналиста Джона Рида, который в 1910 году отправился в Мексику, чтобы рассказать соотечественникам о революционных событиях в этой стране, поднимается до тех высот художественного, социального, философского обобщения, которые присущи творческому почерку Бондарчука.

Вот долговязый, чуточку нескладный журналист Джон Рид переправляется через Рио-Гранде. Навстречу ему тянется нескончаемый поток беженцев, но он не видит ни одного доброжелательного взгляда... Понятно! Ведь для подавляющего большинства этих людей все зло от «гринго»: подневольный труд на плантациях, беспощадная эксплуатация на больших и малых предприятиях, несправедливость «большого денежного мешка».

Атмосфера недоброжелательства, недоверия окружает Джона Рида и в лагере повстанцев, куда добирается журналист. Этим вчерашним крестьянам, рослым и сильным парням, подозрительно самое стремление светлоглазого «гринго» пробраться к Панчо Вилье: не шпион ли «гринго», замысливший что-то недоброе?.. Каждый задает себе этот вопрос. И очень хороший актер Франко Неро с помощью постановщика лепит образ Джона Рида, прогрессивного интеллигента, который сумеет в конце концов завоевать доверие в самых глубинах народных масс.

В фильме эти воюющие люди — отнюдь не рыцари без страха и упрека: им свойственны человеческие слабости. Однако же именно стремление создателей картины показать героев мексиканской революции живыми людьми придает всему убедительность.

Прекрасна история женщины, разыскивающей любимого мужа — они потеряли друг друга в огне сражений. Она находит временное пристанище у Джона Рида; он видит, как эти любящие люди на следующее утро погибнут в жестокой битве...

Франко Неро в роли Джона Рида.

История становится символичной, обрастает деталями, не теряя своей живой трепетности, правдивости, подлинно высокого реализма. И это умение от частного подойти к неожиданному, смелому обобщению режиссер демонстрирует постоянно, во всех эпизодах фильма, увлекающих иногда своей как бы даже и приключенческой фабулой... Здесь и страшные картины безжалостной расправы правительственных войск с повстанцами... И «пейзаж» после сражения... Улицы, площади, набережная реки, усеянные телами тысяч убитых... Джон Рид и Панчо Вилья в который уже раз задают себе терзающие их вопросы: а не напрасны ли все эти жертвы?.. Принесет ли счастье грядущим поколениям эта кровопролитная, не на жизнь, а на смерть борьба с произволом, гнетом, ужасающими несправедливостями?..

Как бы отвечая на эти вопросы в поэтичнейшей сцене обобщения, в лучах закатного солнца медленно поднимаются павшие. Поднимаются там, где их застигла гибель, знаменуя бессмертие идеалов борьбы за свободу, за процветание людей труда. Масштабная, многофигурная композиция, сплавленная талантом и постановщика и замечательного оператора Вадима Юсова, насыщенная полнокровными образами, складывается в цельное и мощное кинопроизведение.

Два месяца спустя после показа на VII фестивале на церемонии вручения Главного приза («Хрустальный глобус») XXIII международного кинофестиваля в Карловых Варах фильму режиссера Сергея Бондарчука «Красные колокола» («Мексика в огне») генеральный директор радио, телевидения и кинематографии Мексики госпожа Маргарита Лопес Портильо сказала:

— Фильмов о мексиканской революции в нашей стране делалось и делается очень много. Но чаще всего это были романтические истории с любовной интригой в центре. Сами же события были лишь декорацией... «Красные колокола»— фильм, где Революция возведена в ранг главного героя. На экране — подлинная мексиканская история, социальный взрыв огромной силы, который и до сих пор продолжает оказывать свое воздействие...

«Мексика в огне — лишь первая часть большой эпической работы кинематографистов, в основу которой легли книги замечательного американского писателя Джона Рида «Восставшая Мексика» и «Десять дней, которые потрясли мир».

Теперь зрители встретились и со вторым фильмом дилогии —«Я видел рождение нового мира».

И вновь талант режиссера позволяет найти возможность правдивого, убедительного воссоздания масштабных сцен штурма Зимнего, как и сердечных, лирических эпизодов встреч главного героя киноповествования Джона Рида с Владимиром Ильичем Лениным. Эту роль в фильме «Я видел рождение нового мира» исполняет Анатолий Устюжанинов.

Думается мне, большим достоинством этих, несомненно, главных эпизодов фильма стала неколебимая верность создателей картины духу и букве замечательного произведения Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Позволю себе привести из книги прямую цитату, ибо она характеризует все происходящее в эпизодах, где действует Владимир Ильич.

«Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума» — вот так писал Джон Рид, характеризуя Владимира Ильича в своей книге. Таким предстает вождь революции и в фильме «Я видел рождение нового мира».

Надо отдать должное артисту Франко Неро, рисующему своего героя Джона Рида в непрерывном поиске социальных, единственно верных решений. Период этих поисков счастливо совпал для Джона Рида с важнейшими датами в истории нашей страны.

Скрупулезное и вместе с тем высокохудожественное воссоздание событий, которые вместил в себя именно этот период, завершившийся провозглашением Декрета о мире на II Всероссийском съезде Советов вождем Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Лениным,— несомненная и серьезная удача коллектива единомышленников.

Механик-водитель Е. А. Петлюк — участница боев под Сталинградом, на Курской дуге и Украине.

К А Т

К 40-ЛЕТИЮ
СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

«...мужество мужчины — это, так сказать, явление вроде бы обычное. Мужчинам, как говорят, положено быть такими. Но когда ты видишь, что в ряду мужественных никому ни слова упрека не позволяет своим поведением сказать женщина, работающая на «мужской профессии», то это вдвойне, а вообще-то трудно измерить, во сколько крат возвышает героизм человека. О нем говорят, что это — мужество особого порядка. Им, безусловно, обладала участница Сталинградской битвы Екатерина Петлюк».

Маршал Советского Союза И. И. Якубовский.

Виктор МУРАТОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

На площади Павших борцов вздрагивает земля от орудийных залпов, и черное зимнее небо вспыхивает разноцветными гроздьями праздничного салюта. Екатерина Алексеевна Петлюк невольно зажмуривается.

— Малютка! Ты ли?

Екатерина Алексеевна вздрогнула, услышав знакомый голос.

— Виктор? Жив!

Чтобы ее поцеловать, Виктору Николаевичу Манычу пришлось наклониться чуть не до пояса. И началось: «А помнишь?.. А помнишь?».

— А помнишь, Катюша, как в январе сорок третьего подъехала на своем танке прямо к универмагу?

...Она мечтала стать летчицей. Окончив Крыжопольскую среднюю школу, отправилась в Одессу. Там был объявлен набор в школу пилотов имени Полины Осипенко.

— Екатерина Петлюк? Здоровье отменное,— сказали ей на медицинской комиссии.— Но... рост. Сто пятьдесят один сантиметр — это маловато.

В приемной комиссии ей вернули документы. Словно во сне, Катя вышла за ворота, села в трамвай и... доехала до ближайшего завода. Каждый вечер после смены Катя на летном поле. Она училась летать и прыгать с парашютом. В Одесском аэроклубе Кате Петлюк было присвоено звание пилота запаса и инструктора парашютного спорта.

И вот война. 24 июня Екатерина Петлюк надела солдатскую гимнастерку и была направлена в действующую армию на должность техника-укладчика парашютов.

Часть отошла к Дону. Там, в тылу, Катя Петлюк укладывала парашюты. Но не для себя, а для тех, кто поведет самолеты; возможно, кто-то спустится с этим парашютом в тылу врага и будет драться с фашистами.

Однажды Катя узнала, что идет отбор добровольцев в школу танкистов. Катя тут же написала рапорт.

На следующий день она стала курсантом полковой танковой школы, причем выпускной роты.

Подъем в 6.00, а курсант Петлюк давно на ногах. После отбоя все спят, а Катя штудирует инструкции и наставления. На экзаменах она была одной из лучших — все сдала на «отлично». Так Екатерина Петлюк стала старшим сержантом, механиком-водителем танка.

Кате достался легкий танк Т-60. В части была традиция: каждая машина имеет свое имя. Чаще встречались такие солидные, как «Орел», «Сокол», «Грозный», «Слава», а на башне танка, который получила Катя, было выведено «Малютка».

Танкисты посмеивались: «Точнее не придумаешь — малютка в «Малютке!»

Никто из танкистов тогда не знал, почему танку дано такое имя. Пройдет не одно десятилетие, прежде чем откроется тайна «Малютки».

...Зима сорок второго. Шестилетняя Ада, пригревшись у печки, играет с тряпичной куклой. Вздыхает, глядя на дочь, хирург госпиталя Полина Терентьевна Занегина. Думала ли она, что война забросит их из родной Сычевки, которая приютилась на левом берегу смоленской речушки Вазузы, сюда, на станцию Марьяновка, что в полусотне километров от Омска.

— Мам, а у папы есть танк?— спросила Ада.

— Наверное, доченька.

— Ты ведь отдавала деньги на танковую колонну.

— И другие отдавали, чтобы больше танков было в Красной Армии.

— Мама, я не буду покупать новую куклу,— твердо сказала Ада.— Пусть на эти деньги сделают танк для папы.

— Умница ты моя. Но твоих денег не хватит на танк.

— А пусть и другие девочки отдадут, что накопили.

Через несколько дней в газете «Омская правда» было напечатано «Письмо Ады Занегиной». В нем говорилось: «Я — Ада Занегина. Мне шесть лет. Пишу по-печатному. Гитлер выгнал меня из города Сычевка Смоленской области. Я хочу домой. Маленькая я, а знаю, что надо разбить Гитлера, и тогда поедем домой. Мама отдала деньги на танк. Я собрала на куклу 122 рубля 25 копеек. А теперь отдаю их на танк. Дорогой дядя редактор! Напишите в своей газете всем детям, чтоб они тоже свои деньги отдали на танк. И назовем его «Малютка». Когда наш танк разобьет Гитлера, мы поедем домой. Ада. Моя мама врач. Папа танкист».

Вскоре на специальный счет Госбанка № 350035 стали поступать деньги и от других детей.

Руководители Омского гороно послали телеграмму Верховному Главнокомандующему. «Дети-дошкольники,— говорилось в ней,— желая помочь героической Красной Армии окончательно разгромить и уничтожить врага, деньги, собранные ими на игрушки и куклы... отдают на строительство танка и просят назвать его «Малютка».

Под грифом «Высшая правительственная» пришла телеграмма из Кремля: «Прошу передать дошкольникам Омска, собравшим 160886 рублей на строительство танка «Малютка», мой горячий привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

Ада думала, что на «Малютке» будет воевать ее папа, но танк достался старшему сержанту из 56-й танковой бригады Екатерине Петлюк.

У тракторной колонны «Малютка» Е. А. Петлюк, Полина Терентьевна и Ада Занегины.

Я

Бригада сосредоточилась в районе Калача-на-Дону. Полковой комиссар А. В. Новиков, знакомясь с новым пополнением танкистов, с удивлением обнаружил среди рослых мужчин невысокую, хрупкую девушку. Вечером он вызвал Катю Петлюк в штаб. Выслушав ее доклад, коротко сказал:

— Будете работать на связи при штабе бригады.

— Но я прибыла воевать!

— Здесь все воюют. Приказываю доставить пакет в штаб корпуса. С вами отправится офицер связи. Командир танка старший сержант Козюра уже получил задание. Маршрут ему известен. Выполняйте!

Конечно, первое задание Кате Петлюк мог дать и командир роты или взвода. Но комиссар впервые видел девушку-танкиста. Ведь она единственная в бригаде, а возможно, и на всем фронте. Хотелось самому побеседовать с ней и, чего греха таить, постараться уберечь.

Бои шли непрерывные. Сдерживая бешеный натиск врага, советские войска отходили к Сталинграду.

Но наступил день, которого с нетерпением ждали все солдаты, все советские люди — началось наступление. Впереди шли танки. «Малютка» носилась по полю, выполняя частые и неожиданные задания командира бригады. Младший лейтенант Губанов следил за полем боя. Вот тяжелый танк «КВ» подорвался на мине и застыл. Он продолжал вести огонь с места. Но Катя понимала, что теперь «КВ» хорошая мишень для противника. Надо немедленно спешить на помощь: в ее танке есть запас траков и других деталей... И так день за днем, ночь за ночью.

27 декабря бригада ушла в Сальские степи. Несколько танков, в их числе и «Малютка», были переданы в 90-ю танковую бригаду. Но перед этим старшему сержанту Петлюк и младшему лейтенанту Губанову вручили гвардейские знаки.

Вскоре советские войска приступили к выполнению операции «Кольцо» — ликвидации окруженной группировки врага.

Сигнал ракеты — и танки ринулись вперед. «Малютка» шла в боевом строю. Командир танка вел огонь. Катя маневрировала, наблюдая за полем боя. О броню барабанили пули. Клубился дым горящих зданий. Стало трудно отыскивать цель. Но танкисты умело взаимодействовали с пехотой. Бойцы шли за танками и указывали огневые точки противника.

Вот трассирующими пулями автоматчики дали знать, что фашисты засели в трансформаторной будке.

— Принято,— сказал Губанов и первым выстрелом уничтожил пулеметное гнездо.

«Малютка» свернула в переулок. «Необходимо обеспечить продвижение пехоты через железнодорожное полотно»,— командир напомнил механику-водителю приказ комбата.

Катя внимательно наблюдала за полем боя. Рядом грохнул снаряд. Машина содрогнулась. Катю оглушило. Но она тут же пришла в себя. Протирая глаза, заметила новую вспышку выстрела, повернула танк.

— Ага, вот вы где!

Два снаряда разнесли вражескую пушку.

Наступающие цепи наших бойцов устремились дальше.

Впереди замерла «тридцатьчетверка». На башне выставлена пустая гильза — это условный сигнал: «Нужна помощь».

— Жми, Катюша!— приказал Губанов.

Катя почти вплотную подъехала к застывшей машине. Командир выпрыгнул из люка, бросился к «тридцатьчетверке». И тут же, как подкошенный, упал в снег. Катя успела заметить, откуда была послана пулеметная очередь. Она оставила рычаги танка и схватилась за пушку. На Т-60 подъемного механизма не было. Напрягая все силы, Катя уперлась плечами в сошки, навела орудие точно в цель. Бац! Пулемет умолк. Катя выскочила из танка и подползла к своему командиру. Губанов тяжело стонал.

И где только взялись силы! Тащить по снегу куда ни шло, но как поднять на танк здоровенного парня?

Стиснув зубы, Губанов сам влез через башенный люк. Только закрыл крышку, как что-то лязгнуло о металл. Губанов нагнулся и показал Кате расплющенную пулю.

— Вот она, смерть моя,— сказал он и спрятал пулю в карман.— Значит, еще повоюем.

Еще несколько часов они находились в бою. И лишь к вечеру, когда Губанов от потери крови начал терять сознание, Катя вывела танк к своему штабу. Губанова тут же отправили в госпиталь.

Проводив своего командира, Катя еще долго смотрела вслед уходящей машине. Потом, обессиленная, присела на пустой снарядный ящик. Сразу стало холодно.

Ее разыскал старшина, протянул сверток.

— От комбата,— коротко бросил он.— Его увезли, раненного.

В свертке оказалась плитка шоколада и записка: «Дорогой Малютке желаю побить больше фашистов и невредимой вернуться домой». Тут же была и рекомендация для вступления в партию.

Едва выдалась передышка, собрались коммунисты. Екатерина Петлюк была единогласно принята в ряды ленинской партии. А перед боем батальонный комиссар Скрыпник вручил Кате партийный билет.

— Ты храбро сражалась, Катюша,— пожимая огрубевшую руку, говорил он.— Пусть твоя «Малютка» будет всегда грозой для врага.

Кольцо окружения продолжало сжиматься. С утра 26 января части 64-й армии завязали бои на улицах Сталинграда. Беспрерывная канонада, выстрелы орудий и минометов, танковых пушек, пулеметов и автоматов слились в сплошной грохот. В уличных боях легкий Т-60 чувствовал себя увереннее, чем тяжелые танки. Катя умело вела свою «Малютку» от квартала к кварталу. Командир танка сержант Цитович едва успевал заряжать орудие и поражать цели.

Чем ближе центр, тем труднее преодолевать препятствия. Всюду нагромождения немецких машин, повозок, мотоциклов. Отступая к центру, фашисты увеличивали плотность обороны.

Занималось утро 31 января. Танки въезжали на площадь Павших борцов. Люки закрыты, пушки заряжены. Глаза танкистов не отрывались от триплексов и перископов. Слева — здание универмага. У входа в подвал застыли немецкие часовые. Через каждые восемь — десять шагов пушка. Против каждого вражеского орудия — наши гаубицы с расчетами, а за ними — танки.

Было тихо. Вдруг над входом в подвал показался белый флаг. Танкисты открыли люки. Со стороны вокзала показалась колонна пленных. С безучастным видом они шагали по заснеженной дороге. Но в глазах у многих светилась радость: ведь они избавились от недавнего кошмара, они остались живы, для них война кончилась.

Солнце поднималось все выше. Снег на броне начал таять. С юга подуло весной. А колонны пленных все шли и шли. Казалось, не будет конца этому жалкому шествию.

К подвалу подошла группа советских офицеров во главе с начальником штаба 64-й армии генералом И. А. Ласкиным. Их встретила стена рослых эсэсовцев с автоматами. Генерал Ласкин руками оттолкнул двух автоматчиков. Эсэсовцы не оказали сопротивления. Представители советского командования скрылись в подвале.

Пока там, в подвале, шли переговоры, стоящие на площади танкисты, артиллеристы и пехотинцы все же крепко волновались за судьбу генерала Ласкина. От фашистов всего можно ожидать.

Но вот из подвала стали выходить немецкие генералы. Впереди, в длинной шинели, высокий и прямой, шел фельдмаршал Паулюс. К этому времени немецкой охраны уже не было. Ее обезоружили и пленили.

Красноармейцы ликовали, гремело «ура». Тяжелые дороги отступления, горечь утрат, неимоверные испытания — все выдержали эти люди.

За мужество и героизм, проявленные в боях за Сталинград, Екатерина Петлюк была награждена орденом Красной Звезды. 90-я танковая бригада была переименована в 41-ю гвардейскую танковую бригаду.

На вооружение поступали новые танки, а старые — в капитальный ремонт или на переплавку.

«Неужели с «Малюткой» придется расстаться?»— с сожалением думала Катя. А танкисты шутили:

— «Малютку» на переплавку отправлять не будут — вместе с механиком-водителем гвардии Катей отправят в музей.

И вот теперь, через сорок лет, Екатерина Петлюк стоит на площади Павших борцов и рассказывает о боях на Курской дуге, о битве за Днепр, о том, как в сорок четвертом после очередного ранения ее направили в первое гвардейское танковое училище имени В. И. Ленина в Ульяновске, о том, что после войны она почти четверть века работала заведующей районным загсом в Одессе, окончила юридический факультет университета, воспитала сына-офицера, о своей работе в Советском комитете ветеранов войны...

— Да, грозное было время,— вздыхает полковник Маныч.— Кстати, я видел в музее обороны Сталинграда танковые часы с твоей «Малютки». Что и говорить, грозный был танк, хотя и с нежным названием.

— А ведь история «Малютки» продолжается.

— Как так?

И Екатерина Петлюк рассказала об удивительной истории своего танка. Несколько лет назад ее разыскали и пригласили в гости омские пионеры из клуба «Искатель». Это они нашли в старой газетной подшивке "Письмо Ады Занегиной" и устроили встречу двух хозяек «Малютки» — Ады Занегиной (Воронец), теперь уже врача-окулиста, и Екатерины Алексеевны Петлюк. Потом их пригласили на родину Ады — в Смоленск. Слушая выступление Ады Занегиной о том, как был построен танк «Малютка», некоторые ребята вздыхали: «Сейчас такое интересное и полезное дело уже не придумаешь». Но октябрята вторых классов школы № 2 решили иначе. «Наш фронт — на хлебном поле!»— заявили они. Ребята решили собирать металлолом, макулатуру, лекарственные растения, на вырученные деньги построить трактор, назвать его «Малютка» и вручить лучшей трактористке области.

Октябрята надеялись за два года собрать деньги хотя бы на один трактор. Но призыв смоленских октябрят поддержали пионеры всей области, и уже через год в Смоленске у Кургана Бессмертия выстроились пятнадцать мощных МТЗ-80, и на каждом тракторе латунные буквы — «Малютка». Эти тракторы, построенные комсомольцами Минского тракторного завода в дни субботников, по просьбе смоленских ребят были вручены лучшим молодым механизаторам Нечерноземья.

Так началась трудовая биография тракторной колонны «Малютка». А традиция продолжается. На следующий год смоленские школьники собрали деньги на четырнадцать тракторов, затем еще на двадцать один. Откликнулись на патриотический призыв сверстников и ребята из Омской области. А харьковские школьники решили пополнить колонну «Малютка» ста двадцатью тракторами.

Вот так «Малютка» связала единой нитью детей военного и нынешнего поколений, танкистов Сталинградской битвы и механизаторов Нечерноземья. Операция «Малютка» дала возможность детям сегодняшнего дня сердцем прикоснуться к подвигу солдат минувшей войны, воплотить память о них в конкретном и живом деле.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ, специальный корреспондент «Огонька». Фото автора

КРАСНАЯ ВОДА МЕКОНГА

Дальше машина не пройдет. Тут недалеко. Тропою...

Высокие стебли остролистой болотной травы полностью скрывают наши фигуры, и, наверное, только по колыханию верхушек можно догадаться, что в зарослях движутся люди.

— Внимательнее смотрите под ноги,— дает отрывистые команды идущий впереди человек в глубоко надвинутой шляпе и темно-синем глухом френче. До меня эти слова доходят уже в переводе, но по интонации я воспринимаю того, впереди идущего. Представляю его неулыбчивое бронзовое лицо, разрез твердых глаз и крепкую сухую руку. Тропа змеей скользит меж стеблей — густо-красная, сочащаяся влагой, не тропа словно, а кровавый след. Нога срывается со скользкой кочки, и подошва выворачивает из глины зазубренный металл. Осколок...

— Осторожно. Тут все может быть...

Теперь я и сам вижу, что может. Осколки попадаются густо. Не задеть бы чего посерьезней.

Но вот тропа, вырвавшись из травы, взбегает на бугорок, и сразу же за ним вырастает каменная стена. Стенка не слишком высока, однако зев пещеры, который много выше человеческого роста, среди камня почти незаметен.

— Вот здесь их лежало пятьсот.

Пятьсот раненых. А еще санитары, бойцы охраны, врачи.

Как они только помещались здесь?

— Не только здесь. Там тоже.

Ионгма Муа делает жест рукой в чернеющую глубину подземного чрева. Глаза, ослепленные полуденным солнцем, начинают привыкать. Уже различаешь своды, по которым стекает вода. Звук падающей капли, словно мячик, прыгает от стенки к стенке и только потом проваливается в черноту. Вода сочится каплями, а под ногами уже бегут ручейки. Они ныряют под ржавые камни. Нет, это совсем не камни. Это металл. В скользящем от портала пещеры свете различаем стабилизаторы каплевидных предметов, должно быть, мин. Рыжие бока снарядов. Изъеденные влагой и временем корпуса, начинка в которых — смерть. Сколько их здесь — сотни, а может, тысячи штук? Кто их сюда натаскал? И как долго им еще лежать, тая в себе угрозу... Мы тихо переставляем ноги, боясь потревожить хрупкую тишину, и, наконец, полной грудью вдыхаем вольный воздух долины. Кажется, он напитан запахами всех трав и цветов, от каждого прогретого камешка, от каждого листочка врывается в грудь аромат.

— Там тоже пещеры, и там. А штаб находился в укрытиях этих гор. — Ионгма указывает одними глазами. И оттого, что мы на небольшом уступе стоим почти вплотную, мне кажется, что фигура бывшего бойца царит надо всей долиной. Его взор цепко ощупывает каждую купу застывших в мареве пальм, каждую складку дымчатых гор, каждый извив речушки, каждую оспину полуоплывших воронок, краснеющих там и сям. О чем сейчас думает Муа? О тех прошлых годах — годах борьбы за освобождение, когда день был страшнее и опаснее ночи. Когда тебя выслеживали и за тобой охотились оснащенные по последнему слову техники пираты. Когда в конце шестидесятых и начале семидесятых годов на территорию освобожденных районов Лаоса было сброшено три миллиона тонн американских бомб. И большая часть из них пришлась наверняка на его родную провинцию Сиангкхуанг. А может, о дне сегодняшнем, новом дне его страны, в котором нет-нет да взметнется черным эхом тех лет новая боль: рванет задетый крестьянским плугом похороненный снаряд. Товарищу Муа, члену исполкома провинции, положено помнить и эти двадцать шесть смертей последнего года — гибель крестьян, обрабатывавших свою землю. Нет, ни он, ни Лаос не забыли тех жестоких лет интервенции. И никто не должен их забывать...

* * *

Множество дорог исчертило землю Лаоса. Но среди всех дорог есть одна — она и самая древняя, и самая надежная, и самая главная. Дорога эта — Меконг. Голубая жила реки прочерчивает весь Индокитайский полуостров, но большая часть Меконга приходится на Лаос. И еще одна подробность: если оторвешь взгляд от карты и посмотришь на саму реку, увидишь ее вовсе не голубой, не зеленой, не серой, какими обычно и бывают реки, а розовато-коричневой, почти красной. Отчего красна в Меконге вода? Оттого ли, что солнце в ней долго купает свои жаркие лучи? Или потому, что любят омывать свои бока в этой воде розовые буйволы? Или цветущие по его берегам деревья уронили в воду свой цвет? Скользят по розовым волнам лодки — длинные, как стрелы, быстрые, как летящий олень, легкие, как руки лаосских девушек... Скользят лодки на веслах и на шестах, бегут на подвесных моторах и на мощных дизелях. Всем куда-то надо, все куда-то спешат... Чтоб не отстать, спешим и мы, то по самому Меконгу, то вдоль него. Позади остался Луангпрабанг — бывшая королевская резиденция. Машина бывалая, битая-перебитая, латаная, но живая. Водитель — славный парень. И специалист не промах. У ближайшей лавчонки на выезде из города загружает машину горючим. Полиэтиленовую канистру с бензином устраивает у наших ног, а шланг от нее засовывает куда-то в мотор. На недоуменный взгляд он отвечает радостной улыбкой и произносит единственное из слов, которое он знает по-русски, но которое как нельзя лучше подходит к случаю: «Ничего!» Тут же достает пачку сигарет, на наш новый недоуменный взгляд отвечает еще более ослепительной улыбкой и еще приветливее произносит: «Ничего!» Машина вздрагивает, и мы начинаем свой путь. Это, наверное, любопытное со стороны зрелище. На непрочных четырех колесах нас уместилось человек двенадцать. Трое впереди, прижавшись тесно, как в телефонной будке, кто-то в крохотном кузовке, а остальные на крыше этого авточуда. На крышу забрались и автоматчики, молодые солдаты, которые призваны нас оберечь. Туман, зародившийся было в лощинах и поднявшийся до самых вершин, постепенно съело солнце, и теперь оно одно купается в голубой чашке неба. «Ничего?» «Ничего!» — и водитель поднимает большой палец. Настроение действительно отличное. И едем мы на хорошее дело — на праздник. Через полтора-два часа пути останавливаемся у небольшой деревни. Все ее население на главной улице: изящно убранные девушки, голопузые малыши с миндалинками любопытных глаз, старейшины. В лучшем доме деревни, вероятно, гостевом,— музыка. На веранде, в прохладе навеса несколько музыкантов из ксилофона и нескольких «дутаров» извлекают божественные звуки. А далее, в полузатемненной и прохладной гостиной, устланной свежими циновками, хозяева, ожидающие гостей,— сдержанно-приветливые мужчины в белых рубахах, стриженные наголо седые старушки с ярко-красными ртами — любительницы бетеля, особого снадобья из листьев и извести, жевать которое — истинное наслаждение. В центре помещения таз, наполненный рисом, фруктами, украшенный горящими свечами и цветными ленточками. Глава собрания чинно произносит молитву, и все присутствующие повторяют ее вслед за ним, сложив ладони лодочкой. Мы молчим, но руки держим так же. А теперь руки нужно повернуть вот так: одну ладонью кверху, а второй поддерживать под локоть первую. Сейчас тебе пожелают удачи и счастья. И того и другого будет столько, сколько ниточек повяжут на запястья. Каждый привязывает по ниточке, и постепенно наши запястья обрастают солидными белыми муфтами. Это древняя и очень почетная церемония, и называется она баси. В селе Бан Мыанг Кхай уважают гостей — конечно, если они друзья. Последние иностранные гости были здесь лет двадцать пять назад. Но они были враги, интервенты, и баси им никто не устраивал...

Лаосская деревня (а это и есть основной Лаос) — чем она сегодня живет? В провинции Луангпрабанг мы посетили не одно селение. И большие и маленькие поселки заботит одно — переход на кооперативные формы ведения хозяйства. Крестьянские наделы невелики,

Моны живут в предгорьях Лаоса. По случаю приезда гостей женщины нарядились в национальные костюмы. * На полях госхоза Латсен убирают рис комбайны «Сибиряк».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Этому малышу посчастливилось родиться, когда на его земле уже был мир. * Но страшное эхо войны напоминает и сегодня минами, бомбами, снарядами, притаившимися в земле. * Кажется, что не руки мастеров, а само солнце выткало золотые узоры старинных храмов Лаоса.

PHOMPHON 5 SOMKHAM
СИБИРЯК

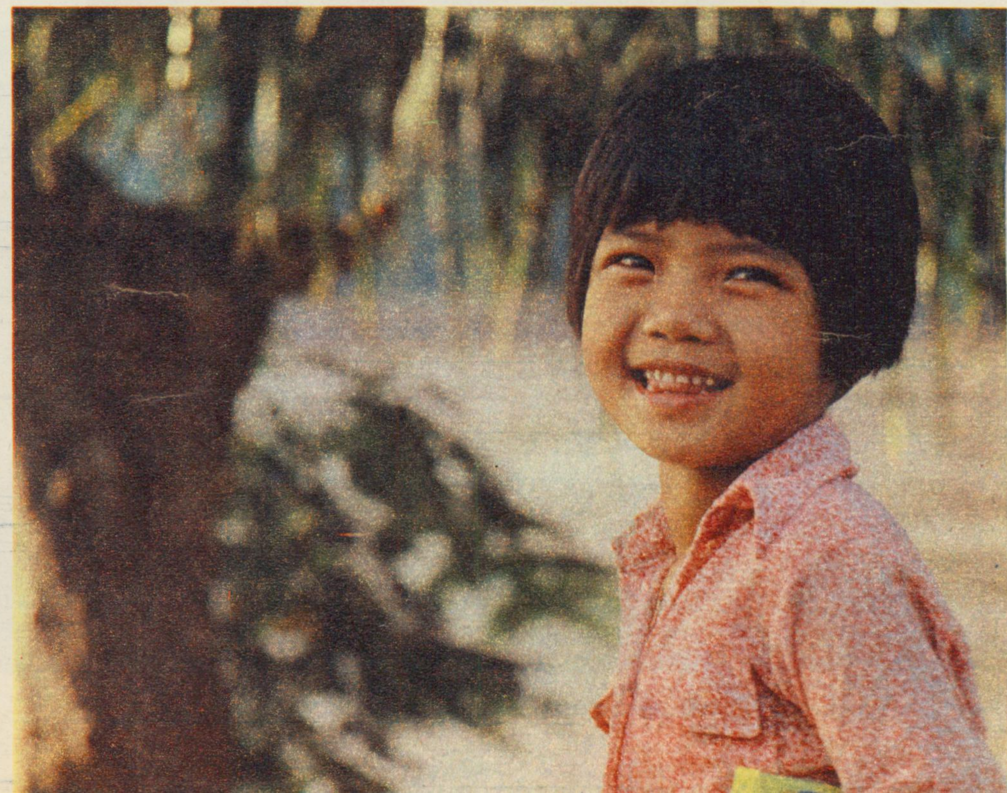

хотя земли и есть; урожаи продолжают желать лучшего. Но в одиночку поднимать хозяйство нелегко. Рис — культура трудоемкая. Его и сеять, и полоть, и растить, и собирать, и даже обмолачивать традиционными способами крайне нелегко. Сколько раз, проезжая по селам, мы видели такую картину. Стоит деревянная ступа, в ней пест, прибитый к жерди, а жердь посередке закреплена наподобие качелей. На свободный конец хозяйка наступает ногой, поднимает пест, потом он падает в ступу. На одну кашу зерна навеять — и то сколько времени уйдет, а переработать весь урожай!

— Кооперативу нашему третий год идет,— рассказывал заместитель председателя кооператива Пху Бунноонг,— вот недавно молотилку получили от государства, удобрения.

В селе Бан Насанг живет всего двадцать две семьи, двадцать состоят в кооперативе. Основной продукт — рис. Совсем недавно жители деревни получали за год 35—36 тонн риса, а теперь собирают восемьдесят. Мы прошли на поля, а они тут же, за крайней изгородью, как огороды. Рис как рис, такой же, как и повсюду. «А теперь вот здесь еще посмотрите». В пору было и ахнуть: тяжелой сытной волной колыхалось могучее поле риса. Шелковистые растения заканчивались литыми метелками, весомыми даже на глаз.

— Нам бы удобрений побольше, мы бы сумели еще поднять урожай.

На току, если можно назвать так небольшой сарайчик, куда мы прошли, ради нас, хоть и не сезон, запустили молотилку. Мальчишка лет десяти — двенадцати лихо управлялся с ней, загружал в бункер зерно, а с другого конца оно, очищенное, сыпалось из лотка в мешок. В считанные минуты мешок наполнился. И на лице мальчишки ясно было написано, что он совершил чудо.

Как не чудо, если мальчишка уже сам управляется с непростым механизмом, а мать и отец его тут же, в центре села, под навесом, где устраиваются обычно общие собрания, учатся слагать буквы в слова?

— Ликвидация неграмотности — тоже наша главная задача.

И очень непростая. Вместе с обучением грамоте происходит перестройка всей психологии крестьянина.

Собирал он на своем клочке урожай, худобедно, а на жизнь хватало. Пусть не досыта, пусть не каждый год — концы с концами сводить можно. Так зачем же нужно сеять и собирать больше? Да хотя бы затем, чтоб кормить дочь, которая уехала учиться на медицинскую сестру, чтоб кормить сына, который выучился на летчика и стал защитником своей страны. Нелегко подчас бывает это понять простому крестьянину, но жизнь-то идет вперед...

В провинции Сиангкхуанг мы посетили госхоз Латсен, что в переводе означает «Тысяча базаров». Базаров мы там не увидели. Зато вблизи знаменитой Долины Кувшинов мы увидели в чистом поле аккуратные домики, волейбольную площадку, на которой молодые лаосцы с удовольствием лупили мяч. Увидели чуть поодаль солидный ряд техники — советские грузовики, трактора, строительные машины. Услышали русскую речь и познакомились с нашими ребятами, помогающими Лаосу построить этот госхоз. Глава группы советских специалистов Андрей Васильевич Доба, недавно приехавший в страну из Молдавии, познакомил со всей группой своих коллег, многие из которых работают в Лаосе уже не первый год. Рассказал, что делается и что намечается, свозил на поле, на котором убирали рис пять наших «Сибиряков» — комбайнов, специально приспособленных для такой жатвы, показал ток — привычный, наших масштабов, похвастался буренушками. По профилю госхоз станет животноводческим, поголовье намечается довести до 2700 голов крупного рогатого скота. Будут действовать две рисовые системы по 120 гектаров. А для этого нужно выстроить плотину, произвести планировку полей, подготовить ирригационную систему. Ну и жилье, конечно, нужно строить, и гаражи, и мастерские, и различные площадки для техники... Словом, дел еще немало. И масштабы по меркам Лаоса немалые. Вот и обживаются потихоньку наши люди.

— Послушай, дорогой, коров моих видел? Видел. А виноград нет? Ах! Ты посмотри, какая лоза! Скоро урожай будем собирать!

Я так и не выяснил: то ли вообще не растет в Лаосе виноград, то ли не растет такой, какой собирается вырастить у себя под окном темпераментный зоотехник Аршавир Меликович Захарян.

Мокрые тучи долго полоскали небо, наконец, выдраили его до синевы и тут же зажгли звезды. Звезды везде звезды, но когда ты на них смотришь из-под банана, они какие-то не такие. Впрочем, непонятного всегда больше, чем мы предполагаем. Непонятно, например, почему тоскующие по родине мужики решили между экватором и северным тропиком построить русскую баню. Банька как банька — с полкáми, с каменкой, которую обдашь из ковшичка — и дух отлетит. Разве только что над фонарем у входа кружатся не снежинки, а какие-то неведомые козявки, да сама лампочка освещает не елку или березу, а ствол папайи, на котором громоздятся плоды размером с наманганскую дыню... Посидели на полкé, а дух так и не прошибло. Видно, всякому овощу — свой сезон. Кое-кто из мужичков пробежался по доскам бултыхнуться в пруд. Я не решился: мало ли что там, в черной ночной воде плавает? Но со стороны пруда еще долго доносились вздохи и восклицания, выражающие удовольствие на чисто русском языке.

Вообще родная речь звучала вокруг постоянно. Я не говорю о своих постоянных спутниках — переводчике Удоме и директоре Дома советско-лаосской дружбы Содоме. Оба учились в Советском Союзе. Удом Чанчом — в Кишиневском университете, поэтому неудивительно, что каждая вторая фраза, не относящаяся к переводу, так и сворачивала на молдаванскую тему. Содом Фетраси, секретарь Общества лаосско-советской дружбы, по приглашению которого я приехал в Лаос со своей фотовыставкой, учился в Москве. Третий наш спутник, веселый Суванкхат Сихарат, живостью и даже обличьем напоминающий молодого Пушкина из довоенного кинофильма, по-русски не говорил. Но он так быстро схватывал основы языка и так поразительно непринужденно сходился с незнакомыми людьми, что пресловутого языкового барьера как-то и не ощущалось. После обычного приветствия по утрам он восклицал: «Как дела?», тут же отвечая: «Хорошо, Левва!», начинал работать своим фотоаппаратом. Двадцатишестилетний Суванкхат — журналист и фотокорреспондент газеты «Нум Лао» — «Лаосская молодежь». Глядя на симпатичного молодого коллегу, трудно было поверить, что еще несколько лет назад он держал в руках винтовку, участвовал в поиске банд.

Я не говорю о постоянных встречах с земляками — на стройке госпиталя или политехникума во Вьентьяне, в авторемонтных мастерских, построенных с помощью Советского Союза, или на комбикормовом заводе. Это были запланированные встречи, и удивляться тут было нечему. Но невольно вопросительно вскинешь брови, когда в тишине музейных зал бывшей королевской резиденции, возле портрета, выполненного соотечественником Ильей Глазуновым, к тебе обратятся с вопросом девушки на чисто русском языке. И тут же вскоре выяснится, что одна из них училась в Советском Союзе на фельдшера, а вторая в ГДР на техника. Обе свободно владеют языком, а чуть уловимая неправильность речи только придает ей особое очарование. Трудно не удивиться, шутливо крикнув выходящим из техникума студентам: «Ну-ка, ребятишки, подтянись!» — и в ответ услышав дружное и разноголосое «Здрасьте». «Они все понимают по-русски»,— говорит Удом. Трудно не удивиться, отмахав по воздуху тысячи километров от Москвы до Вьентьяна и в тот же вечер увидев в первом доме, куда ты попал, на цветном экране телевизора Филю и Хрюшу и услышав знакомую мелодию детской передачи, под которую успели вырасти твои дети... По прямой трансляции через спутник в Лаосе можно смотреть Москву. Нет, русский язык совсем не чужой в Лаосе.

Лаосская Народно-Демократическая Республика еще совсем молода: она отметила свое семилетие. Перед страной стоят нелегкие экономические и культурные задачи. Нужно реорганизовать старые хозяйства, перестраивать, укреплять их. Нужно создавать новые производства, новые отрасли. Нужно воспитывать кадры — иметь своих инженеров и врачей, агрономов и энергетиков, мелиораторов и педагогов. Нужно иметь свой щит — надежную, хорошо знающую современную технику армию. И лаосцы отлично это сознают. У Лаоса много друзей: страны социалистического содружества помогают молодой республике в той или иной отрасли. У Лаоса много соседей: это Бирма и Вьетнам, Кампучия и Китай, Таиланд. Не все соседи одинаковы. И, пожалуй, самый беспокойный тот, что за красным Меконгом,— Таиланд. В Таиланде много лаосцев — тех, что бежали после провозглашения республики.

...Немного усталые после тряской дороги, мы сидим под навесом небольшого магазинчика, который, наверное, можно назвать и рестораном, и закусочной, и аптекой. Готовящееся к заходу солнце обливает лица последним жаром лучей. Неторопливо переставляют ноги погоняемые мальчишкой буйволы, солнце ложится оранжевыми бликами на их крутые бока. Хозяин дома, ненадолго отлучившись, возвращается с охапкой огромных зеленых плодов. Несколько ловких движений ножом, и мы потягиваем из прохладных недр кокоса через коктейльную трубочку сладковатый сок. Маленький попугайчик, пристроившийся невдалеке на ветке, произносит несколько фраз, как бы приглашая к разговору, и косит на нас круглым глазом.

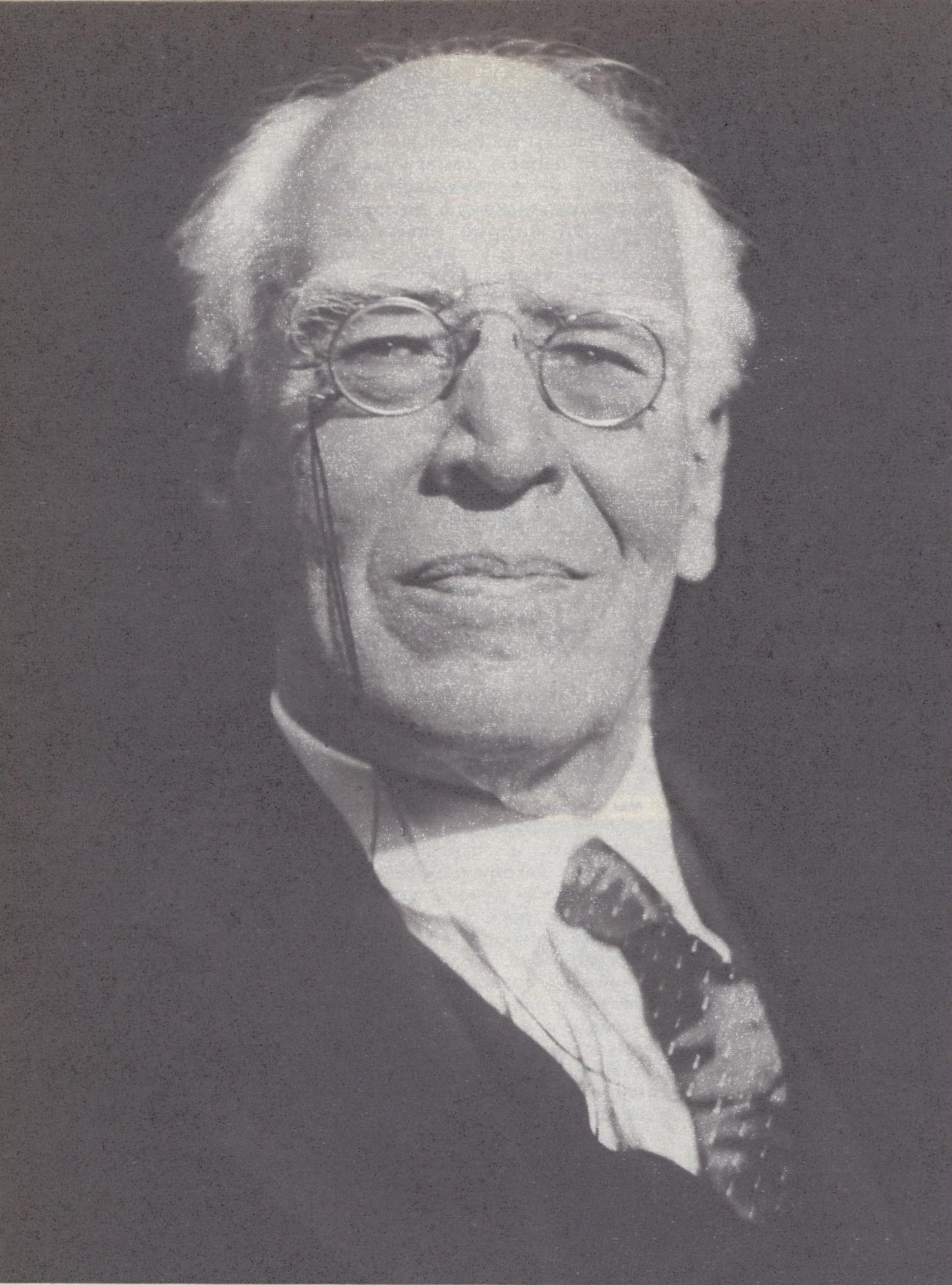
Содом знакомит нас с хозяином. Тхонгсинг Вилайпхонг еще сравнительно молод — нет и сорока. Но большую часть своей жизни он провел с винтовкой в руках. Семнадцатилетним подростком вступил в ряды патриотических сил: был и солдатом и командиром отделения, принимал участие во множестве операций. В октябре 1965 года патриотические силы образовали Народно-освободительную армию Лаоса, которая доставила немало хлопот американо-сайгонским интервентам. В феврале—марте 1971 года НОАЛ вывела из строя 15 тысяч солдат и офицеров противника, сбила около пятисот самолетов и уничтожила около шестисот машин, танков, массу тяжелых орудий. Всего же с 1964 по 1972 год было сбито две тысячи четыреста пятнадцать американских самолетов. Останки некоторых из них и сегодня можно увидеть во Вьентьяне в музее министерства обороны, а то и просто встретить где-нибудь в глухой расселине между скал. Закончилась давно война, трое детей подросло у Тхонгсинга, но форму солдат так и не снял. Младший лейтенант Тхонгсинг Вилайпхонг стал начальником пограничного пункта в южном районе Вьентьяна.

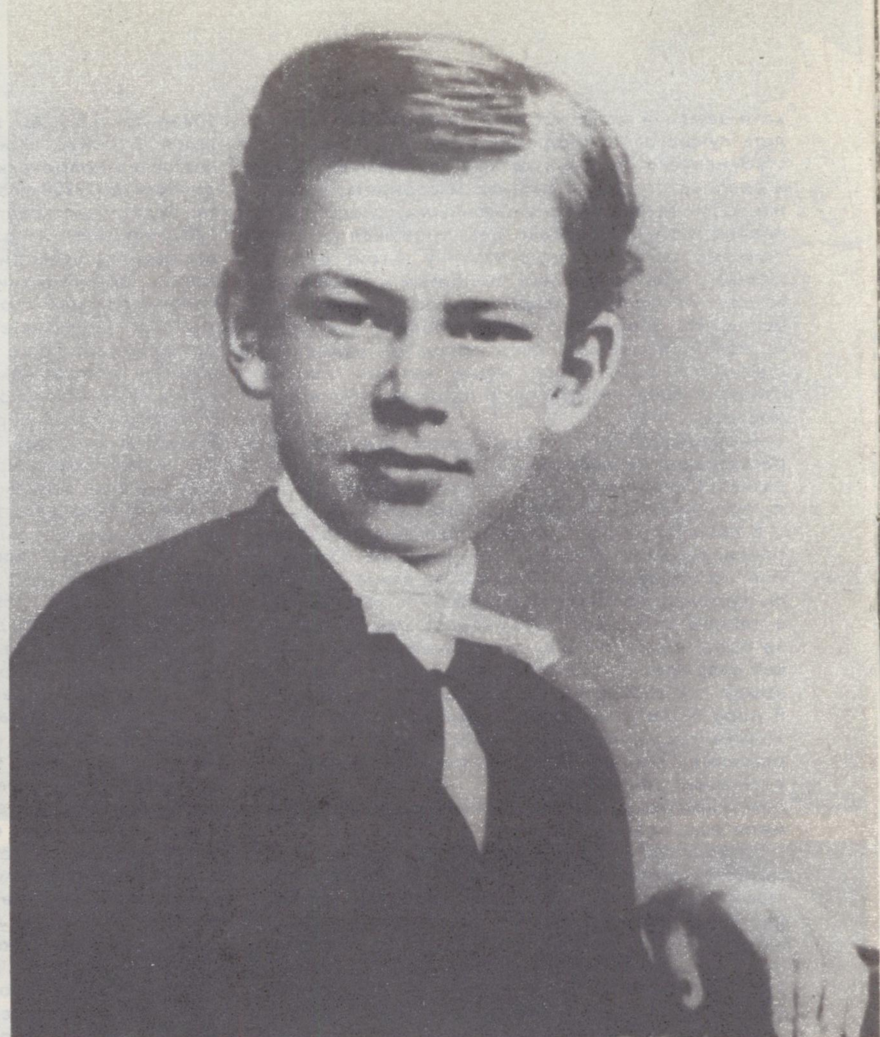
Бугрит золотые волны Меконг, длинная, как арбузная корка, лодка с двумя-тремя десятками гребцов готовится к отплытию возле причала. Это спортсмены. Хотя праздник Большой Воды уже прошел, но тренировки продолжаются. Стройные молодые ребята и совсем уж точеные девушки машут приветственно нам руками и налегают на весла. Лодка устремляется по реке. Зеленеют кусты по другую ее сторону, недвижно высятся пальмы. Там уже другая страна, там — Таиланд. Не пожалуют ли этой ночью из-за реки гости, что, бывает, и случается? А если пожалуют, то с чем? С этими вопросами и заступает на дежурство младший лейтенант...

Отчего красна вода в Меконге? От солнца, которое каждый вечер тонет в нем? От крови ли, отданной бойцами за лучший день своей родины? А может, оттого, что буйволы полощут в ней свои розовые бока?..

Вьентьян — Москва.

Долина Кувшинов. * Летчик 1-го класса Бунтием Пэнчай — один из защитников неба Лаоса. * Краски, рожденные природой. * Каждая кукла-сувенир — определенный национальный типаж или персонаж легенды * Поспел урожай апельсинов. Лодки, груженные золотистыми плодами, спешат к пристаням городов. * Девочка из Луангпрабанга.

Костя Алексеев (1873 год).

СТАН

В роли Фамусова («Горе от ума», 1906 г.)

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Константин Сергеевич Станиславский... Его простую русскую фамилию, Алексеев, иногда многие забывают или даже не знают совсем, настолько прочно, неизгладимо врезалось в сознание людей театральное имя, выбранное для себя гением.

Станиславский вечен. Он создал искусство Театра глубинное, обращенное к высоким идеалам жизни человека, а значит, идеалам революционной сцены, Театра, необходимого революционной эпохе.

Созданная Станиславским школа сценического искусства органично вобрала в себя именно те заветные черты, которые присущи были русскому театру еще со времен Щепкина, Островского, Ермоловой, Ленского, которые и сами, в свою очередь, опирались на животворные творческие принципы художников России,— на их гуманность, на их нравственное кредо. На вещий пушкинский завет: чувства добрые лирой пробуждать...

Но разве забылись, разве отошли в прошлое, разве не нужны сегодня эти заветы!..

Много перемен произошло — и сегодня происходит — в жизни народов всей земли. В жизни людей, познавших дух нашей Советской страны, постигающих революционный гений Ленина, открывшего миру законы всеобщей трудовой дружбы, ее душевной красоты.

Не сладкую ложь несет такой Театр людям, но — учит свершению. Потому-то, как никогда, воссияло нынче во многих уже странах имя Станиславского, утвердилось открытое им сценическое искусство.

Конечно, есть и сегодня споры, есть неприятие... Есть приверженность веяниям поверхностной, преходящей моды, сиюминутной, не оставляющей по себе ни благодарной памяти, ни следа на земле, а то и приносящей вред,— моды крикливой, пустой... Но это борьба.

Великие создания знают друзей, знают и недругов. Победу же в борьбе всегда одерживают творческий дух, идеалы человечества.

«Чайка».

Станиславский в 1900 году.

ИСЛАВСКИЙ

«Живой труп» (Князь Абрезков).

Роль Крутицкого в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты».

ВЕЧНАЯ О

Беседу с народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского, главным режиссером, художественным руководителем Ленинградского академического театра драмы имени Пушкина И. О. Горбачевым ведет корреспондент «Огонька» О. Петриченко.

— Игорь Олегович, вашему театру — первому государственному профессиональному театру России — недавно исполнилось 225 лет. Славная история, громкие имена и, что особенно важно, неизменная принципиальная позиция глашатая добра и справедливости всегда привлекали к нему сердца зрителей, искавших и находивших здесь честные ответы на многие вопросы, волновавшие народ. Не случайно, обобщая объективные законы актерского творчества, великий реформатор театра К. С. Станиславский использовал опыт Александринки; театральная молва донесла до нас его слова, адресованные несравненной Е. П. Корчагиной-Александровской: «Моя система — это вы». В свою очередь, лучшие, этапные спектакли пушкинцев 20—30-х годов «Бронепоезд 14-69», «Конец Криворыльска», «Ярость», «Чудак», «Страх» способствовали утверждению этой системы, которой суждено было лечь в основу театральной школы... Это весьма убедительные аргументы в споре, который вызывали да и по сей день вызывают идеи Станиславского, чье учение то канонизировали, то «освобождали» из «пут догматизма». А то и вовсе объявляли устаревшим, якобы не соответствующим нынешним запросам... Однако времена меняются, а Станиславский остается. Каково же его реальное место в современной театральной жизни?

— Коль уж мы начали с истории, напомню слова первого директора нашего театра поэта и драматурга А. Сумарокова. В своем эстетическом трактате, ставя перед театром серьезные нравственные задачи, он призывал «...принудить чувствовать чужие нам напасти и к добродетели направить наши страсти». А великий актер и театральный педагог Иван Дмитревский, сподвижник «отца русского театра» Федора Волкова, еще в XVIII веке говорил, что «...театр — это такое место, которое должно быть во всей строгости училищем добродетели и страшилищем порокам».

В нашем столетии артист Александринского — Пушкинского театра Ю. Юрьев, как бы продолжая ту же мысль, скажет молодым советским актерам: «Истинное назначение театра — давать обществу такие устои, на основе которых могли бы вырасти лучшие его стремления».

Прослеживая эту историческую линию, хочу подчеркнуть преемственность традиций русского театра, стремившегося постоянно держать руку на пульсе эпохи. Русского артиста всегда отличало обостренное гражданское чувство. Вспомним Савину, которая сорок лет по праву великого таланта царила на подмостках Александринки. С какой целеустремленностью добивалась она постановки на императорской сцене «Власти тьмы» Толстого! И ведь одержала победу... Актриса не мыслила себе жизни лишь в элитарном мирке лицедеев, вне кипучей общественной деятельности: Савина одна из первых предложила создать Российское театральное общество...

Все это опыт разных временных пластов. Но их роднят общие нравственные критерии, определявшие труд актера, его **общественное лицо.** Система Станиславского, вобравшая в себя все лучшее, что накопила к началу века отечественная сцена, возвела эти критерии на качественно новую ступень. Изучение **«духовной сущности драматического произведения — того зерна, из которого оно создалось и которое определяет его смысл»,** — стало непременным условием профессионально честной работы. К ее образцам следует отнести работы Симонова, Черкасова, Меркурьева, Рашевской, Толубеева и многих других, воплотивших на наших подмостках яркие черты нового, современного героя. В них было все, что характерно именно для русского театра: глубочайший реализм, народность, гражданственность и возвышенность чувств, и спектакли всегда были проникнуты светлым оптимизмом, верой в правоту передовых идей.

С сожалением приходится отмечать, что нередко гражданственность звучания современных постановок на тех или иных сценах явно приглушена. Неправомерно затянулся поиск героя, представляющего собой **действительно незаурядную,** значительную личность. Если раньше такой герой, образно говоря, вел за собой зрителей, то сейчас на некоторых спектаклях в пору зрителям самим выходить на сцену и сообща помогать действующим — не личностям — лицам!—выбираться из лабиринтов «самоанализа»...

Я глубоко убежден: произведения сценического творчества — при всей многосложности восприятия мира его создателями: режиссерами, артистами, художниками — непременно должны быть проникнуты социальным оптимизмом, верой в мощь коммунистических идей, в их неизбежную победу. И тогда перед зрителем в полный рост предстанет современник: человек-созидатель, деятельный и энергичный; герой, утверждающий себя в трудовых свершениях, которому ведомо истинное чувство долга перед народом, перед Отчизной.

Это по плечу русским актерам! Ведь им издавна присуща особая манера исполнения — создание образов крупных, обобщенных, умение подниматься от психологической, жизненной правды к философским вершинам. Русской национальной артистической школе свойственна игра с полной отдачей, игра — страстная исповедь... Откуда взялось это в наших актерах? Да в самом русском характере! Многогранном и самобытном, где есть и лихая удаль и мудрая неспешность, бесконечная доброта, способность к самопожертвованию, широта натуры и неизбывная любовь к Родине.

О таких масштабных чертах наших сценических героев с особой тревогой думается сейчас, когда в ряде произведений искусства — театральных в том числе — нивелируются национальные характеры, а взамен предлагается некий «среднеевропейский» типаж, этакий «человек вообще», лишенный национальных корней.

Хочу подчеркнуть, для меня национальное — это и интернациональное. Я глубоко уважаю все нации и, разумеется, их искусство тоже. Но посмотрите, как прекрасно передают национальное своеобразие своих героев театры наших братских союзных республик! Ни за что не спутаешь грузинский спектакль с узбекским или казахский с армянским. А мы, русские, подчас забываем о лучших чертах народа, о его **своеобразии.**

Что же касается личности на сцене... Мне выпало огромное счастье быть делегатом XXVI съезда КПСС. В Кремлевском Дворце съездов я по актерской привычке пристально всматривался в лица посланцев партии,— вот они, герои нашего времени! А значит, и герои нашего искусства!.. За каждой Золотой Звездой, за каждой наградой угадывалось героическое деяние во славу Родины. Вставал человек, беззаветно ей преданный, уверенно глядящий в завтрашний день. И хочется сказать некоторым нашим «художникам»: давайте оглянемся, посмотрим вокруг — сколько ярких, незаурядных людей живут, трудятся, совершают подвиги! Все они истинно советские люди!.. Кстати, я очень хорошо знаком со многими из них. О таких надо писать книги, снимать кинофильмы, ставить спектакли!

К сожалению, современные драматурги не балуют нас пьесами, в центре которых был бы интересный образ — крупная личность, положительный герой. Но мы, следуя своей давней традиции, ищем произведения, обязательно несущие в себе положительный потенциал нашего времени.

Сегодня смысл **современного** лежит в идейной **точности** жизненных конфликтов, ситуаций и проблем. В зрелости их осмысления, раскрытия. Если тема крупна, если она порождена требованиями жизни, если позиция драматурга и театра способствуют ее верному разрешению, пьеса имеет право на жизнь!

Так родились и утвердили свое право на существование постановки «Ивушка неплакучая», «Тетка Лукия», «Из жизни деловой женщины», «Пока бьется сердце», «Предел возможного»... Спектакли трогают зал, заставляют зрителя чувствовать судьбу не только страны, но порой узнавать и свою личную судьбу в образах сценических героев.

— Размышляя о пьесах, которые становятся «возбудителями общественных настроений», Станиславский задавался вопросом: «Не в том ли секрет воздействия общественно-политических пьес, что при их воплощении актеру надо меньше всего думать об общественных и политических задачах, а просто быть в таких пьесах идеально искренним и честным?»

— Нельзя забывать о времени, когда писались эти слова. Сегодня мало быть просто даже искренним, просто даже нейтрально честным. Только убеждение, сила мировоззрения рождают веру в то, что ты, актер, делаешь на сцене! Твоя страстность, заразительность заставляют человека в зрительном зале верить каждому твоему слову, восхищаться тем, чем восхищаешься ты, отрицать то, против чего восстаешь ты!.. Иногда говорят об актере: он ремесленник. Ничего тут обидного нет: хороший актер — всегда хороший ремесленник, но это лишь только одно из необходимых качеств нашей профессии. Но, кроме ремесла, наша профессия требует от актера наличия таланта, требует и гражданского мужества.

Как ни различны масштабы творчества актеров, одно несомненно: мы не можем стоять в стороне от жизни страны, от тех вопросов, которыми живет наш народ. Об этом очень точно было сказано в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС, где подчеркивалась громадная роль искусства в формировании духовного облика советского человека. Ныне, как никогда, нужны «свойственные лучшим произведениям гражданский пафос, непримиримость к недостаткам, активное вмешательство искусства в решение проблем, которыми живет наше общество».

Да, надо во весь голос говорить о недостатках. Говорить откровенно, показывая жизнь в ее реальной полноте и сложности. Но нельзя забывать, что критическое отношение обязательно должно сочетаться с незыблемой верой в историческую правоту дела партии, пути, избранного нашей страной. И иногда бывает — недостатки на сцене мы видим, что называется, «навалом». А непримиримости-то и нет... О трудностях можно говорить лишь с сердечной болью, с гневом, а не со злорадным смешком. И тогда, если даже герой гибнет на подмостках в борьбе за справедливость или терпит поражение в своем деле, зритель покидает театр с ощущением того, что борьба еще далеко не окончена, но что победа придет непременно! Вот это и есть **социальный оптимизм.**

Театр обязан давать вполне определенные критерии истины. Толстой очень хорошо сказал о художнике, который описывал лишь теневые стороны жизни, что в его работах «даже и зла не будет — будет ничто».

Создавая спектакли, в основу которых положен значительный по теме и проблематике материал,

ПОРА

деятели театра сами получают отличный урок нравственности и гражданской активности. Нельзя жить по одним моральным нормам, а творить по другим. Воспитательный заряд каждого спектакля впрямую зависит от четкой позиции артиста. Необходимо, чтобы «...зритель научился не только слушать, но и мыслить в театре, встречая в нем отзвук на волнующие его общественные мотивы». Это и помогает выработать верную социальную позицию. В таком духе стараемся мы воспитывать нашу молодую актерскую смену.

— Однако согласитесь, что сама система театрального образования давно уже требует реформ. Хотя бы вопрос о возрасте, с которого начинается обучение актерской профессии. Станиславский, как известно, свою жизнь в искусстве четко делил на четыре периода: артистическое детство, артистическое отрочество, артистическую юность, артистическую зрелость. У нас же, если судить по возрасту студентов театральных институтов, большинство начинает прямо со зрелости. Зато потом на сцене перед нами предстают, как правило, великовозрастные отроки и отроковицы...

— Действительно, молодые актеры драмы явно отстают творчески от своих сверстников в других видах искусства. Пианист начинает осваивать гаммы и этюды с 4—5-летнего возраста. Ученики балетной школы с детских лет знают, что такое великий, тяжкий труд,— они неустанно тренируются, успевая еще и учиться в школе, принимать участие в театральных спектаклях... А насчет нашей профессии почему-то сложилось такое представление, что учебу следует начинать лишь с 17—18 лет. Заметьте, только начинать!

И ведь многие приходят уже после службы в армии! У иного уже семья, дети, а он учится невидимые гвозди считать!.. Глупо, смешно и стыдно... Потом, в 23—25 лет, приходят такие выпускники в театр, и тут обнаруживается, что актер не оснащен технически, не умеет выполнять поставленные перед ним задачи, не может играть в ансамбле с опытными мастерами. На освоение, «притирку» уходит еще лет пять. И хорошо, если в тридцать актрисе дают роль Джульетты. Да какая же ты, матушка, Джульетта! Тебе кормилицу пора играть...

Слишком поздно начинаем мы учить молодых актеров ремеслу. Ведь ни в одном театре мы не можем при всем желании найти настоящую Офелию. Или Ларису в «Бесприданнице»... У начинающей актрисы нет опыта, а когда он приходит, то уже нет юности и непосредственности образа!.. Нужна более ранняя профессиональная подготовка! Нужно, чтобы актер, не потеряв юношеского задора, очарования молодости, уже в 16—17 лет владел основами актерского мастерства: умел хорошо говорить, танцевать, двигаться, фехтовать...

Как же такого добиться?.. В начале очередного учебного года мы получили возможность в какой-то мере осуществить первые шаги в этом направлении. На базе четвертой музыкальной школы Московского района набрали **курс пятиклассников.** Около 30 человек занимаются актерским мастерством, танцем, ритмикой, хоровым пением, рисунком... Естественно, уроки актерского мастерства проходят как бы в форме игры: ведь все ребята легко верят в предлагаемые обстоятельства! Конечно, «в пути» кое-кто отсеется. Но зато те, кто пройдет раннюю школу, будут поступать в институт уже с солидной подготовкой. Да и заниматься будут гораздо более сложными вещами, нежели их сверстники сегодня.

Кстати, это во многом возложит и на нас, педагогов, повышенные обязательства.

Полагаю, что полезным окажется опыт обучения студентов непосредственно в самом театре. Сейчас на нашей сцене идет спектакль «Трубач на площади», где почти все роли играют студенты. Знаю, что подобный опыт есть и в других вузах страны. Он должен стать всеобщим... Коллективным. Надо этим опытом обмениваться! Главное же тут одно — сформировать актерскую смену наиболее рационально творчески. Тогда вероятность «ножниц» между институтскими навыками и профессиональной работой на подмостках если не исчезнет вовсе, то хотя бы уменьшится.

— Насколько мне известно, в одном из ваших спектаклей заняты совсем юные ребята из самодеятельности. Тоже возможный резерв?

— Ну, здесь надо говорить скорее о поиске новых форм работы **со зрителем.** В этом спектакле заняты ребята из самодеятельного коллектива Дома культуры профтехобразования, над которым мы шефствуем уже много лет. Ребята увлеченно работают, берутся и за постановку спектаклей! Руководит ими режиссер Г. Просаловский, который когда-то сам был участником художественной самодеятельности Дома культуры... Мы нашли и еще одну форму серьезного разговора о прекрасном с учащимися ПТУ. Это театральный университет культуры, несколько лет работающий при том же Доме культуры. Всегда занятия проходят здесь в переполненном зале. А темы серьезные: «Путь создания образа на сцене», «Драматург, режиссер, артист», «О тех, кого не видит зритель», «Актер театра и кино», «Гражданская позиция артиста»... И ребят интересует буквально все!

А началась эта дружба тоже несколько лет назад, после памятного призыва партии и правительства, обращенного к деятелям советской культуры,— уделять самое пристальное внимание коммунистическому, идейно-нравственному, эстетическому воспитанию **подрастающей рабочей смены.** Ленинградцы отнеслись к этому очень ответственно. Все ведущие учреждения культуры взяли шефство над ПТУ. Все стараются, чтобы шефство не было формальным. И это должно дать хорошие результаты.

Что касается нашего театра, то работы у нас стало значительно больше. Но мы рады этим возросшим нагрузкам. В них мы видим свой реальный вклад в осуществление идеологических задач, поставленных Коммунистической партией. В решении этих задач учение Станиславского остается нашей вечной опорой.

В. И. Качалов, А. М. Горький и К. С. Станиславский.

К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко.

Деятели искусства в гостях у Константина Сергеевича.

Анастасия ЗУЕВА,
народная артистка СССР

Наверное, главным среди многих загадок неповторимой личности К. С. Станиславского, что и передавалось нам всем, кому посчастливилось находиться возле него, работать рядом с ним, и было вот это чудесное, невыразимое словами, заключенное в самом его человеческом существе желание творить.

Или, может быть, я точнее скажу: это было непрерывное, вроде бы даже самопроизвольное «творение творчества». Такое творение, самый процесс которого он всегда стремился постичь, разгадать, обосновать теоретически. И выразить найденное в осмысленных, строгих формулировках... Конечно, они были достаточно точны и научны. Но, пожалуй, не ошибусь, если подумаю, что не всякая формула раскроет то исчерпывающее чудо жизни, ту загадку жизни, которые он творил на сцене, то чудо, к которому он приобщал нас всех. Приобщал неустанно, упорно, и радуясь и сердясь на нас откровенно, как сердится или радуется Учитель на своих учеников, отдавая им себя целиком...

Вот я и говорю: этика и эстетика Станиславского останутся вечно живы, пока жив народ. И пока существует сцена... Останутся живы, как бы их ни оспаривали, как бы их ни разрушали. Более того, этику от эстетики в его наследии, столь необходимом нашему театру сегодня, тоже не «оторвешь» друг от друга, как это пытаются нынче сделать иные теоретики. Этика и эстетика неотрывны от искусства социалистического реализма в целом. Хотя бы уже потому, что оно — искусство подлинное — живет и может жить только по законам красоты. И ведь это так понятно!.. Я не теоретик, конечно, но я знаю — и тоже всем существом актрисы утверждаю,— что этику как учение о нравственности нельзя ни оторвать, ни изолировать от эстетики — от понимания прекрасного.

Тут-то ведь и находится та самая изюминка, которую многие нынешние «новаторы» порой высокомерно отшвыривают: она им вовсе ни к чему. Но театр равно невозможен, если перестает быть трибуной, с которой он прославляет и утверждает силу своего общества, дела своего народа, то есть действует по законам этики. И столь же скуден, а часто и мертв театр, если не умеет находить и утверждать прекрасное в жизни, в борьбе; а это — главное требование эстетики. И об этом Станиславский не уставал думать и говорить. Не уставал действовать, связывая искусство с действительностью и в классических произведениях и в советском, зарождающемся, новом по своему содержанию театре... Он не видел здесь никакого разрыва, напротив, **народный** театр, им созданный еще до революции, стал действительно народной могучей творческой силой, которую и дала искусству Революция. И вместе с Немировичем-Данченко, столь же искренне принявшим новую жизнь, новый, советский образ жизни, они оба стали еще активнее, еще настойчивее в своих моральных и художественных требованиях к театру, ко всему коллективу, понимая, что искусство впервые, как никогда, стало общественной силой; что театр стал действенным помощником Советского государства... Это вдохновляло и нас всех, давало

Анастасия Платоновна Зуева в роли Домны Пантелеевны. Спектакль «Таланты и поклонники» А. Н. Островского в постановке К. С. Станиславского.

нам чувство гордости, стократно увеличивало вот это непрерывное желание творчества, без которого, я думаю, сцена вообще мертва...

Конечно, сцена в какой-то мере всегда еще и «производство». Есть план, есть расписание работы и прочие чисто деловые приметы «производственных» обязанностей режиссера, актера... Но если нет стремления к творчеству, если им не пронизан самый воздух сцены, то искусства нет. Есть поделки... Пусть одно получится лучше, другое хуже. Но без подлинного вдохновения — актерского, а еще более режиссерского — театра все равно нет. Пускай у театра есть прочная крыша над головой, есть громкая афиша, есть «модные» постановки (кстати, «мода» на нечто остренькое — это, пожалуй, первый признак того, что творчество иссякло), труппа, если она даже упорно трудится по твердому расписанию, не создаст истинного вдохновения в зрительном зале, не вызовет душевной отдачи... И это беда театра. Может быть, болезнь театра... Но все равно ощущаешь это остро и горько, хотя видишь, как публика «ломится» на такую вот премьеру, которая никого ничему не научит, не подвигнет на свершение.

Станиславский и Толстой искали «изюминку» в человечности души, а не в «греховности» человека. Этим был замечателен и красив, например, «Живой труп». Здесь герой лишал себя жизни, ибо лишался непоправимо свободы, радости души,— что было «изюминкой» спектакля тоже, что делало его событийным, незабываемым. Сейчас на сцену МХАТа в роли Протасова выходит способный актер Калягин. Но в нем нет боли и страданий героя; это просто спившийся, потерявший себя человек. А разве задача театра — посрамить алкоголика?..

Театр нес святое людям вчера и должен нести святое людям сегодня, хотя жизнь стала совершенно иной. Прежняя жизнь — нищая, бедная — ушла навсегда. Но и в нынешней жизни искусство по-прежнему обязано нести людям веру в огромные духовные возможности человека, позволять ему надеяться на свою внутреннюю силу, на коллектив.

Вера в людей, в силу народа — особенно теперь, когда наше общество живет по законам справедливости и добра,— это закон жизни театра. Мы должны нести людям вот именно такое **высокое** ощущение бытия, такую радость совместной творческой одухотворенной жизни, какой не было на сцене, может быть, даже еще никогда!.. Чехов, Гоголь предвещали неизбежность светлой, братской жизни людей. И вот, когда эта жизнь сбылась, мы стали показывать со сцены «Утиную охоту», «Наедине со всеми»...

Зато украшение МХАТа — произведения классики: чеховские «Три сестры», гоголевские «Мертвые души»—с афиши сняты; спектакли эти больше не играются... Почему? Говорят: играть некому! Да разве это похоже на МХАТ?!.

Станиславский требовал: «Дайте мне правду, правду, правду!» Но для него правда, пусть самая горькая, именно для того и нужна была, чтобы человек мог воспрянуть и укрепиться, поверив в себя, в свою силу. А мы уже и в свой родной коллектив вроде бы веру потеряли...

Любовь к актеру, понимание актера — вот что объединяло и скрепляло достаточно сложные отношения Станиславского и Немировича-Данченко. Любовь к актеру — это, наверное, была для них самая главная, святая обязанность. Без этого внутреннего, душевного качества режиссер просто не может быть режиссером: не справится он ни с труппой, ни с репертуаром.

Сейчас далеко не все режиссеры — да и не все театры — актера любят по-настоящему: творчески понимая его сущность, раскрывая его возможности. Актеров «выбирают» и «подбирают»... Но, не объединенные общим, мощным духовным пониманием своих задач в творчестве, они представляют собою не коллектив, а конгломерат, что ли,— некое соединение разных, а то и вовсе разнородных индивидуальностей, мало чем между собою связанных, а главное, не имеющих вот этого заветного творческого общения, которое только и делает театральный коллектив особым, неповторимым явлением искусства: коллективом подлинным.

Работать с актером, конечно, трудно! Всегда трудно... Я помню, когда Качалов играл в «Талантах и поклонниках» Островского роль Нарокова, репетирующий пьесу Станиславский упрямо говорил знаменитому актеру:

— Нет. Не верю! Нароков не так входит в дверь! Вы неверно вошли...

Станиславский повторял это свое «не верю» Качалову чуть ли не десять раз... Качалов входил и выходил... И снова слышалось все то же: «Не верю»... Наконец, Качалов вежливо сказал:

— Константин Сергеевич, я к завтрашнему дню подготовлю себя?..

Станиславский же улыбнулся и ответил:

ЖЕЛАНИЕ ТВ

— Я проверял ваше терпение! Ведь у некоторых его не хватает!..

В «Талантах» он запретил Тарасовой морщить лоб; она обиделась. Но потом поняла, что Станиславский прав, и отучила себя от этой привычки. Она должна была предстать на сцене **прекрасной**. Так оно и вышло... И все это не мелочи.

К моей героине, Домне Пантелеевне, которую я играла в «Талантах», Константин Сергеевич относился почему-то спокойно. Он говорил мне:

— Вы сами все сделаете, как нужно.

— Но почему же вы мне-то ничего не говорите? — даже обижалась я.

— Вы как-то умеете находить верные пути,— отвечал Константин Сергеевич.

И у меня от этого прямо-таки словно крылья вырастали, укреплялось и росло творческое актерское существование. Мы все жили равной семьей, единой жизнью театра. И каждому всегда хотелось сделать больше, чем он мог сделать.

Сейчас, я думаю, нет вот такого желания творчества. Есть **желание играть...** Но это совсем разные вещи! И происходит это еще и потому, что к актеру тоже нет должной требовательности. Все ненужные, даже ошибочные подчас действия актера остаются никем не замечены. Даже неправильная русская речь порою так и остается неправильной у актера при постоянной режиссерской спешке...

Перегрузка режиссеров самыми разными дополнительными делами неизбежно приводит к тому, что режиссер уже не может выполнять главнейшую свою, святую обязанность: **лепить актера.** Да и никто, пожалуй, сегодня его не «лепит». И если актер на сцене достаточно «энергичен», чтобы закрыть собою другого актера, то никого это не будет волновать или тревожить... Поэтому-то исчезает понемногу та могучая, большая правда театра, та правда искусства, ради которой жил и которую всю жизнь раскрывал на сцене Станиславский. Он не мог и представить себе, что эта высокая правда может обернуться маленькой, голой правденкой, а то и полным обнажением человека...

Реализм советского искусства — величайшая, возвышенная правда: бытие народа, а не мелкий быт... Станиславский нас всегда спрашивал: откуда, а главное, **зачем** вы пришли на сцену?..

Вот это смысловое, главное «зачем», оно словно бы уже никого ныне особенно не волнует...

А ведь это з а ч е м нас заряжало волнением необыкновенным. Я, бывало, всю ночь не сплю — думаю о роли. Но утром ни усталости нет, ни сомнений — только счастливое чувство н а п о л н е н н о с т и о б р а з о м. Понимание жизни чужой, которая стала твоей и только твоей... Я всегда знала, что люблю свою роль! Как знала и то, что режиссер эту любовь разделяет со мною и поддерживает в ней меня, актрису. И от этого мне еще больше хотелось жить сценой. Жить на сцене... Образуется ведь как бы двойная жизнь — твоя собственная и твоей героини: так работал с нами Станиславский. И это делало нашу жизнь высокой и наполненной.

И как же скучно, как вяло живется актерам без этого режиссерского горения, без полноты самоотдачи, которая необходима театру, режиссерскому мастерству, режиссерскому д е л у ж и з н и — быть может, в первую очередь.

Творческий пульс режиссера должен сообщаться актеру каждый день, каждый час, каждую минуту всей его жизни — всегда, а не только в «рабочее время», часто поделенное теперь между сценой, съемочной площадкой кино, концертной эстрадой... Да ведь, наверное, даже и неоткуда взяться этому горению, когда существование артиста просто расписано «по-деловому»; когда пьеса наспех читается и «принимается», когда спектакль «строится», актер «вводится», постановка «выпускается»... При таком стиле существования идеи Станиславского как-то уже сами по себе становятся вроде лишними, ненужными. Возможно, еще и поэтому их сегодня «пересматривают» всяк, кому не лень; точнее — всяк, кому охота прослыть новатором... Но посмотрим внимательно на это «новаторство». Ведь часто оно живет задворками вчерашней зарубежной моды. Бывает, что достойные мастера перепевают свое, родное на чужой манер либо случайные модные поделки выдают как некое подобие передового, прогрессивного; ломают классику... Все это унижает наше искусство, портит вкусы, плохо влияет на молодые души...

Думаю, правда, что до конца ничего сломать все же не удастся: не та у нас эпоха, не тот народ, не те цели впереди! Но свое чувство тревоги я должна высказать напрямую — мне ведь уже много лет, да и все годы моей жизни целиком принадлежали и сегодня принадлежат театру, созданному Станиславским.

Конечно, я понимаю, не всем быть Станиславскими — таких чудес не бывает. Но больно и ужасно, когда у театров отнимают то, что было создано гением Станиславского. Если этот «процесс» не остановить, театры могут потерять свою созидающую, воспитывающую, вдохновляющую цель, свою святую обязанность развивать, растить человека, углублять его душу... И я говорю все это, потому что думаю о своей стране, о своей России, о народе. Думаю, нельзя нам позорить, растрачивать то великое богатство, которое оставлено Станиславским.

ОРИТЬ

ПРИНАДЛЕЖИТ ВСЕМУ МИРУ

Сульянбек ШЕРИПОВ

Ташкент — город фестивалей, съездов, международных конференций, симпозиумов, конкурсов — осенью 1982 года был гостеприимен, как всегда. Полыхали всеми цветами радуги бескрайние базары, зазывно сверкали огни театральных и киноподъездов, и за обильными столами принимали дорогих гостей... Но тот, кто прежде бывал в этом громадном городе, не мог не почувствовать необычно напряженной на этот раз атмосферы острого, нервного ритма ташкентской жизни: даже здесь сказывалось горячее дыхание битвы за хлопок. Шло грандиозное сражение — шло совсем недалеко от центральных площадей и улиц, в нем участвовали миллионы людей,— они боролись за то, чтобы собрать шесть миллионов тонн хлопка, сдержать слово, данное стране и партии.

И именно в эти же дни появилось на всех городских афишах и рекламных щитах знакомое славное имя — СТАНИСЛАВСКИЙ.

Международный институт театра (МИТ) проводил в Ташкенте семинар «Творческое наследие К. С. Станиславского и развитие советского многонационального театра».

Тридцать пять лет назад МИТ был создан по инициативе ЮНЕСКО. Первый председатель МИТ, хорошо известный в нашей стране английский писатель и драматург Дж. Б. Пристли, сказал тогда: «Мы живем в мире, для которого международное взаимопонимание жизненно необходимо, поскольку в ином случае будут разрушены самые основы цивилизации. Театру же принадлежит особо важная роль в деле создания и развития этого международного взаимопонимания».

МИТ — авторитетная организация. Она объединяет 60 национальных центров. Президентом Национального центра МИТ Советского Союза является Герой Социалистического Труда, народный артист СССР М. И. Царев... Институт развивает и укрепляет связи между театрами и театральными деятелями всего мира; способствует развитию всех театральных жанров; помогает тем странам, которые еще не имеют своих профессиональных театров (а таких стран в мире не один десяток); поддерживает стипендиями молодых режиссеров, актеров, художников театра; издает журналы, альманахи, сборники. МИТ регулярно проводит в различных городах мира свои конгрессы, конференции и семинары. Короче говоря, в основе всей деятельности МИТ лежит принцип беззаветного служения идеалам мира и международного взаимопонимания.

В 1973 году на XV конгрессе, который проходил в Москве, обсуждались проблемы, связанные с задачами, стоящими перед театрами мира на современном этапе. И вот — 1982 год. Семинар проходит в Ташкенте...

Почему же была выбрана столица Узбекистана?

Причины веские. У театральной культуры узбеков многовековая история. Театр народной комедии, во многом сходный с итальянской комедией дель арте, имел богатые традиции, но собственно театра — в современном его понимании — узбекское искусство до XX века не знало. Великий Октябрь стал тем рубежом, откуда ведет свой отсчет современный театр Узбекистана. Благодаря взаимосближению и взаимообогащению всех культур народов Советского Союза национальные театры, сохраняя своеобразие, встали вровень с передовым искусством мира. А в Узбекской ССР, ставшей за последние десятилетия одной из самых развитых республик СССР (она поддерживает экономические и культурные связи со 110 странами), работают 28 профессиональных стационарных театров, из них девять находятся в Ташкенте. И вот уже почти тридцать лет готовит режиссеров, актеров, художников старейший в Средней Азии Театрально-художественный институт. Замечу кстати: только институтами Москвы, Ленинграда и Ташкента было подготовлено свыше ста двадцати театральных и национальных театральных студий, то есть практически театральных трупп. В консерваториях и хореографических училищах тоже идет подготовка артистов оперы и балета. Большую работу ведет республиканское театральное общество... И неудивительно, что на примере Советского Узбекистана — особенно ценном для режиссеров и актеров тех стран, где театр находится сегодня в том же состоянии, что и в Узбекистане до Октября,— МИТ запланировал широкую творческую дискуссию.

Основные ее проблемы необычайно актуальны для всего театрального мира планеты. Вопросы таковы. Не лишаются ли национальные театры своей самобытности из-за тесных и постоянных контактов с театрами других народов? Не лишает ли свободы творческого развития единая многонациональная социалистическая культура и единый для всех метод социалистического реализма? В какой степени помогает разработанная К. С. Станиславским система (где обобщается опыт русского театра) режиссерам и актерам национальных театров?

Участники семинара, представлявшие страны Америки, Азии, Африки и Европы, посещали спектакли, изучали репертуар театров, интересовались всей в целом работой театральных институтов и организаций. Гости познакомились с работой Театрально-художественного института имени А. Н. Островского, где на пяти факультетах учатся 1250 студентов. И это — не считая заочников.

Несмотря на довольно плотный график работы, у некоторых еще хватило любопытства, чтобы лично убедиться: более ста сорока улиц в Ташкенте носят имена писателей и поэтов, драматургов, актеров и режиссеров. И это тоже произвело сильное впечатление...

Режиссер Никос Шиафкалис, президент Национального центра МИТ на Кипре, сказал:

— Многие мои коллеги из разных стран мира утверждают, что на сценах СССР не видели ни одного плохого актера! Уровень игры всюду очень высок. Мне кажется, что это результат применения системы Станиславского как на профессиональной сцене, так и изучения ее в театральных институтах... Мы видим, что театр здесь служит человеку и человечеству!

Отвечая на вопросы гостей, ректор института Мамаджан Рахманов, член-корреспондент АН Узбекской ССР, сделал важное уточнение:

— Для наших актеров и режиссеров открытия великого реформатора сцены К. С. Станиславского не только путь овладения вершинами мастерства, но и творческая система, углубляющая самобытность театра, теория, находящаяся в процессе постоянного обогащения, развития, обновления.

Главным событием явилась заключительная дискуссия, проходившая под председательством генерального секретаря МИТ Ларша аф Мальборга (Швеция). В дискуссии приняла участие большая группа представителей Национального центра МИТ СССР, в том числе народные артисты СССР А. Степанова, А. Попов, А. Мамбетов, С. Ишантураева, Ш. Аббасов, театроведы, ректоры, профессора театральных учебных заведений многих республик. Единодушно высокой была оценка того, что участники семинара увидели в Узбекистане.

Шарма — театровед из Индии — заметил, что ташкентские театры сохранили и свою национальную специфику: «Для нас это важно как доказательство того, что система Станиславского не мешает национальным традиционным формам».

Жан Норман Бенедетти (Англия), президент Комитета МИТ по исследованиям, сказал:

— Я видел удивительное единство между зрителем и театром: то, что нам удается редко испытать... Не знаю, какая доля культуры Узбекистана войдет в культуру человечества, но этот путь — тот путь, по которому мы должны идти! Это своего рода теоретический и эстетический принцип, с которым мы должны согласиться...

Все участники дискуссии говорили о необычайной популярности системы Станиславского в мире, огромной ее роли в становлении национальных театров.

— Значительным достижением Станиславского является то, что его метод в отличие от других методов и систем освобождает индивидуальность актера и позволяет ему полностью выразить свой талант,— сказал Ларш аф Мальборг.

— Система Станиславского не догма, а постоянное вдохновение,— эта мысль красной нитью прошла через выступление профессора А. Дворжака из Чехословакии.

Участники дискуссии отмечали, что в советском многонациональном театре не произошло «обрусения», нивелировки, о чем кричат сегодняшние ревизионисты учения Станиславского. Наоборот, сохранились и упрочились, стали ярче и самобытнее — как это происходит, например, в узбекском театре — традиции национальной сцены. Органично слились они с современной драматургией, современной сценографией... Театр каждой союзной республики, выражая духовную жизнь своего народа, одновременно вносит большой вклад в многонациональную социалистическую культуру. Это хороший пример: доказательство того, что учение Станиславского глубоко демократично по своей сути и интернационально по духу. Оно распахивает двери в реалистическое искусство перед театрами всех стран мира! Поэтому-то ни одна из теорий сценического искусства и не получила такого распространения, не оказалась столь долговечной, приемлемой для любого реалистического направления, как система Станиславского.

Дональд Говард Рубин, профессор Торонтского университета (Канада), говоря о современных театральных течениях, заметил, что только Станиславский создал общую теорию актерской игры, которая подтвердилась на практике. Противники же системы Станиславского стараются ее представить как обычную «методику» для воспитания актерских навыков, игнорируя идейное значение...

— Сверхзадача, святая святых системы Станиславского, которой все подчинено в театральной постановке,— это **идея**, без которой не может быть создано произведение большого общественного звучания,— сказал профессор, народный артист СССР Шухрат Аббасов в беседе с корреспондентами.— Учение Станиславского стало частью мировой культуры: оно объединяет театры мира. Это могучий рычаг борьбы за сценический реализм, гарантия победы реалистического искусства над различными модными «измами».

Ташкентский семинар МИТ еще раз подтвердил не только международное значение системы К. С. Станиславского, но и выдающиеся успехи развития советского многонационального театра — явления уникального в мировой культуре. В адрес МИТ было высказано много рекомендаций и пожеланий, в частности дальнейшего расширения контактов между театральными коллективами разных стран, регулярного обмена спектаклями, режиссерами, актерами.

Редактор журнала «Антре» Клаэс Энглунд (Швеция) обратил внимание участников семинара на то, что в некоторых странах возникает парадокс: все слышали о системе Станиславского, но сведения о ней получают «из третьих рук»: еще нет добротных переводов его знаменитых книг на многие европейские языки. Жан Бенедетти поддержал своего шведского коллегу. Выступая по телевидению, он заявил, что большинство выдающихся английских актеров, «сами того не зная, используют в своем творчестве систему Станиславского».

...Знаменитый ученик Станиславского Евгений Вахтангов перед входом в свою студию однажды повесил плакат, на котором было написано всего два слова: «РАДИ ЧЕГО?»... То есть ради чего мы пришли в театр, ради чего мы отдаем свою жизнь театру?.. В высказываниях К. С. Станиславского содержится ответ на этот вопрос: «Театр — лучшее средство для общения народов между собой, для вскрытия и понимания их сокровенных чувств».

Дискуссия в Ташкенте еще раз подтвердила, что вопросы современного искусства неразрывно связаны с общими проблемами победы гуманизма и мира на земле.

Так проходил семинар в Ташкенте. **Фото К. Ромеева**

Ю. Ракша. 1937—1980. В. И. ЛЕНИН. 1980.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

П. Оссовский. Род. 1925. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. МАВЗОЛЕЙ В. И. ЛЕНИНА. 1980—1982.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

ПОЧЕМУ ОТСТАЕТ ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА?

Евг. БОГАТЫРЕВ

●

1983 год обещает стать годом повышенной легкоатлетической активности. И не только потому, что в августе в Хельсинки будет впервые разыгран чемпионат мира по легкой атлетике, но и потому, что весь сезон, как никогда, будет насыщен крупнейшими соревнованиями. Назову лишь некоторые: чемпионат Европы в закрытом помещении, чемпионат мира по кроссу, Спартакиада народов СССР с участием зарубежных спортсменов, всемирная универсиада, Кубок Европы. А кроме того, этот предолимпийский год — последний этап перед XXIII Олимпийскими играми.

Мы не знаем, какие результаты станут победными на главных турнирах предолимпийского сезона, но одно можно сказать определенно — наступивший год будет наиболее успешным для сборных тех стран, у которых окажется, как говорится, самая «длинная скамейка».

Под этими словами подразумевают наличие полноценного резерва плюс умение тренеров распоряжаться им. Если судить по представительству наших легкоатлетов в десятках лучших легкоатлетов мира по итогам прошлого года, то мы располагаем рядом перспективных атлетов лишь в прыжках, метаниях и на средних дистанциях у женщин. В беговых же номерах у мужчин у нас нет не только ни одного первого места, но и в пятерках лучших советских спортсменов не встретишь за исключением лишь эстафет 4 × 100 и 4 × 400 метров. В ряде же дистанций наши спортсмены не попадают и в десятку сильнейших мира. А ведь бег — это основа легкой атлетики.

К сожалению, как свидетельствуют итоги минувшего спортивного сезона, не лучше наше положение и в европейских рамках.

На чемпионат Европы в Афины тренеры сборной страны по легкой атлетике отправились в довольно радужном настроении. На оптимистический лад их настраивали и результаты закончившегося незадолго до отъезда в Афины чемпионата страны, и уверенная победа сборной СССР в матче с командой США, и, наконец, необычайно широкое представительство наших спортсменов в десятках лучших легкоатлетов Европы. В этих списках, опубликованных перед европейским чемпионатом, нам принадлежало 115 мест, легкоатлетам ГДР — 81. Но надеждам на успех, увы, не суждено было сбыться. По числу золотых медалей, завоеванных на новом олимпийском стадионе Афин, советские спортсмены уступили не только своим традиционным соперникам атлетам ГДР, но и впервые представителям ФРГ. Легкоатлеты ГДР завоевали 12 золотых медалей, легкоатлеты ФРГ — 8, а наши — только 6.

Со столь скудным багажом золотых наград сборная СССР по легкой атлетике не возвращалась с чемпионатов Европы давно. Но если в 1946 году, когда наша команда дебютировала в европейском чемпионате, 6 золотых медалей расценивались как победа, то сегодня 6 высших наград равнозначны поражению.

Правда, такую оценку некоторые тренеры сборной не разделяют. Признавая свои ошибки (например, слишком позднее проведение чемпионата страны в спринте, барьерном беге, прыжках и метаниях, а также слишком ранний выезд в Афины), иные наставники нашей команды козыряют числом завоеванных на европейском первенстве серебряных и бронзовых медалей и набранных очков в неофициальном командном зачете. И в самом деле, с серебром и бронзой у нас дела обстоят неплохо. Советские атлеты завоевали в Афинах 12 серебряных и 8 бронзовых медалей. Но сравним этот показатель с результатами выступлений сборной СССР на чемпионате Европы 1946 года. Тогда два десятка советских спортсменов заняли 16 призовых мест. Какая же из двух команд выступила лучше?

Возвращаясь к событиям минувшего сезона, я все больше и больше склоняюсь к мысли о том, что итоги выступления сборной образца 1982 года вполне закономерны, ибо в большинстве видов программы наши атлеты были не готовы вести борьбу на рекордном уровне. А какой успешный штурм мировых достижений предприняли наши соперники — легкоатлеты Европы минувшим летом! Только в олимпийских дисциплинах они 11 раз низвергали рекорды мира, а спортсмены СССР лишь два раза — Светлана Ульмасова, улучшившая рекорд прославленной Людмилы Брагиной в беге на 3000 метров, и Сергей Литвинов на 2 метра 18 сантиметров превзошел рекорд в метании молота другого нашего олимпийского чемпиона — Юрия Седых.

Воздав должное новым советским рекордсменам мира по легкой атлетике, заглянем в таблицу мировых рекордов, в известной мере отражающую соотношение сил в международной легкой атлетике. Из 41 мирового рекорда лишь пять — в беге на 800, 1500 и 3000 метров у женщин, по прыжкам с шестом и по метанию молота у мужчин — принадлежат советским спортсменам. И вот примечательная деталь: именно в этих видах наши легкоатлеты завоевали в Афинах золотые медали.

Тренеры нашей сборной не часто ориентируют своих подопечных на штурм рекордных рубежей, полагая, что главное не рекорд, а победа. С этим в общем-то трудно спорить, но ведь рекорды являются предвестниками побед. А много ли у нас легкоатлетов, способных выступать на уровне мировых стандартов, готовых вести борьбу за мировые рекорды? Давайте посмотрим. У любителей легкой атлетики еще свежи в памяти победы двух наших спринтеров на Олимпийских играх и чемпионатах Европы. Однако Валерий Борзов уже давно повесил шиповки на гвоздь, а Людмилу Кондратьеву два сезона преследуют неудачи. И достойной смены прославленным чемпионам нет. В этих видах пока нам надеяться, увы, не на кого.

В августе 1982 года на чемпионате страны в Киеве я провел два дня в обществе секретаря ЦК ЛКСМУ Валерия Борзова и услышал немало горьких слов о положении в спринте. Более того, у Валерия есть много интересных предложений. Тем, кто хочет ознакомиться с мнением Борзова на эту тему, надо прочитать только что вышедшую в издательстве «Физкультура и спорт» его книгу «10 секунд — целая жизнь».

Вот что, в частности, пишет Борзов:

«Мы очень часто говорим о преемственности. При этом имеем в виду сохранение, накопление и передачу определенного опыта в том или ином виде человеческой деятельности от одного поколения к другому. Ведь ничто не строится на пустом месте, и опыт предшественников, даже если он невелик, может оказать в этом строительстве поистине неоценимую помощь.

Применительно к спринтерскому бегу я вижу задачу преемственности несколько шире — в создании, разработке системы подготовки советских бегунов на короткие дистанции. Причем эта система видится мне не в знаниях отдельных тренеров и специалистов, не в мудрости авторов отдельных газетных или журнальных статей и даже не в отдельных методических разработках тренерского совета по спринтерскому бегу... Нужен документ, отражающий эволюцию техники спринтерского бега и методики тренировки, вобравший в себя опыт предыдущих поколений советских спортсменов, тренеров и научных работников и отражающий уровень наших современных знаний по всем вопросам и проблемам спринтерского бега.

Таким документом мы не располагаем. Его не существует. А он необходим».

Комментарии, как мне думается, здесь излишни.

Не лучше обстоят дела и в «длинном спринте», как называют бег на 400 метров. В этом виде программы мы по-прежнему можем рассчитывать только на двукратного олимпийского чемпиона Виктора Маркина, но разве этого достаточно? А у женщин мы вообще не располагаем спортсменками, которые могли бы посягнуть на авторитет рекордсменки мира М. Кох из ГДР и ее основной соперницы — чехословацкой спортсменки Я. Кратохвиловой.

Притчей во языцех давно уже стали неудачи наших средневиков и стайеров. Тренеры сборной страны по группе выносливости, с которыми мне удалось поговорить, в один голос сетовали на то, что в этих видах слишком узок круг претендентов на места в сборную, что является следствием просчетов в воспитании у подростков такого важного качества, как выносливость. И в этом, думается, они правы. К сожалению, ни ныне существующие нормативы ГТО, ни школьная программа не нацеливают мальчиков на развитие этого жизненно важного качества. И мне вспоминается одна из моих бесед с известным тренером Виктором Ильичом Алексеевым. Я спросил его, почему, на его взгляд, нынешние стайеры, давно превзошедшие тренировочные нагрузки Куца и Болотникова, так отстают от лидеров.

— Прогресс спорта мне видится отнюдь не в увеличении нагрузок на тренировках,— говорил Виктор Ильич,— уверен, увлечение объемами скоро пройдет. Тренироваться много и тренироваться правильно совершенно разные вещи. Чтобы добиться скачка в результатах, надо искать новые, рациональные способы тренировок, новые движения. Бегуны-стайеры потому не сделали и шага вперед, что на месте стоит методическая мысль. Просто трудолюбием в спорте сегодня никого не удивишь. Оно лишь тогда дает эффект, если помножено на интеллект.

...Видимо, есть и другие причины отставания наших бегунов на длинные и средние дистанции, а также скороходов, впервые за многие годы вернувшихся с чемпионата Европы без медалей. Даже лидерам нашей сборной пока не по плечу бороться за высшие награды на чемпионате мира и Олимпийских играх в беге на 800 метров, 1500, 5000, 10 000 метров, в стипль-чезе и в марафоне. А разве может оказаться победной команда, которая плохо бегает?

Судите сами: в программу современной легкой атлетики у мужчин и у женщин входит 41 номер, и из них 24 — беговые. Да, бег — основа этого популярнейшего спорта, а мы на чемпионате Европы завоевывали в беге у мужчин одну золотую медаль (а в их программе 13 беговых номеров) и у женщин 3 золотые медали из 11 возможных. И вот что примечательно: и Валерий Борзов, говоря о спринте, и Виктор Ильич Алексеев, размышляя о проблемах стайерского бега, говорили об одном и том же — отсутствии современных научных методических разработок. И это при том, что десятки ученых и тренеров заняты проблемами бега в научно-исследовательских институтах, в комплексных научных группах, работающих со сборной.

Если имена тренеров сборных команд страны по футболу, хоккею, баскетболу, фигурному катанию, гимнастике и другим видам известны широкому кругу любителей спорта, то имена многих тренеров сборной страны по легкой атлетике мало что говорят даже специалистам.

Можно представить на посту

тренера сборной страны, скажем, по хоккею, баскетболу, плаванию, фигурному катанию, гимнастике человека, не имеющего тренерского опыта? Думаю, что нет. Многие годы по такому же принципу высокой компетентности формировался и тренерский состав сборной страны по легкой атлетике. Однако теперь это не так. Шаг за шагом из сборной исчезали такие выдающиеся тренеры, как Фред Куду, Евгений Матвеев, Павел Гойхман, Дмитрий Ионов, Виктор Ягодин и другие, а на смену корифеям пришли молодые люди, не имеющие значительного опыта тренерской работы и, главное, не принесшие с собой практически никаких идей. Вот имена некоторых из них: Владимир Лагошин, Анатолий Стрижак, Валентин Маслаков, Сергей Сидоренко, Анатолий Вогуль. И вот результат — наши многоборцы, спринтеры, прыгуны в высоту на чемпионате Европы, как и на других ответственных соревнованиях последних лет, оказались не в состоянии конкурировать не только с лидерами европейского и мирового сезона, но и с теми, кто занимал вторые и третьи позиции в списках лучших легкоатлетов Европы и мира. А в соревнованиях по метанию копья у женщин мы в последнем чемпионате Европы вообще участия не принимали, ибо слишком скромные результаты советских копьеметательниц в сезоне 1982 года надежд хотя бы на выход в финал не вселяли.

Плачевной оказалась деятельность руководителей наших спринтеров Валентина Маслакова и Александра Корнелюка, которые пытались всячески сузить круг тренеров сборной. В итоге в главной команде страны у нас не оказалось ни хороших спринтеров, ни опытных тренеров по спринту. И такая тактика, увы, имеет своих последователей. Можно привести имена ряда тренеров, у которых отнимали учеников. Вспомним хотя бы такого замечательного педагога, как Виктор Алексеевич Лонский, воспитавшего целую плеяду мастеров в прыжках в высоту. Но почти всех из подготовленных им спортсменов потом пытались доводить до высоких кондиций тренеры сборной, и у них это не получалось.

Теперь стало уже обычным явлением, что у спортсмена два тренера — один в сборной, один дома. Но, к сожалению, личные тренеры в большинстве своем особых прав не имеют. Больше того, не изжиты рецидивы старой болезни — переманивания тренерами сборной талантливых спортсменов. Вот самый свежий пример. Недавно Александр Корнелюк посетил руководителей «Зенита» и попросил их содействия в том, чтобы они уломали талантливого зенитовца Д. перейти тренироваться к нему, к Корнелюку,— в этом случае Корнелюк гарантирует Д. место в сборной команде страны, куда спринтер Д. по своим результатам пока не попадает. На сей раз сделка не состоялась, но кто знает, быть может, в другом спортивном обществе ему пойдут (или даже уже пошли) навстречу?

В своих воспоминаниях «Атака на невесомость» дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Петр Климук так писал о своем друге Виталии Севастьянове, с которым провел не одни сутки в космосе:

«Мы с Виталием много работали вместе на Земле, но только на орбите отточили главную, на мой взгляд, грань характера космонавта — умение понимать товарища с полуслова».

С этим высказыванием перекликаются слова капитана мужской сборной СССР по волейболу Вячеслава Зайцева, сказанные им по возвращении с чемпионата мира: «Мы были сильнее всех своим единством». Не поэтому ли наша волейбольная дружина уже шесть лет не знает поражений в официальных турнирах?

К сожалению, такого единства, такого взаимопонимания в нашей легкоатлетической сборной на чемпионате Европы в Афинах не наблюдалось. И вновь сошлюсь на авторитет, на сей раз Олега Ряховского, председателя Федерации легкой атлетики Всесоюзного совета ДСО профсоюзов, экс-рекордсмена мира в тройном прыжке, кандидата технических наук, доцента МВТУ имени Баумана, наблюдавшего за ходом чемпионата Европы с трибун афинского олимпийского стадиона:

— В те времена, когда в сборной выступал я, вся команда, а точнее, все свободные от выступлений спортсмены собирались на трибуне вместе и до хрипоты болели за своих. В Афинах, увы, эта добрая традиция была нарушена. Наши ребята и девушки словно растворились на трибунах нового олимпийского стадиона. И не только потому, что стадион оказался велик, а потому, что, даже собираясь вместе по нескольку человек, наши легкоатлеты молчаливо взирали на происходящее в секторах и на беговой дорожке. Когда же я поинтересовался у некоторых членов сборной СССР, почему они не поддерживают своих, то в ответ услышал удивительные вещи. Оказалось, что многие наши спортсмены просто не знают друг друга.

Да возможно ли такое? — удивится не посвященный в легкоатлетические дела читатель. Увы, возможно. Ибо в последние годы всесоюзные учебно-тренировочные сборы проводятся раздельно по группам видов, что во многих случаях продиктовано специфической подготовки представителей разных групп, а также отсутствием у сборной вместительной, хорошо оснащенной базы, на которой, не мешая друг другу, могли бы готовиться вместе к ответственным стартам спринтеры, средневики, стайеры, скороходы, прыгуны, метатели, многоборцы. И вот результат — вместо одной легкоатлетической сборной у нас, по существу, образовалось пять команд (первая объединяет спринтеров и барьеристов, вторая — представителей видов выносливости, третья — прыгунов, четвертая — метателей, пятая — многоборцев), команд, соревнующихся друг с другом в том, кто больше завоюет медалей на ответственных международных соревнованиях. Так стоит ли удивляться, что, скажем, спринтеры не болеют за скороходов, а метатели — за марафонцев?

Но еще хуже то, что к тем же трудягам-марафонцам проявляют невнимание подчас даже тренеры сборной страны по группе выносливости! Вот что по этому поводу говорил на заседании президиума Федерации легкой атлетики СССР, где обсуждались итоги выступления нашей команды на чемпионате Европы, тот же Олег Ряховский:

— Почти каждого из марафонцев, заканчивающих дистанцию, на финише встречали товарищи по команде, тренеры, и только наших спортсменов никто не ждал; никто не помог им прийти в себя после изнурительных знойных километров, никто не дал глотка воды...

Можно провести десятки бесед об этике взаимоотношений спортсменов и тренеров, десятки политинформаций и одним поступком перечеркнуть результаты вроде бы хорошо продуманной системы воспитания. Но если бы дело ограничивалось одним поступком! Увы... Атмосфера в нынешней сборной начала накаляться еще на стадии ее формирования. В который уже раз при комплектовании команды во многих видах был грубо нарушен спортивный принцип. При этом некоторые тренеры руководствовались не результатами спортсменов, а личными интересами, своими взаимоотношениями со спортсменами и их тренерами. В результате за бортом сборной остались такие признанные мастера, как лидер европейского сезона в прыжках в длину Виктор Бельский, как неоднократный рекордсмен страны в метании диска Юрий Думчев, трижды посылавший в 1982 году диск дальше 68 метров, как неоднократная рекордсменка страны в прыжках в высоту Елена Попкова, имевшая третий результат сезона в Европе — 1,97 метра, и многие другие. В то же время в ряде видов в команду были включены спортсмены, не претендовавшие на медали, но зато тренировавшиеся или консультировавшиеся у тренеров сборной. Они-то в большинстве своем и оказались в Афинах «туристами».

Вы вправе спросить: а куда же смотрела Федерация легкой атлетики СССР? Почему молчала общественность? Федерация просто-напросто была не в курсе происходящего, руководители Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР, по существу, отстранили общественность от контроля за подготовкой сборной. Мне, как члену президиума Федерации, писать об этом особенно больно. Но факт остается фактом — за последние несколько лет ни один из главных тренеров сборной по группе видов не заслушивался на Федерации. Больше того, многие наставники сборной и вовсе пренебрегают ее мнением. Достаточно сказать, что даже на президиум Федерации, обсуждавший итоги выступления советских легкоатлетов на чемпионате Европы, большинство тренеров нашей главной команды не явились. Их примеру последовали врачи сборной и ученые, входившие в комплексные научные группы по различным видам легкой атлетики.

В отсутствии требовательности и взыскательности, прежде всего к самим себе и к своим подопечным, с одной стороны, и в полной абсолютизации власти главных тренеров, не желающих прислушиваться к мнению общественности — с другой, видятся мне серьезные причины неудач советских легкоатлетов на протяжении двух последних лет.

ПР

Альберт ЛИХАНОВ

3

Нет, что ни говори, но женщину держит ребенок, он ею правит, возвышает ее. Многие женщины писали своим детишкам и получали ответы — из детдома, из интерната, а получали — и бабы рыдали в голос, читая неприхотливые эти послания, где главные слова были такие: «Мамка, освобождайся поскорей!»

Клава видела, как в кровь разбивает о стену ногти, царапая, скребя кирпич, отчаявшаяся, до предела своего дошедшая женщина — мать троих детей. На воле вела себя хуже некуда, лишили материнских прав, докатилась до статьи, до колючки, и вот — распустила волосы, воем воет, оказавшись трезвой, в колонии, без детей:

— Что же я наделала! Как же я жила!

Такого Клава не изведала, нет, совсем другое дело, иная статья, можно если и не понять, то хоть объяснить, а вот наказание ей — куда хуже! Нет письма от Павла. Нет от сына весточки.

Она написала его родителям. Молчок.

Написала жалобу — в райисполком, в комиссию по делам несовершеннолетних. Ответили сухо: «Ребенок проживает в нормальных условиях».

В отчаянии подумала даже написать Наперснику, но удержалась: зачем ему такие знакомства?

Всю энергию свою запрягла в работу, в единственную мечту — освободиться досрочно.

Освободилась. Вместо трех лет отбыла два года.

Гуманно правосудие, ничего не скажешь! Если хорошо работал там, за проволокой, то еще и денег можешь скопить. При расставании выдадут сполна — в целости и сохранности. Цена своих мозолей и собственного пота. Клава отправилась в комиссионный на базаре. За считанные рубли оделась — вполне сносно. Что поделаешь, с чужого все плеча, чужой дух, зато скромное, простое, о чем и мечтала.

Глянула в зеркало: где та бывшая красавица с бровями вразлет? Худая женщина неопределенных лет — то ли тридцать, то ли пятьдесят. Глаза-то уже выцвели!

В город, где когда-то жила Клава, поезд приходил удобно для нее — под вечер.

Летние сумерки стушевывали лица, и это было хорошо — на тот случай, если узнают.

Окончание. См. «Огонек» №№ 2, 3.

ЕСТУПНИЦА,

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МОЖНО ПОТЕРЯТЬ РЕБЕНКА

В руке у Клавы была матерчатая сумка — все ее имущество. Ступая по перрону, она замедлила шаг. Вот она и у цели, но куда идти дальше?

В гостиницу без командировочного удостоверения не попадешь, это она знала хорошо. Оставаться на вокзале?

Она поднялась в здание вокзала, устроилась у окна, в уголке, чтобы никому не мешать. Задремала.

Проснулась глухой ночью — кто-то толкал в плечо. Перед Клавой стоял милиционер, спрашивал, видно, не первый раз:

— Почему вы здесь? Почему...

— Жду поезда. — Она соврала, назвав какой-то город.

— Он идет только вечером,— ответил милиционер, не поверив. Потребовал, поколебавшись: — Ваши документы!

Она показала справку об освобождении—единственный свой документ. Милиционер нахмурился, сразу изменил тон:

— Чтобы к утру вас здесь не было.— Добавил, козырнув: — Транспорт начинает ходить в шесть.

Клава содрогнулась. Теперь ей предстояло немало таких испытаний. Надо устроиться на работу. Надо получить прописку. И везде, она понимала, к ней отнесутся так, как этот милиционер.

Она поежилась, задремала снова. Опять ее тронули за плечо.

— Гражданка, поднимите ноги, уборка!

Где-то неподалеку гудел вокзальный полотер, а перед Клавой стояла старуха в сером халате и с мокрой щеткой в руках.

Клава еще не успела ее разглядеть, как старуха громко запричитала:

— Господи, неужто Клаша?

Приходя в себя, выплывая из тягостного двухлетия, Клава напряженно вспоминала полузабытое лицо: кто она, кто?

— Да я в тресте работала, когда ты у нас появилась,— морщинистое лицо старухи разглаживала улыбка,— тетя Паша меня зовут.

Еще в тресте! Когда же это было-то, если было вообще? Клава кивала головой, ничегошеньки, ну ничего не вспоминая, а тетя Паша говорила ей:

— Слыхала я про твою беду, знаю, ох ты, господи, уж не оттуда ли ты случаем? — И, догадавшись, всплеснув руками, старуха присела на лавку.— Куда ж ты теперь?

Клава молчала, опустив голову. Как и ответишь — куда? Дома у ней нет, это известно. Юридически он, конечно, есть, двухкомнатную квартиру получала она, и ее можно разделить, но разве до этого ей? Разве сможет жить она в этом городе, где все помнят властную красотку в черной «Волге»?

— К сыну,— проговорила Клава.

— К сыну! — как эхо отозвалась тетя Паша.— И где же он?

— У бывшего мужа.

— И ты здеся ночуешь?

Клава пожала плечами. Разве она ночевала? Ждала утра.

Тетя Паша заторопилась, велела Клаве обождать, только никуда, ни за что не уходить, скоро возникла снова, уже переодетая, повела Клаву к себе.

Жила тетя Паша неподалеку от вокзала, в тихом домике с палисадником, где росли желтые цветы, золотые шары — такие точно были у Клавиной матери, там, на Кубани, и Клава зарыдала, присев возле окна, едва ли не впервые поняв как следует, что с ней случилось.

И тетя Паша! Неужто же бескорыстие все-таки есть? Позвала к себе, накормила, велела: живи, сколько хочешь, если надо — я тебя пропишу.

Клава привела себя в порядок, погладилась и села — обессилев. Попросила хрипло:

— Тетя Паша! Сходите со мной! Одна не могу!

И вот они идут знойной пыльной улицей—старуха и женщина средних лет,— идут, то ли прогуливаясь, то ли онемев от тяжкого горя.

Улочки переливаются в улицы, и Клава надвигает на лоб платок, становясь старухой, как тетя Паша,— все ниже и ниже.

Вот дом, подъезд. Здесь у тротуара тормозила ее машина, и она ланью выскакивала на асфальт — уверенная, молодая, всемогущая.

Возле подъезда, на лавочке, сидят женщины, и Клава узнает их вовсе не изменившиеся лица.

Сердце колоколом гудит в груди, и Клава думает, что там, в заключении, она могла себе позволить такую роскошь и не думать о грехе, считая, что это было не с ней. Настоящее наказание начинается здесь, на воле.

Ей надо сделать шаг навстречу соседкам на лавочке, и тетя Паша подталкивает ее, а Клава не может ступить: ноги одеревенели.

Наконец делает шаг, говорит чужим голосом:

— Здравствуйте. Не узнаете? Я Клава.

— Клава? Клава!

В глазах у соседок страх — все-таки из тюрьмы — смешан с сочувствием — все-таки живой человек, знакомая.

— Где мой сын? — спрашивает Клава, почти не слыша себя.— Не знаете?

Они знают. Перебивают друг друга, объясняют, что Ленечка на лето у бабки с дедом.

— Но тебя не пустят,— говорит одна из женщин.

— Почему? — спрашивает Клава.

— Почему! Почему? — возмущаются остальные.

— Ведь меня не лишили материнских прав,— говорит, что-то доказывая, Клава.

— Не знаю,— отвечает знающая женщина.— Это Павел говорил. Мне говорил.

Клава с тетей Пашей идут от подъезда. Позади остаются вздохи, приглушенный шепоток, свистящая фразочка: «С конфискацией».

Выходит, с конфискацией не только имущества, но и сына.

Клава точно просыпается. Находит телефонную будку, набирает знакомый номер, просит позвать Павла.

— Кто спрашивает? — естественный вопрос.

— Знакомая,— ответ неестественный, но точный. В трубке — мужской смешок, молчание, наконец, Павел:

— Кто это?

— Я. Клава.

Она торопится, ей нельзя возвращаться в свое прошлое. Ее интересует только будущее: Ленечка.

— Где сын, Павел? Я хочу увидеть его.

— Увидеть! — В голосе Павла металлические нотки.— А ты достойна этого?

Она на пределе — того и гляди сорвется, крикнет ему что-нибудь злое. Но Клава сдерживается.

— Я освободилась. Меня никто не лишал моих материнских прав.

— Вспомнила! — возмущается Павел.

— Да, вспомнила!—кричит она.— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Но чтобы тебе было все ясно, я сразу говорю: сына тебе не отдам. Ты воспитаешь из него...

Он умолкает, обрывает себя.

— Я воспитаю,— отвечает Клава,— из него человека.

— Ты поняла? — спрашивает Павел.— Сына я тебе не отдам, никакой суд тебе его не присудит, но показать покажу. Один раз. Можешь завтра поехать к нему. Он у моих родителей. Я им позвоню.

В трубке короткие гудки.

Надо же, как просто! Ни у Клавы сердце не екнуло, ни, видно, у него.

Все!

И вот настала пора вновь вернуться к письму, с которого и открылась мне эта история.

Оно нужно здесь, как камертон, как звук, чистотой которого стоит поверить мелодию.

В каждом деле важна интонация — вот что. Важна она и здесь, в сложном деле реставрации мелькнувших, или забытых, или нежелательных для воспоминаний человеческих чувств.

«Два года я не видела сына. Но настал долгожданный день: после предварительного телефонного звонка я еду к сыну, получив разрешение на встречу с ним. Знакомый дом, открываю калитку, вижу сына — он стоит на садовой дорожке. Ноги мои дрожат, кажется, что кру́гом пошла земля со скоростью неимоверной. Смотрю на сына, подхожу к нему:

— Ты знаешь меня?

Потупив глаза, он отвечает:

— Да.

Ни радости, ни удивления, только бледность разлилась по детскому личику.

В этот день мне удалось с сыном погулять у реки, поиграть, уложить в постель после ужина. Ночь я не спала».

Следующего дня не было, только половина. В два часа отходила электричка, и этой электричкой — так сказал отец мужа — Клава должна была уехать из Лениной жизни.

Утром они опять отправились к реке.

Цвели одуванчики, много одуванчиков — желтое разливанное море, и по нему бегали дети. Леня шел медленно, был вялый. Клаве казалось, он чего-то ждал. Она гладила его, ласкала, болтала всякую чушь, и чушь давалась с трудом, потому что приходилось выдумывать, а ей было не до выдумок.

Они легли в траву, Клава прижала Ленечку к себе.

— Там страшно? — спросил он.

— Где? — не сразу поняла Клава.

— В тюрьме?

Только тут поняла она, как рос Леня, что он думал, чего стыдился, чего, наверное, боялся в школе.

Она заплакала. Вот оно, наказание. Страшней не придумать: маленький ребенок, сын, стыдится, что мать его не как все остальные, не где-то рядом, не водит за руку в школу, не встречает после уроков, не ворчит, не ругается, когда получил двойку или наказала учительница,— мать в тюрьме; можно понять это — мать в тюрьме?

Там, за проволокой, она убеждала себя, что нет ничего дороже собственного сына, кровиночки, а вышло, что это брехня, «зэковская» мифология, слезливое бесстыдство — о любви к сыну надо думать не там, за чертой, а гораздо раньше.

«Боже, сколько же принесла я ему горя,— думала Клава,—сколько беды, и как же настрадалось его маленькое сердечко, такое одинокое в сомнениях и слезах!»

— Мне сначала сказали, что ты умерла,— проговорил Леня, и Клава спросила первое, что пришло на ум:

— Кто сказал?

Мальчик деликатно обошел этот вопрос.

— Но я не поверил,— сказал он.— И тогда мне сказали, что ты в тюрьме.

Он помолчал, что-то обдумывая, потом беззвучно заплакал:

— Я боялся тебя. Я думал, ты страшная и преступница.

Преступница!

Около двух они прощались.

Снова из письма:

«Сын обнял меня — слезы лились из его глаз, весь он съежился, стал каким-то хрупким, прозрачным. Его губы дрожали, чуть слышно он выговорил: «Не уезжай!» Столько муки было в его голосе, но что я могла сделать? Что?»

Клава собрала в кулак все свое терпение, всю выдержку, сказала Ленечке:

— Скоро мы будем вместе. Ты веришь? Обязательно будем!

Он кивал головой, махал рукой, и столько в его тонконогой, хрупкой фигурке было веры ей, что Клава едва удержалась, чтобы не взвыть, не упасть на грязную землю возле платформы, не кинуться к Лене, не схватить его в охапку и не увезти его с собой, к тете Паше.

Она сдержала себя и жалеет об этом до сих пор.

Что было потом?

Месяцы изнурительной, опустошающей борьбы. Психология прицепного вагона, с которой Павел, кажется, был даже рожден, действовала, как и прежде. Только на этот раз двигателем оказалась его мать. Она интенсивно передвигалась между сельцом, где оставался ее муж, и городской квартирой Павла, без конца внушая сыну, что Ленечку ни за что нельзя отдавать преступнице, которая опозорила всех.

Для нее, да и для Павла тоже, Ленечка был вроде ордена, которым они наградили сами себя за великое страдание.

Ленечка оправдывал их, отделял от Клавы, от ее злодеяний.

Без Лени им было бы куда хуже — их честности, незапятнанности, их мук и неучастия в Клавиных делах никто бы даже и не заметил.

Леня не важен был им сам по себе, как маленький и любимый человечек, но был важен как доказательство их святой непричастности.

Эти истины Клава открыла для себя понемножечку, из доказательств косвенных.

Она получила паспорт, прописалась у тети Паши, а работать устроилась на вокзал — билетным диспетчером. Это было очень удобно: сидишь перед специальными барабанами, к которым приколоты листы со схемами вагонов, билетные кассиры заказывают тебе номер поезда, число, желаемые места, и ты даешь им эти места, если они, конечно, есть, отмечая крестиком занятые номера. Комната, где крутятся барабаны,— на запоре, чтоб не мешали, лишних людей не видишь, знакомых — узкий круг.

Всю жизнь после смены Клава посвящала Ленечке. В зависимости от того, когда она освобождалась, шла к школе, чтобы после продленки проводить его домой. С пустыми руками она никогда не появлялась, тратила на Ленечку почти весь свой скудный заработок, оставляя на себя лишь самую малость,— приносила ему то пару апельсинов, то шоколадку, то бутерброд с икрой, купленный на вокзале. Покупала Клава и одежду — рубашечку, свитерок, новые ботинки, подкопив, принесла нарядное пальтецо.

Часто задерживаясь в комнате продленного дня, Клава проверяла, как Леня сделал уроки, стараясь быть помягче, даже когда ей не нравилась его работа.

Леня, бывало, и переделывал задания по ее просьбе, никогда, конечно, при этом не выказывая радости — какая уж тут радость?

Если Клавина смена заканчивалась в другие часы и она не успевала прийти к школе,— караулила Леню во дворе дома. Сперва они просто гуляли, потом Клава купила сыну велосипед, и он делал круги возле нее; она шла, а он кружил вокруг матери, как птенец, который учится летать.

Как воспринимали все это Павел и его мать?

Делали вид, будто протестуют,— вот именно, делали вид.

Клава заносила Лене велосипед на третий этаж, звонила, сама спускалась вниз на один лестничный марш. Павел или его мать открывали дверь, но никогда не глядели на Клаву, хотя, конечно же, не видеть ее не могли, и, как правило, принимались ругать Ленечку за то, что тот будто бы опять где-то прогулял и задержался. Можно подумать, дома Леню ждут важные дела и серьезные интересы.

Позвонив еще раз по телефону Павлу, Клава получила нахлобучку, напоминание об уговоре — встретились раз, и хватит,— предложение подавать в суд, если она не согласна.

— Почему же,— наскакивал Павел,— почему не подаешь в суд? Ведь уверена — не отдадут. Ну и не мешайся!

Но она мешалась, не понимая все же, почему — на словах возражая, на деле Павел и его мать всерьез не мешают ей видеться с сыном?

Понимание пришло позже. Во-первых, что ни говори, хоть какая-то, но помощь. Во-вторых... Неужели же уже тогда они всерьез рассчитывали на это?

Словом, Клава заняла полулегальное положение в жизни сына, она встречалась с Ленечкой, но не имела на него прав.

По ночам она плакала, тетя Паша утешала ее, как могла, советовала подать в суд. Но сама мысль о суде вызывала в Клаве озноб. Идти в то же здание, где судили ее, требовать справедливости, может, даже говорить с теми же людьми, что всего два с небольшим года назад ее же и допрашивали, ее судили, ей выносили приговор, от которого никуда не денешься, не уйдешь до гробовой доски, до смертного часа.

Она содрогалась, а тете Паше отвечала так:

— Надо хотя бы год отработать, получить хорошую характеристику — иначе кто же мне его отдаст? Кто поверит?

Порой, бессонными ночами, Клава думала о том, что лучше бы ей умереть — да, лучше для Лени. Он и так был готов к ее смерти (а тюрьма родной матери — намного ли это лучше смерти?), может, он бы и всплакнул, но, верней всего, обошлось бы и без этого, она бесследно канула бы из жизни мальчика, он плохо помнил ее, с годами — забыл бы вовсе, и она не рвала бы его слабенькое сердце между матерью, вышедшей из тюрьмы, а значит, запятнанной навеки, и благополучным, чистым отцом.

«Зачем я появилась? — думала Клава.— Зачем я здесь? И нужна ли я Лене?»

На этот вопрос ответить определенно и уверенно она не могла и снова кляла себя за собственный эгоизм. Нужна ли она Лене, Клава ответить не могла, но то, что Леня нужен ей,— знала совершенно точно. Без Лени ее жизнь чудовищно бессмысленна.

Начать жизнь снова? Уехать в другой город, найти доброго человека, выйти замуж, родить другого ребенка, забыв Леню,— этой возможности никто не отнимал у нее. Верно, не отнимал, но ведь совесть есть...

Ей не хватило совести там, в мире благополучия и сытости — да, да, надо называть вещи своими именами, но здесь ей достанет и совести, и чести, и материнства. Если уходить, то — совсем. А жить, зная, что у тебя есть сын, отнятый у тебя по твоей же вине, может только зверь, но не человек.

Накануне дня рождения Ленечки — он родился в конце октября — Клава решила отметить это событие. Накануне, потому что, полагала она, в день рождения отец сам устроит какое-то торжество.

Тетя Паша испекла пирог с грибами, Клава раздобыла пастилы, зефиру, попросила у вокзальной буфетчицы бутербродов с деликатесами, взяла торт.

Раздумывая над тем, что же подарить Ленечке, она забрела на рынок и, пройдя ряды с продуктами, неожиданно оказалась в густой толпе странных людей. Впрочем, странными были только продавцы; покупатели, как все покупатели, говорили громко, открыто — только вот отвечали им тихо, да и товар был не у всех продавцов.

Один парень, услышала Клава, предлагал кофточки. Она заинтересовалась, придвинулась ближе. Продавец называл размер, объяснял приметы высокого качества, потом назвал цену — совершенно дикую. Клава спросила:

— А посмотреть можно?

Парень огляделся вокруг, по каким-то приметам понял, что все в порядке, мигнул напарнику. Подошел еще один, толстый, раскрыл портфель, набитый кофточками самых разных расцветок.

Клаву зазнобило. Вот он, дефицит.

Она сдерживала себя, заставляла уйти из этой толпы. Ей пришло в голову, что ее могут тут увидеть бывшие знакомые и сочтут за спекулянтку, опустившуюся после тюрьмы. Но она заставила себя методично обойти тайный рынок. Торговали джинсами — продавец натянул образец на себя; не поймаешь, а его подмастерье стоит с сумкой возле забора, покуривает, разговаривает еще с одним. Кожаную куртку — новую, прямо с торговой биркой, надел совсем пацаненок. В случае опасности он сунет бирку в карман, и вся недолга. Не придерешься.

Клава будто споткнулась: продаются маленькие джинсики, кордовые, последняя мода, и прямо на Ленечку. Купить?

Она отвернулась, чуть не бегом побежала от толпы.

Клава подумала, что она плывет по реке, и вот подплыла к знакомой уже воронке. Рванулась в сторону, ушла.

В подарок Ленечке купила на рынке цветастую шкатулку — яркую, расписную, радующую глаз. От такой коробочки — одна радость и улыбка.

Когда пир только начался — пирог с розовой корочкой, чайник под смешной, в очках, бабой, которая ему остыть не дает, варенье в розетках, разного вкусу, торт, в котором горят девять свечек, как в кино,— Клава развернула свой сверток, протянула, улыбаясь, Ленечке. Он принял, улыбнулся в ответ и вдруг, все так же светло улыбаясь, хлестанул Клаву:

— Лучше бы ты мне джинсы подарила!

Тетя Паша ничего не понимала, кивала головой, радуясь наивной прямоте ребенка, а Клава прикрыла глаза козырьком ладони, спрятала взгляд, молчала. Только что цвела, сияла и вдруг замолкла. Леня потянул ее за руку:

— Мам! Мам! Ты чо!

В тот вечер Клаву хлестанул и Павел. Когда она привела Ленечку домой темными, но не поздними осенними сумерками, отец расхаживал перед подъездом. В плаще и шляпе — фигура его выражала угрюмость и злобу. Увидев Клаву с Ленечкой, он двинулся угрожающе навстречу, вырвал Ленину руку из руки матери.

— Я же тебе сказал, чтобы ты не появлялась! — крикнул он.— Хочешь, чтобы заявил, куда следует? Чтобы тебя спровадили, откуда пришла? Надо же! Ворует ребенка, когда захочет и как захочет!

Мимо прошли две соседки, но Павел пара не сбросил, напротив, сильнее поддал. Голос его звенел:

— В школе я уже скандал учинил. Там тебе ребенка больше не отдадут.

Он схватил Леню за руку, держал его, точно вещь, не обращая на него никакого внимания. Но Лене ничего не сказал.

Потом бывший муж повернулся, двинулся вместе с сыном к двери.

Клава плакала, а Леня растерянно оглядывался на нее.

И вдруг она сорвалась с места. Кинулась к двери, наперерез. Закрыла собою проход.

— Слушай, ты! — крикнула она, чувствуя, как в ней просыпается прежняя Клавдия, всемогущая, уверенная в себе,— нет, нет, не начальница базы, а просто молодая, сильная, умная баба.— Слушай, ты! — повторила она, вскипая все больше.— А не ты ли лежал на диване перед телевизором и требовал: давай цветной! Не ты ли любил сладко пожрать и попить — за чей это счет? Не ты ли ворчал, когда от тебя требовалась малейшая забота о доме, о ребенке, о семье? И ты, выходит, чистенький! Моралист! Ты не разделяешь со мной моей ответственности? Да! Конечно! Ты только жрал! Ты только потреблял! Радовался! А теперь уверен, что имеешь права на ребенка! Почему?

Павел отшагнул назад от Клавы, смотрел на нее, пораженный, округлив глаза, приоткрыв рот, даже, кажется, испугавшись.

— Почему? — крикнула Клава в приступе ярости, подступая к нему на шаг.— Почему?—закричала она отчаянно и вновь придвинулась на шаг. Он отступал.— Почему?

Наконец эта безвольная тряпка, этот Павел собрался с силами, взял себя в руки.

— Почему? — крикнул он бес-

смысленно. И ответил с небольшим смыслом: — Потому!

Борьба продолжалась.

Теперь она обретала чувства. Павел вызывал в Клаве ненависть. Клава в Павле — страх. Прикрытый, припудренный липовой правдой, но страх.

Иногда Клаве казалось, что он готов отдать ребенка,— легко ли мужчине воспитывать сына, когда он еще собственную судьбу надеется устроить,—и лишь его мать противится этому. Мать и чувство непричастности к нечистому прошлому Клавы.

Тетя Паша поддерживала Клаву, говорила, да, кто оправдывает, худое оно худое и есть, за грех человеку всю жизнь душой-то раскаиваться, потому он и человек. Но ведь закон тоже не разотрешь. И коли по закону свое отбыла, отстрадала, значит, должно же милосердие голос подать в конце-то концов. Каяться всю жизнь — это да, но наказанной быть до смертного часа — разве это справедливо?

Наказывают закон и совесть, говорила тетя Паша, совесть навсегда, а закон — на время.

На время!

И, отправляя письмо, готовясь отстаивать материнские права, Клава начинала мыслить практично и в свою пользу.

Из письма:

«Когда я встречаю сына после школы, то приношу ему еду или те лакомства, фрукты, какие он любит. Принесла пирожки, говорю: «Сынок, придешь домой, попей чай с пирожками». И вот недавно он мне так зло ответил: «А где этот чай?» И я поняла, что если дома нет бабки, ребенок остается голодным или ест всухомятку. Это при живой-то матери?»

Еще из письма:

«Мой сын, как все дети, лишенные элементарного внимания со стороны родителей и чувствующие давление на их психику со стороны одного из них, очень замкнутый, тихий, занятия для себя находит сам, он любит сидеть в уголочке, чтобы никому не мешал, и все что-то плетет из проволоки или возится с велосипедом. Ему необходимо посещать какую-нибудь спортивную секцию, так как у него развивается искривление позвоночника и сутулость. Но, как видно, отца это мало беспокоит».

Опять из письма:

«Я как мать знаю все нюансы детского сердца моего сына. У нас взаимопонимание обоюдное. Мы обходим теперь вопрос о встречах. Сын звонит и сам напоминает мне: «Сегодня я буду кататься на велосипеде». Или: «Сегодня, в три, я иду в библиотеку». Я иду к нему, и мы вместе бродим по улицам. Иногда просто молчим, ни о чем не говорим, но я понимаю, что творится в сердце сына. Я ужасно измучена, как и мой сын, этими встречами украдкой. На сколько хватит нас с ним? Не могу ответить. А как жить? Как жить дальше? Ответа не нахожу».

В этой истории есть еще один пик, еще одно напряжение душевных сил — и матери, и отца, и сына. Если бы можно было замерить осциллографом силу их порывов, все три кривые рванулись бы до предела вверх, означив свое чувство.

Клаву вызвали в опекунскую комиссию гороно. Она удивилась, ничего не поняла и пришла. В комнате, кроме незнакомой безликой женщины, сидели Павел и его мать. Женщина из комиссии говорила сухо, выспросила у Клавы уже, бесспорно, известное ей, попросила паспорт, унизительно долго листала его. В прежние времена уже за одно это Клава бы выдала этой селедке по первое число, объяснила бы ей, что такое человеческое уважение, а теперь приходилось молчать. Впрочем, прошлые времена, справедливости ради надо заметить, Клава вспоминала редко. Была сила, были и возможности, теперь и возможности и сила были не на ее стороне.

Что же на ее? Одна вера? Одно упорство?

— На вас поступила жалоба,— сказала женщина, со вздохом возвращая паспорт, точно очень сожалея, что не смогла ни к чему придраться.— Жалоба от вашего бывшего мужа и его матери. Что вы уводите сына к себе, не поставив их в известность, не соблюдаете предшествующей между вами договоренности в воспитании ребенка.

— Договоренности?

— А разве у вас нет договоренности? — удивилась женщина.

— Его договоренность,— кивнула Клава в сторону Павла,— означает лишь одно: я не имею права видеться с сыном.

— Какая ерунда! — рассмеялся Павел.— И потом...

— Знаете, что я скажу вам всем,— проговорила женщина, обрывая Павла.— Главное — и если вы любите ребенка, это должно быть решающим в ваших отношениях — благо сына. С кем он хочет жить? С матерью или отцом? Это его выбор. Между прочим, суд тоже учитывает это не в последнюю очередь. Ваше право — подать дело в суд. Но даже и в том случае одному из вас придется регулировать с другой стороной время, продолжительность, место встреч.

— Скоро я подам документы,— воскликнула Клава.

— Ваше право,— согласилась женщина из комиссии,— но...

Она замялась, и Клава поняла ее.

— Главное—воля ребенка,—повторял Павел. И спрашивал у своей матери: — Верно?

— Я уверена,— сказала Клава,— он захочет быть со мной. И потом...

Она приготовилась говорить про сутулость и искривление позвоночника, про то, что Леня ест всухомятку, когда он один, про продленку — при живой-то матери.

— Давайте спросим его,— сказала мать Павла.

— Давайте! — воскликнул Павел.

— А где он? — спросила Клава.

Павел с подозрительной готовностью выскочил из комнаты и вернулся с Ленечкой. Он подталкивал сына впереди себя, но далеко не отпускал.

— Ну! — проговорил он.

Леня молчал.

— Мальчик,— голосом, смазанным повидлом, спросила женщина,— с кем ты хочешь жить? С мамой или с папой?

Леня опустил глаза, помолчал мгновение и ответил:

— С папой.

Павел продолжал держать его за оба плеча, и Клава даже рассмеялась: до чего же все ясно, до чего очевидно — Павел со своей матерью обработали Ленечку, обкатали его, уговорили, что надо сказать именно так.

Еще смеясь, она оглядела Ленечку внимательнее и вздрогнула. На нем были кордовые джинсики. Может быть, те самые.

Она заплакала. Женщина из гороно гладила ее по плечу, выйдя из-за стола, уговаривала успокоиться, совершенно не понимая, из-за чего плачет Клава.

А Клава плакала оттого, что ей пришла гадкая мысль — заподозрить собственного ребенка. Будто его купили за эти штаны.

Разве можно купить любовь? Да еще любовь чистого ребенка?

Это просто к ней вернулось на миг ее прошлое.

Действительно, грязное прошлое. А Ленечку подговорили, это ясно с первого взгляда. Капали, капали на него без передыху, не давали встретиться с ней, наговорили всякого, вот он и не выдержал, маленький.

«Не подумай только, малыш, что я тебя ругаю, нет, мой милый, ты тут ни при чем».

Опять из письма:

«Может, я пишу зря, звоню напрасно, как говорится, со своей колокольни?

Стоит ли мне так упорно врываться в мир отца и сына? Мне, грешнице, хоть и отбывшей свой срок — и все же грешнице до конца дней. Ведь в конце концов сын отвык от меня за два года, и его по-детски устраивает положение, в котором он находится.

Особенно если не будет меня рядом.

Но ведь есть же, есть еще и другое, что движет матерью,— неземная любовь к своему ребенку. Кто может ответить на вопрос: что движет матерью, если ради спокойствия своего ребенка она согласна уйти из жизни? Что не сделает мать ради своего сына?

Кто имеет право разлучить мать и ребенка?»

Что ж, вопрос повисает в воздухе.

Клава решила не отступать, и есть надежда, что суд прислушается к ее доводам, а Павел, который не прочь устроить личную судьбу, наконец уговорит свою мать отдать Ленечку бывшей жене.

И все же вопрос повисает в воздухе.

Точнее, он обращен к самой Клаве.

Ей нравились когда-то рассуждения о сильной личности. Сильная личность может, считала она, даже счастье построить.

Но сильная личность может выстроить и несчастье, вот в чем дело.

Невозвратимое не вернешь, что там говорить, речь не о том, чтобы отремонтировать карточный домик, рухнувший от первого порыва ветра.

Речь о том, что обломки ложного способны погрести истинное.

Без чего жизнь становится бессмысленной. Пустой. Никчемной.

Только бы Ленечка вернулся к ней.

Для нее он — единственная и, может, последняя надежда.

Она переступила дозволенное и наказана, ей труднее, чем Павлу, и моя душа теперь на ее стороне.

Нельзя терять человека.

Доколе можно — надо надеяться. Надо протягивать надежду.

Но тетя Паша права...

Закон наказывает на время, а совесть — навсегда.

«Я ЗНАЮ — ГОРОД БУДЕТ...»

●

Эти вещие слова Маяковского, его уверенность в будущем, его высокая мечта: «Я знаю — саду цвесть» — все ощутимее становятся нынешней явью, реалиями наших нынешних, именно нынешних дней...

О рабочей, спаянной своим единством бригаде, числом ни много ни мало двести тысяч человек, строящей новый город под названием «Степная», рассказывает зрителям показанный по телевидению фильм «Коней на переправе не меняют».

Это интересная, незаурядная, а главное, очень сегодня актуальная картина.

Сразу скажу: фильм, быть может, не очень уж далеко отошел от многих привычных и сразу же узнаваемых примет так называемой «производственной темы». Она тут, ничего не поделаешь, присутствует со многими ее приметами. Однако творческий коллектив, работавший над фильмом — коллектив очень большой и при этом очень сильный, яркий, радующий актерскими удачами,— преодолевает привычное, внося живое человеческое дыхание почти в каждую судьбу, которую видишь на экране. И прежде всего здесь надо назвать столкнувшихся между собой резко, непримиримо крупных специалистов Борисова и Родионова, строителей по призванию. Оно свойственно обоим потому, что и Родионов—Самойлов тоже работает неравнодушно, тоже «выкладывается» до отказа, как и противостоящий ему не на живот, а на смерть Борисов, удивительно сыгранный Л. Марковым. Но они антагонисты. Прежде всего потому, что их отношение к труду разнится потенциалом человечности.

Борисов строит город в комплексе. Строит с людьми и для людей. Родионов же строит прежде всего для скорейшего пуска в ход запроектированного производства; ради этого он готов жертвовать многим! И жертвует: надеждами людей, их терпеливым ожиданием той жизни — налаженной, сложившейся, которая уже была, кажется, так близка, пока вдруг не заболел, не выбыл из строя Борисов. И переутомился он, и давняя уже война дала себя знать, и личная жизнь не так-то счастливо сложилась, как хотелось бы...

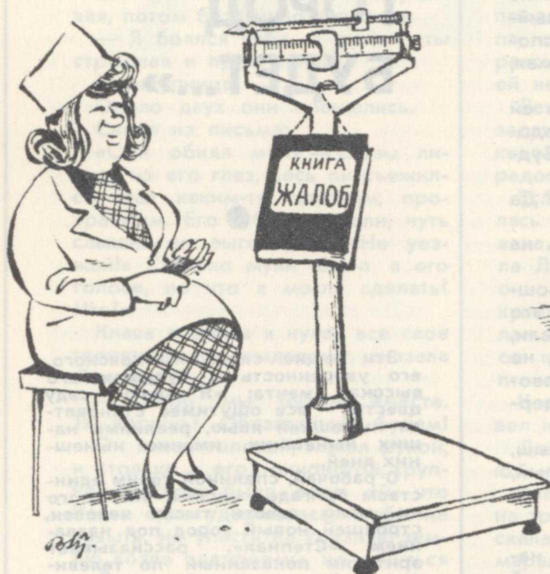
Леонид Марков — точнее, его вдумчивый герой, редкостно человечный человек с умным, печальным и добрым лицом — ведет основную линию фильма, не сглаживая, не притеняя конфликт, убирая многое из того, что выглядит лишь приблизительно верно... Но и Родионов Самойлова — не шуточен в его волюнтаризме, который уже ничем и никогда не может быть сломлен, изменен, разве что уходом с должности.

Убедительны многие лица в огромной рабочей бригаде, которая строит «Степную»; всем запомнится А. Джигарханян в роли бригадира Маркаряна, помогающего Борисову вернуться в строй... Ведь пословица-то «Коней на переправе не меняют», счастливо относится к судьбе Борисова! Это он возвращается строить город-сад. Родионову же придется расстаться со стройкой. Сами его методы устарели. Они сегодня не отвечают сознанию, достоинству, самоотвержению рабочего коллектива.

Н. ПАВЛОВА

Юмор

Рис. В. ТАМАЕВА.

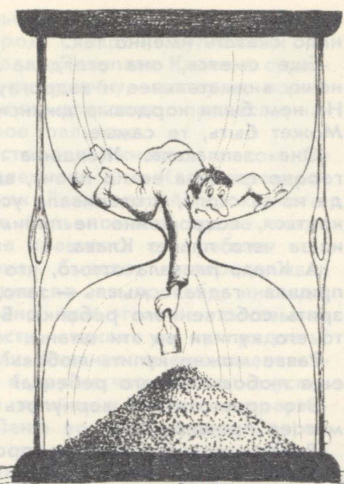

Рис. В. ЧАУСОВА (Ростов-на-Дону).

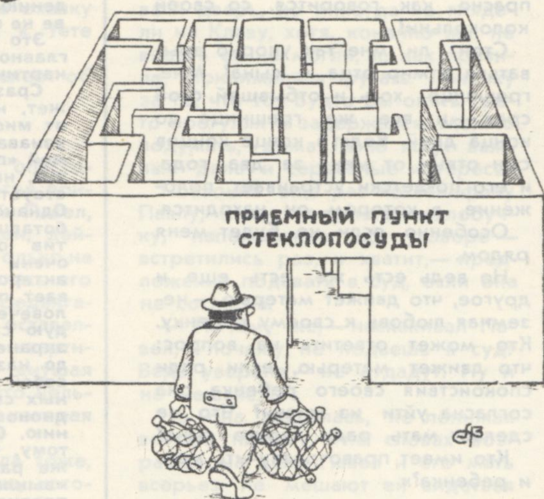

Рис. В. АШМАНОВА.

Грезы художника В. ДУБОВА.

Поражение

ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Виталий БАБЕНКО

Я пришел в магазин в четыре часа. Время было выбрано сознательно: после перерыва прошел уже значительный срок, а до конца рабочего дня, до толчеи, сутолоки и ругани еще далеко. Но была причина и неосознанная: во второй половине суток, а особенно ночью материализация у меня получается лучше всего,— хотя в тот момент о материализации я, конечно, не помышлял.

Итак, я пришел в магазин в четыре часа. Замечу сразу: в винный отдел. И сразу же оговорюсь: за лимонадом для сына. Впрочем, тусклая, как освещение в ночном автобусе, надежда на две-три бутылки холодного пива все-таки мерцала в душе. По не зависящим от меня обстоятельствам материализация здесь бессильна.

В отделе, слава богу, было пустовато. Водка не наличествовала, дешевый портвейн тоже. Конечно, свято место совсем пусто не бывает: у прилавка стояли, размышляя, два человека, в кепке и треухе, и еще двое шептались в углу, соображая.

И под полками, заставленными бордовыми «огнетушителями» совсем не с «бордо», под полками, охраняемыми вислым телом продавщицы Надьки в облачном, цвета дождливого неба халате, стояли ящики заветного пива.

И был лимонад. Славно...

Я выставил на высокий стеклянный прилавок пять пустых бутылок из-под «Байкала». О, я все рассчитал. Если последует жестокая математическая формула, порожденная презрением к торговому уставу и ко мне лично: «Одна на одну»,— я тут же найдусь, я не уйду, бормоча умные, но бессильные слова, я скажу: «Прекрасно! Две лимонада и три пива» — или наоборот: «Отлично! Две пива и три лимонада» — и нет еще такой Надьки с ее презрением, которая могла бы найти в своей практике исторический казус, юридический прецедент, позволяющие меня отшить.

Две фигуры впереди, обретя три бутылки вермута, вина на непонятных травах, сдвинулись в сторону, чтобы тут же, употребляя латинские названия этих трав, щеголяя знанием видов, подвидов, родов, семейств с обязательными для всех семейств матерями, в них немедленно и разобраться. А я, звеня и дзинькая, вздумал переставить выставленные на прилавок мои пять жалких бутылок поближе к продавщице.

— Куда?! — заорала вдруг Надька.— Куда двигаешь посуду? Оставь!

Я ошалел. Ошалел разом, застыв всем телом, но рука машинально продолжала переставлять невинную и действительно не винную тару, все так же звеня и дренькая стеклом. Она, рука, полагала, наивная, что так будет удобнее, что багровой Надьке не надо будет перемещать свой очень внушительный центр тяжести, вообще не надо будет покорять пространство, чтобы дотянуться до каких-то там пяти...

— Нет, это что же делается? — еще более сиреноподобно завопила тут продавщица.— Ему говорять «оставь» — он сует. «Оставь» — он сует. Ты что, тупой?

Все четверо алкашей с одобрением воззрились на Надьку. Я окончательно окаменел. И только мимические мышцы еще как-то сокращались, и язык еще где-то ворочался во рту.

— Вы как смеете? — Я плохо понимал, что происходит.— По какому праву вы со мной так...

— А вот и по праву! А вот и смею! — Это невероятное существо женского, наверное, пола уже не кричало, а вибрировало какой-то ужасной мембраной, производившей небесный гром.— Ходит тут всякое, работать мешает! Ну, что тебе? Зачем пришел?

Наверное, я появился здесь не вовремя. Наверное, я лишил эту клубящуюся тучей белковую форму возможности выдать милым дружкам из-под прилавка какую-нибудь неположенную вкуснятину — «Степную горькую», или благовонную «Имбирную», или божественный портвейн под притягательным названием «Лучистый». И, наверное, мне следовало немедленно найти верные слова из лексикона этих специалистов по растительным травам, чтобы весомо их обрушить за прилавок. Но меня уже контузило. Я уже падал, сраженный ударной волной ненависти, поэтому я улыбнулся суженными глазами и тихо сказал, подавая трешку:

— Три пива и два лимонада, мадам.

— Я тебе дам, «мадам»! — был взрыв. Грозоотметчик на стене зашкалило.— Я милицию вызову! Издеваешься надо мной, да? Я целый день на работе, а ты «мадам»? — кипела Надежда очень непоследовательно.

За моей спиной задышали.

— Чичас мы тебя укротим, не смотри, что длинный. Кореши, подержите-ка польт!

Все. Наплевать. Будь что будет. Я достал из кармана пистолет Макарова и передернул затвор.

Поясню. Наследственность сыграла со мной вредную штуку. Гены какие-то достались нездоровые. Я с детства, с самого рождения — материализатор. В минуты сильных эмоций, потрясений, добрых ли, злых ли, в минуты радости, вдохновения, счастья, гнева, отчаяния, злости я могу материализовать нужные мне предметы.

Пистолет возник у меня в руке, как сконденсировавшийся сгусток вороненой ярости. Нет, не то, не удовлетворяло меня оружие. Из-за отворота дубленки я вынул автомат Калашникова — хорошая, памятная еще по армии штука с приличной убойной силой. Нет, тоже мало: тридцатизарядного магазина явно не хватит. Отшвырнув автомат в угол, я выхватил из хозяйственной сумки ручную гранату. Сам подорвусь, но и разнесу всю эту лавочку.

А Надька, ничуть не напуганная Надька, обретя прежние объемы, навалилась на прилавок и колыхалась, хохоча:

— Ну-ка, ну-ка, давай, профессор! Рвани! А потом тебя рванут! За тридевять земель на веки вечные! А нам все равно ничего не будет. Закаленные мы! Целый день у прилавка! Ну-кось!

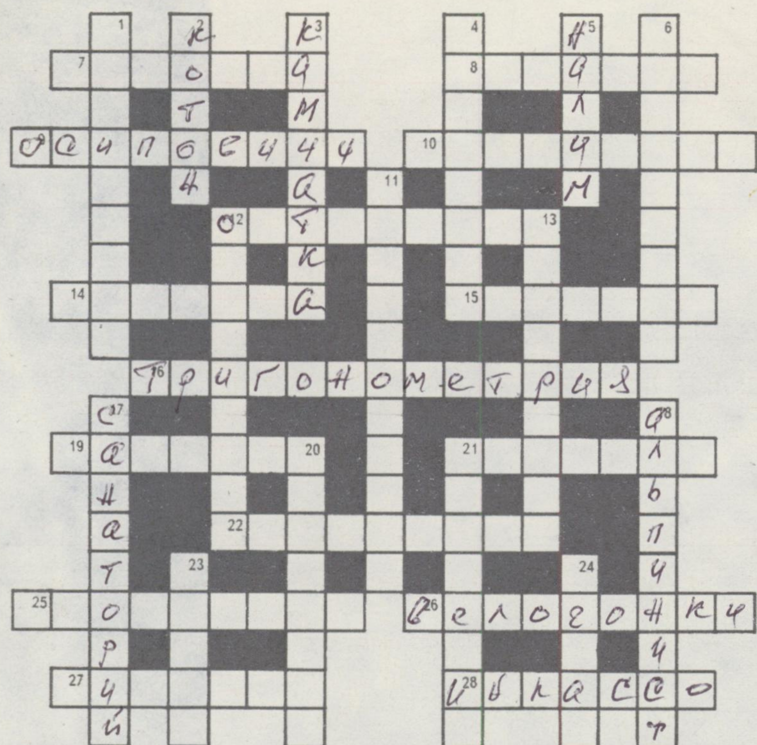
Плохо. И граната не годится. Так и не выдернув чеки, я сунул ее куда-то и обернулся к окну. Там, грохоча, напитывая воздух дизельной гарью, показалась колонна танков. Башни их медленно поворачивались. Стволы пушек, словно перья веера, сводились срезами к магазину.

Но непробиваемое исчадие Надежда уже слезами исходила от хохота, предвкушая неминуемую победу, а кореш без «польта» петушился рядом, суча в воздухе ошкарябанными кулаками.

И я бежал. Постыдно горя, сникнув, уменьшившись до размеров побитой собаки, очертя голову бежал...

Потому что единственное, что мне надо было сделать,— это приказать исчезнуть и магазину, и адовой Надьке, и свите ее, но как раз этого я не умею. Я умею только материализовать. Исчезание не по моей части. И потому я бессилен.

А ведь где-то ходят по свету исчезаторы, я им издавна страстно завидую, но постичь их умение не могу: это люди совсем с другой наследственностью.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Героиня оперы Л. Бетховена «Фиделио». 8. Природное органическое соединение. 9. Город в Могилевской области. 10. Поэт-декабрист. 12. Русский терапевт, основоположник научной школы. 14. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 15. Декоративное растение. 16. Раздел математики. 19. Служебное помещение в учреждении. 21. Дикая утка. 22. Стихотворение А. С. Пушкина. 25. Равенство между двумя отношениями в математике. 26. Спортивные соревнования. 27. Минерал, ювелирный камень. 28. Банковская операция.

По вертикали: 1. Телескоп для фотографирования Солнца. 2. Отрицательно заряженная частица. 3. Полуостров на северо-востоке Азии. 4. Физик, академик, Герой Социалистического Труда. 5. Рассказ А. П. Чехова. 6. Итальянский дирижер. 11. Народная артистка СССР, выступавшая на сцене Центрального театра Советской Армии. 12. Город в Якутии. 13. Писатель, Герой Советского Союза. 17. Лечебно-профилактическое учреждение. 18. Спортсмен, занимающийся восхождением на горные вершины. 20. Опера Д. Верди. 21. Мерило оценки. 23. Антилопа, обитающая в Азии. 24. Заповедник в Карелии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 1. Келдыш. 4. «Макбет». 7. Семинар. 8. Габарит. 9. Плазма. 12. Герасим. 14. Неджели. 16. Енот. 17. Море. 18. «Шахнаме». 20. Рангоут. 23. Греция. 25. Пластов. 26. Бисквит. 27. Вагнер. 28. Лирика.

По вертикали: 1. Крекинг. 2. Денежка. 3. Шуруп. 4. Магма. 5. Каботаж. 6. Тбилиси. 10. Люменометр. 11. Монтеверди. 13. «Сильва». 15. Дуайен. 18. Шаталов. 19. Никитин. 21. Глиссер. 22. Тактика. 23. Говор. 24. Ямбол.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Смоленская атомная электростанция. Машинный зал. * Старший инженер В. П. Цыганков. (См. в номере материал «Смоленская атомная».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Американский военный корабль у набережной Бейрута. * Демонстрация женщин в столице Ливана: «Свободу сыновьям, мужьям, отцам!» * Горит склад Детского фонда ООН.
(См. в номере материал «Ливан: пожар продолжается».)

Фото В. Ковната

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 03.01.83. Подписано к печати 18.01.83. А 00610. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 333. Заказ № 3609.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МИМИНО ЛЕТАЕТ ЗА ТЕЛЕВИЗОРАМИ

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Да, мимино. В переводе с грузинского это ястреб-перепелятник. Только на самом деле речь идет о вертолетчике, но не об актере, не о Вахтанге Кикабидзе, исполняющем в фильме «Мимино» эту роль, а о пилоте. Он работает на той же линии, что и в фильме — Телави — Омало — и теперь летает на Большую землю за телевизорами.

Прежде всего об Омало, где снимались некоторые эпизоды этого фильма. Административно Омало — село Ахметского района Грузинской ССР. Маленький населенный пункт на самой хребтовине Главного Кавказского хребта, центр тушинов, немногочисленной этнической группы грузин. Край этот известен своими людьми, на редкость работящими, характерами отважными и бесхитростными. Край нетронутой, девственной природы.

Мы летим туда зимой! Из аэропорта Телави видно, как далеко-далеко и высоко над Алазанской долиной за темной стеной ближних гор высятся уложенные в ряд снежные папахи. Вот туда и летим.

Но что значит — летим? Из Телави в Омало вот уже полмесяца как нет полетов. И вдруг выдается прозрачный, солнечный денек. И тут же откуда ни возьмись в аэропорт сбегаются застрявшие в долине, истомившиеся от ожидания летной погоды омалойцы: девушки-доярки, продавец магазина, почтовый работник и даже начальник омалойского аэропорта. Сюда-то он прилетел за какими-то железными трубками, а обратно — застопорило. И вот теперь эти трубки плюс мешки с мукой, авоськи с луком, кое-какая мебель, всякая прочая снедь и утварь, а также радио- и электротовары, среди которых возвышается коробка с новеньким телевизором,— все это сноровисто выкладывается посреди салона.

Вертолет взмывает над долиной и решительно пересекает ее. Уж горы под нами, сперва слегка припудренные снегом, чем выше, тем белей и белей. На перевале Абано (около четырех тысяч метров над уровнем моря) они достигают такой ослепительной белизны, что больно смотреть в иллюминатор. А смотреть хочется, потому что именно здесь, за перевалом, на причудливо вздыбленной и успокоительно запорошенной земле, в уютных ущельях ютятся аккуратные, маленькие деревеньки. Сейчас одиннадцать таких деревень входят в Омалойский сельский Совет. А было тридцать девять!

Случилось то, что слишком уж большой разрыв вышел между тем, как человеку живется в горах и как ему живется под горами. Под горами — свет, общение, цивилизация. В горах — разобщенность, полное отсутствие комфорта...

Об этом рассказывал Тельман Ичираули, молодой тушинец в синих джинсах и дубленке нараспашку. Он тоже ждал полета в Омало. Пока мы стерегли погоду, съездили с ним к подножию хребта в селение Алвани, где издавна живут те самые тушинцы, которые летом гонят баранту на высокогорные альпийские пастбища и переселяются в свои деревеньки, а осенью оставляют в них только дежурных зимовщиков. Алвани всегда служило перевалочной базой для связи гор с долиной. Это богатое село с крупным овцеводческим племенным совхозом, полное экономических и культурных благ.

Тельман Ичираули родился здесь, внизу. Потом учился в сельскохозяйственном институте, на экономическом факультете. После службы в армии работал в Алванском племсовхозе, последние годы — секретарем парткома. Ко всему этому надо добавить, что Тельман сильно привязан к горам и горцам. И потому, когда наступил удивительный для Омало день — день основания первого в истории этого высокогорья совхоза — и омалойцев собрали на сход и спросили, кого бы они хотели видеть своим директором, все в один голос сказали: Тельмана Ичираули. Да, директора совхоза здесь не назначали, а выбирали. Было это 11 июля 1981 года.

В тот день в Омало был праздник. По дороге, еще не окончательно достроенной, а поэтому частично на машинах, частично пешим ходом в Омало прибыли руководители республики во главе с первым секретарем ЦК Компартии Грузии, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе. В горах радовались гостям, радовались рождению хозяйства, радовались автомобильной дороге, которой у тушинцев до сих пор не было, была только лошадиная тропа. 75-километровая дорога (ее сооружали тбилисские метростроевцы) самый большой подарок тушинцам.

...Тридцать минут в воздухе, и вертолет садится в белое заснеженное Омало. И видно, как по склону, к которому лепятся домики, стекают вниз, к летному полю, омалойцы.

— Трудно работать здесь с людьми? — спросили мы Ичираули.

— Наоборот, легко. Каждый каждого знает: кто что может, кто чего стоит...

— Вы организовали хозяйство, привели из Алвани овец, крупный рогатый скот. Хватит людей ухаживать за ними?

— В 1981 году в Омало было 48 домов, теперь 77. Начали со 120 рабочих, сейчас их вдвое больше. И будут прибавляться.

— Поднимать людей сюда, когда они уже привыкли жить в долине — привыкло целое поколение! — нет ли тут нажима?

— Мы возвращаемся в дома своих отцов и дедов, и это справедливо. Мы жили здесь веками, а не десятилетиями. Нам надо только немного помочь, и мы будем здесь полезнее народу...

Из Омало вывозят шерсть и сыр. Омало сдало государству 41 тонну мяса. Это, конечно, мало, но ведь всего первый год!

В Омало провели линию электропередачи. В своем клюве «ястребы-перепелятники» таскали конструкции опор на такие высоты, куда никакой транспорт не доберется. Появился в Омало и новый одноэтажный дом с громадной тарелкой — приемным экраном — во дворе. Надпись на металле торжественно возвещает: «Радиорелейная линия... и телестанция в селе Омало сооружены Министерством связи Грузинской ССР в честь 60-летия образования СССР. Октябрь 1982 года».

Здесь только и слышишь «вернулся» или «поднялся из Алвани», что, в общем, одно и то же.

Поднялся из Алвани сын чабана и сам в прошлом чабан, окончивший два года назад сельхозинститут, ныне агроном, секретарь парторганизации совхоза Нодар Хаадзе — молодой партийной организации, ей нет еще и года. Стал председателем Омалойского сельсовета Герман Сисаури, строивший дорогу в это село. Поднялся из Алвани опытный главбух совхоза Котэ Девдараидзе, вернулась учительница школы-интерната Натела Джамрулидзе.

И еще ошеломительная новость: телефон зазвенел в Омало! Пока включен один аппарат на узле связи. И тут же, у входа, дощечка с такой прекрасной информацией: наш почтовый индекс 383367.

В населенном пункте под индексом 383367 нет еще улиц, нет номеров на домах. По крутым ухабам, от дома к дому почту развозит трактор ДТ-75.

В Омало белым-бело от снега. Чабаны с отарами овец ушли далеко в Ширакскую степь. На ферме идут обычные хлопоты. Женщины, которые не участвуют в них, вяжут тушинские узорчатые носки, тапочки, шали. Тельман Ичираули создает в совхозе вязальный цех.

В Омало зима. Термометр показывает минус 10. Но когда светит солнце (оно на 2000 метров ближе к Омало, чем к Наград), мужчины ходят в пиджаках, женщины только платки набрасывают, дети бегают без пальто.

Но вот солнце заходит. Что тогда? Тогда все по домам. Еще недавно мерцала тут керосиновая лампа. Сейчас электричество. И можно включить цветной телевизор. И весь мир войдет в дома людей, облюбовавших себе для жизни Главный Кавказский хребет.

Телевизор в спальном корпусе школы-интерната, в квартирах, если не у всех, то у многих. Телевизоры продаются в омалойском магазине потребсоюза. Вместе со спичками, солью, крупой и мукой телевизоры для Омало доставляют вертолетчики из звена Гурама Доленджашвили, того самого Гурама Григорьевича, ветерана этой трассы и других горных трасс, с помощью которого осуществлялись всевозможные трюки при съемках фильма «Мимино»...

Пастухи у зимнего костра: Гиго Цоцанидзе, Нугзар Буквандзе и секретарь парторганизации совхоза Нодар Хаадзе.

Зима в Тушетии.

Командир звена вертолетчиков Г. Г. Доленджашвили.

Аэродром в Омало.

В горах появилась телебашня.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663